Н.Ю. ГВОЗДЕЦКАЯ

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И КОНФЛИКТАХ

Министерство образования Российской Федерации

Ивановский государственный университет

Н.Ю. ГВОЗДЕЦКАЯ

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И КОНФЛИКТАХ

(Учебное пособие)

Иваново
2001

Впервые в отечественной науке история англосаксов в Британии (V — XI вв.) представлена в

жанре исторического портрета. Биографии 127 светских и церковных деятелей раннесредневековой Англии (в том числе — женщин) позволяют выявить основные типы социально-политических, культурно-религиозных и личностных конфликтов в доиндустриальную эпоху. Исследованный материал охватывает главные этапы формирования английского государства — образование англосаксонских королевств, христианизацию и христианское просвещение страны, ее защиту от викингов и построение единой Англии. Пособие предназначено для студентов старших курсов исторических факультетов вузов, а также для всех, кого интересует роль личности в истории раннесредневековой Европы.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 000680111)

Печатается по решению кафедры истории древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета

Научный редактор

доктор исторических наук **И.В. Кривушин**
(Ивановский государственный университет)

Рецензент:

кандидат филологических наук **М.Р. Ненарокова**
(Институт мировой литературы РАН, г. Москва)

ISBN 5 – 89729 – 043 – 1

© Н. Ю. Гвоздецкая, 2001

Предисловие

//////////////////////

В центре затрагиваемой в данном учебнике проблематики стоит политическое и культурное строительство раннесредневековой Англии, раскрываемое в лицах и конфликтах, а не социально-экономическое ее развитие, которому за истекшее столетие уделялось достаточно внимания в отечественной науке. Настала пора вернуться к истории как динамическому столкновению идей и воль, совершающемуся в границах определенной политической и культурной ситуации[1].

Цель книги — проследить кристаллизацию единого английского государства и общества из многообразных этнических, религиозных и культурных традиций, претендовавших на права гражданства в Британии V-XI вв. Единство и непрерывность этого процесса (то, что сами английские историки любят называть термином continuity) лучше всего прослеживается именно в последовательном описании деятельности выдающихся личностей рассматриваемого периода,

[1] В основу настоящего учебника положены материалы книги Р. Флетчера (*R. Fletcher*. Who is Who in Roman Britain and Anglo-Saxon England. London, 1989), которая является одной из первых попыток энциклопедического представления англосаксонской истории и культуры, сохраняющего вместе с тем хронологическую последовательность. При необходимости эти материалы дополнялись иными источниками информации, в том числе исследованиями автора.

которая сама по себе есть не что иное, как беспрерывная цепь конфликтов и поисков их разрешения. Результатом этих поисков и остается до сих пор то, что можно назвать английским национальным самосознанием (или менталитетом), уникальным сокровищем современного европейского сообщества.

Если взглянуть на карту Британии, то станет заметно ее особое положение в геополитическом пространстве Европы: она окаймлена тремя морями (Ирландским, Северным и проливом Ла Манш, или Английским Каналом), что издавна делало ее приманкой и добычей для самых разных народов — иберийцев, кельтов, римлян, англосаксов, скандинавов. Однако в конечном итоге лишь англосаксы оказались единовластными правителями этого удивительно мягкого по климату и плодородного острова. Более того, именно англосаксы создали на нем цивилизацию, которая через своих отважных мореплавателей шагнула далеко за пределы Европы. Недаром даже американские колонисты вспоминали своих англосаксонских предков, когда осваивали земли Калифорнии.

Феномен англосаксонской цивилизации в Британии, формировавшийся на протяжении V-XI столетий, сложился на перекрестке и в конфликтном взаимодействии трех культур: кельтской, римской и германо-скандинавской. Исконная германская основа этой цивилизации, принесенная с континента в Британию вместе с завоеванием ее англосаксами, претерпела значительную трансформацию под воздействием трех других народов. Рим, ее креститель и покровитель, подарил ей сокровища христианской веры и средиземноморской книжности. Соседство Ирландии всегда оставляло древнюю Англию

открытой для кельтских вождей и проповедников. Наконец, в борьбе с викингами англосаксы не только еще раз осознали германский характер родной истории, языка и преданий, не дав ему раствориться в потоке романских веяний, но и сделали сознательную ставку на культурное единство с континентом, чем навсегда обезопасили себя от культурного «провинциализма».

Глава 1

ЗАВОЕВАТЕЛИ БРИТАНИИ

//////////////////////

1. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ БРИТАНИИ: ИСТОКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

История англосаксов в Британии начинается с периода мало освещаемых источниками и не конца ясных конфликтов германских переселенцев с кельтскими племенами бриттов, населявших остров со второй половины I тыс. до н. э. и покоренных римлянами в начале нашей эры. Конфликты эти были подготовлены всем ходом развития Британии как римской провинции, на котором следует остановиться несколько подробнее.

В 55 г. до н.э. Британию впервые попытался завоевать Юлий Цезарь с целью усмирения британских белгов, досаждавших военными набегами соседним кельтским племенам, которые были связаны узами родства со своими континентальными соплеменниками, римскими конфедератами. Однако флот его был поврежден бурей, а воинственные белги сумели дать отпор десятитысячной римской армии. После повторной попытки в 54 г. Цезарю удалось разгромить вождя белгов Кассивелана, который обещал не беспокоить своих соседей. Обещание было нарушено внуком Кассивелана Кунобелином (Цимбелин в известной драме Шекспира). Это привело к ожесточенным межплеменным распрям среди британских кельтов,

мешавшим римской торговле, которая была особенно распространена на юго-востоке Британии (ее центром был Лондиний, нынешний Лондон).

В 43 г. н.э. в этнический конфликт вмешался император Клавдий и разбил сыновей Цимбелина. С этого момента начинается покорение Британии римлянами, которое привело к установлению там римского господства. Названия городов на “честер” и “кастер” (Манчестер, Ланкастер) говорят о связи их с римскими лагерями. Мягкий климат Британии давал хороший урожай и мог прокормить римскую армию, в том числе находившуюся в Галлии.

В 61 г. римская армия дошла до Ирландского моря несмотря на отчаянное сопротивление Уэльса. В том же году произошло восстание бриттов под предводительством королевы Боадицеи, которая разгромила Лондон (были перебиты более 70 тыс. человек, в их числе масса романизованных кельтов), но потерпела поражение и покончила с собой. В период между 120-210 гг. произошло еще несколько восстаний. Особенно досаждали римлянам обитатели Шотландии, что заставило императора Адриана построить знаменитую каменную стену, которая достраивалась и перестраивалась его преемниками. Стена эта, через которую не могла переправиться кельтская конница, сохранилась до сих пор под названием The Hadrian’s Wall (Вал Адриана).

Вместе с завоеванием в Британию новым потоком хлынули римская торговля и деньги, а с ними римские нравы и римская образованность. По данным Тацита (80-е годы I в. н.э.), бритты перенимали язык, одежду и обычаи римлян. Во времена римского полководца и правителя Агриколы в Британии вошла в моду римская тога. Однако здесь романизация местного населения не зашла так далеко, как в соседней Галлии: в Британии, по-

видимому, никогда не звучала «народная латынь». Сохранились римские языческие храмы, где наряду с именами римских богов появляются и кельтские имена. Следов христианства мало, хотя иногда встречаются христианские символы и надписи. Известна христианская базилика в Сильчестере. О дате христианизации Британии при римлянах точных сведений нет. Англосаксонский автор Бэда Досточтимый (VIII в.) говорит о 180 г., есть туманные сведения о первомученике св. Олбане, пострадавшем при Диоклетиане. Видимо, христианство распространилось в Британии в III в., но многое в его истории остается неясным.

Романизованная Британия была типичной римской провинцией, где даже жизнь коренного населения (кельтских племен) была организована на римский манер: каждое племя имело совет, магистрат и столицу. Во II-IV вв. внедряется и расцветает римская система ведения сельского хозяйства (виллы), основанная на труде рабов. Римляне построили прекрасные дороги, которые носили название via strata, перенесенное затем на городские улицы (откуда современное английское слово street, заимствованное англосаксами из языка романизованных кельтов). Практически же римская Британия делилась на две части: мирную, романизованную (юго-восток и центр) и военную, где господство римлян поддерживалось системой крепостей.

С конца III в. саксы и другие германские племена начинают нападать на восточное побережье Британии так же, как они нападали на северное побережье Галлии (в латинских источниках это побережье именуется Litus Saxonicum “Саксонский Берег”). Пришлось создавать в гаванях форты с конно-пешим гарнизоном, который отражал набеги морских

пиратов. В IV в. усиливаются набеги пиктов на севере и скоттов из Ирландии. Это было начало падения римской Британии.

В 383 г. офицер римских войск в Британии Магнус Максимус объявил себя императором, переправился с войсками в Галлию и захватил власть в 387 г., а затем двинулся на Италию, но в 388 г. был схвачен и казнен по приказу императора Феодосия. Судьбу Магнуса повторил узурпатор Константин III (407-411), римский солдат неизвестного происхождения, который в 407 г. вывел войска из Британии, попытался захватить власть на континенте, но в 411 г. был казнен императором Гонорием. В этому времени (408 г.) очередную серьезную атаку на Британию предприняли саксы, а на континенте началось вторжение в Галлию германских племен вандалов, свевов и аланов.

Таким образом, после ряда неудачных военных переворотов и нашествия варваров римские войска на континенте были отрезаны от Британии и никогда больше туда не возвращались, а британские кельты оказались предоставленными сами себе. Бритты организовали самоуправление для защиты от набегов пиктов и скоттов Ирландии и Каледонии (Шотландии). Видимо, защита была малоуспешной, ибо в 409 г. они просили о помощи римлян, однако император Гонорий посоветовал им защищаться самим. Тем не менее еще в 446 г. бритты считали себя римлянами и обращались за помощью к римскому полководцу Аэцию.

Несмотря на длительную романизацию, страна сохранила кельтскую основу, и после ухода римлян началось нечто вроде кельтского возрождения, тем более что Британия оставалась в кельтском окружении. Кельтская знать, перенявшая римские способы ведения хозяйства, стала

превращаться в земельных магнатов, которые вели между собой борьбу за землю и рабов. Эти междоусобицы приняли особенно ожесточенный характер из-за отсутствия центральной власти. Враждовавшие вожди приглашали с континента себе на службу дружины англов, саксов и ютов. Так с середины V в. начались вторжения германских племен в Британию.

До сих пор спорным остается вопрос о «прародине» переселенцев на континенте и о ходе колонизации Британии. Обычно считают, что в завоевании участвовали три племени — англы, саксы, юты, но новейшие исследования указывают также на участие фризов и даже франков. Со времен Плиния Старшего и Тацита принято относить эти племена (кроме франков) к разряду «ингвеонов» – части западногерманских племен, обитавших по побережью Северного моря и составлявших в начале нашей эры военно-религиозный союз, название которого восходит к имени германского бога плодородия (упоминается под именем Ингви-Фрейр в «Саге об Инглингах»). Данные топонимики и археологии, как и сообщения римских историков (в первую очередь Тацита), позволяют предположить, что юты обитали на севере Ютландского полуострова, англы – на юге Ютландии, саксы – в низовьях Эльбы и Везера. Существует предположение, что набеги на Британию начались после продвижения указанных племен на запад, в северную Галлию.

Согласно наиболее ранним источникам, англы заселили восточную Англию, саксы – южную, а юты заняли Кент. Однако археологические материалы не подтверждают строгого разграничения областей расселения. Так, “англские” броши найдены в Кенте, а “кентские”

украшения встречаются в Восточной Англии.[2] Есть основания говорить не только о культурной близости племен, заселивших Англию, но и об их относительно смешанном расселении. Наибольшее своеобразие обнаруживает лишь Кент (Kent), заселенный ютами. Имена племен сохранились в названиях англосаксонских королевств: Сассекс, Уэссекс и Эссекс сохраняют соответственно названия южных, западных, восточных саксов (Sussex от South Saxons, Wessex от West Saxons, Essex от East Saxons); Восточная Англия (East Anglia) — имя англов. Полагают, что англы заселили также область Мерсии (Mercia) и Нортумбрии (название последней Northumbria означает «страна к северу от реки Хамбер»). Поселения германцев к середине VI в. заняли всю южную и среднюю Англию вплоть до реки Хамбер на севере, а во второй половине VI в. распространились и севернее Хамбера. Ныне известно более 1500 могильников с пятьюдесятью тысячами захоронений англосаксов, относящихся ко времени до 600 г.[3]

Стирание племенных различий, начавшееся еще на континенте, подготовило почву для сравнительно быстрого формирования единой культуры переселенцев в Британии. В VI в. кельтский автор Гильдас называет завоевателей Saxones, папа Григорий Великий – Anglii. Англосаксонский монах Бэда (первая половина VIII в.) говорит о трех племенах, но в название своего сочинения Historia Eccleasiastica Gentis Anglorum выносит имя «англы». В труде Павла Диакона «История лангобардов» (вторая половина VIII в.) впервые встречается двойное наименование Anglii Saxones. Епископ Ассер, современник и

[2] *Е.А. Мельникова.* Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 12.

[3] *Е.А. Мельникова.* Меч и лира… С. 11.

биограф уэссекского короля Альфреда (вторая половина IX в.), называет его Rex Angulsaxonum. Сам же Альфред, представитель западносаксонской королевской династии, прославившийся своим сопротивлением скандинавским завоевателям-викингам, именует свой язык и народ «англским» (Englisc), а страну – Englaland («страна англов»), откуда происходит современное название Англии — England. Очевидно, что в эпоху борьбы с внешним врагом племенные различия перестали быть актуальными, и вместе с единым названием начинает формироваться и единое национальное самосознание англичан.

Историков занимают два вопроса: о судьбе римских поселений в англосаксонскую эпоху и о взаимоотношениях кельтов и англосаксов.

Судьба римских поселений неясна. Одни считают, что римские города были разрушены и стали необитаемыми, и следовательно, нет преемственности между римской и англосаксонской эпохами. Другие полагают, что нет оснований говорить о полной гибели римской цивилизации и латинского языка. Гильдас называет латынь «наш язык» (nostra lingua), а своих соотечественников-бриттов – «граждане» (cives). Григорий Великий указывал на Лондон и Йорк как на густонаселенные города в 601 г.

До начала XX в. господствовала теория полного истребления кельтов. Однако обилие кельтских названий населенных пунктов, кельтские остатки в лексике (связанной с сельскохозяйственными работами и женским домашним обиходом), наконец, аэрофотосъемки, которые показывают сосуществование в Сассексе и Йоркшире полей кельтского и германского типов – все это доказывает, что вряд ли можно говорить о полном уничтожении кельтского элемента. В

этническом отношении кельты сохранились через браки англосаксов с кельтскими женщинами. В англосаксонских судебниках и повествовательной литературе упоминаются бритты как несвободные, находящиеся в зависимости от германцев. Те же, кто хотел сохранить независимость, эмигрировали в VI в. в Галлию, на полуостров Арморику, и дали имя этой французской провинции — Бретань. Свободными остались кельты Шотландии (пикты восточного побережья, скотты легендарного королевства Дальриада, бритты Стрэтчклайда), а также обитатели Уэльса и Корнуолла. Обитателей Уэльса англосаксы называли weallas «валлийцы», что означает «чужестранцы».

Источниками наших знаний об англосаксонском завоевании Британии являются: сочинение Гильдаса “О разорении Британии” (ок. 550), труд Бэды Досточтимого “Церковная история рода англов” (731 г.), книга Ненния “История бриттов” (начало IX в.) и, наконец, “Англосаксонская хроника” (составлена около 890 г.). Сведения скудны и носят полулегендарный характер, однако позволяют составить некоторое представление о личностях, участвовавших в этом процессе (их описания даны в разделе «Исторические портреты»), и характере конфликтов, в которые они вступали.

Картину конфликта, разгоревшегося между пришельцами и туземцами, живописует его современник Гильдас, который рассказывает о разоренных городах (оставленных впоследствии завоевателями, так как они не представляли для них интереса), о рухнувших башнях, обвалившихся стенах, опустошенных деревнях. Быть может, именно следы этих разрушенных римско-кельтских городов позднее нашли столь яркое поэтическое воплощение в англосаксонской поэме «Руины»

(всего около пятидесяти строк), написанной на древнеанглийском языке:

«Каменная диковина —
великанов работа.
Рок разрушил.
Ограда кирпичная.
Пали стропила;
башни осыпаются;
украдены врат забрала;
мороз на известке;
щели в дощатых —
в щепки изгрызены
крыши временем;
скрыты в могилах,
землью взяты
зодчие искусные —
на века они канули
пока не минет
сто поколений смертных;
стены красно-кирпичные
видели, серо-мшаные,
держав крушенья;
под вихрями выстояли;
рухнули
высокосводчатые…».[4]

Большинство исследователей не ставят под сомнение историческую достоверность описания, в котором обычно видят отголосок римских зданий и бань в г. Бате, славившемся своими горячими источниками. Проводившиеся раскопки обнаружили остатки многочисленных банных залов, прямоугольные и круглые бассейны, к которым подводилась по акведукам вода (эти детали неоднократно упоминаются в поэме). Полагают, что

[4] Цитируется в переводе В.Г.Тихомирова по изданию: Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А.Смирницкая, В.Г.Тихомиров. М., 1982. С. 78.

здесь отразилась та стадия развалин, которую могли представлять римские постройки спустя три-четыре столетия после завоевания (вполне обоснованная датировка данной поэмы).[5]

В элегии нет прямых христианских аллюзий, однако внятно звучит мотив бренности мира сего. Архитектурные подробности, точность и красочность описания создают впечатление непосредственного лирического отклика. Однако это, конечно, иллюзия. Способность к саморефлексии англосаксонские поэты приобрели много позже, после знакомства с латинской книжностью, что и позволило им подарить вздох элегического сожаления тем разрушениям, которыми нимало не смущались их предки. Завоеватели не только не были знакомы с латинской письменностью, но и пребывали в язычестве.

Религиозные различия добавляли жару в этнический конфликт. Гильдас в самых красноречивых выражениях упрекает кельтских правителей в необдуманном приглашении язычников-варваров: “Яростные саксы, навеки ужасающей памяти, были допущены на остров, как множество волков в стадо овец, чтобы защитить их от северных народов. Ничего сокрушительнее и пагубнее никогда не совершалось в этом королевстве. О, затмение и тупость разума и понимания! О, скудоумие и глупость этих душ!”[6].

Это суровое порицание не осталось не отмеченным Бэдой, который, однако, дает поведению туземцев-бриттов свое собственное истолкование, приписывая их легкомыслие несоблюдению христианских заповедей и особенно нежеланию проповедовать язычникам слово Божие:

---

[5] *О.А.Смирницкая.* Примечания // Древнеанглийская поэзия… С. 286.

[6] Цит. по: *Е.А.Мельникова.* Меч и лира… С. 10.

«Короли, священство, знать и люди простые, пока помнили недавние бедствия и убийства, держались еще в определенных рамках. Но когда они умерли, и пришло новое поколение — те, что ничего не знали о прежних временах, а были знакомы лишь с нынешним мирным положением, тотчас всякая честность и справедливость были отброшены, и не осталось от них и следа, но мало, очень мало кто вообще помнил об их существовании. К этим неописуемым преступлениям, о которых в самых горестных выражениях рассказывает их историк Гильдас, добавилось и еще одно: никогда они роду англов и саксов, что Британию населил, слово веры не возвещали»[7]. Нечестию и лени туземных обитателей Бэда противопоставляет благочестивое рвение римских миссионеров, которые сумели донести до англосаксонских завоевателей Британии свет христианской веры.

Возможно, контакту завоевателей и завоеванных мешал также барьер языка: ни для бывших германских конфедератов, ни для кельтских граждан Британии латынь так и не стала родным языком, а их собственные языки были слишком различны, чтобы быть взаимопонятными в повседневном общении. Обвинения Бэды отчасти преувеличены еще и потому, что нельзя полностью отказывать бриттам в миссионерских устремлениях: в конце концов, в эпоху англосаксонского завоевания жил не только епископ Ниниан, проповедовавший среди соседнего племени пиктов, но и св. Патрик, «апостол Ирландии».

Тем не менее иноземные влияния действительно оказались более значимы для христианского просвещения Британии в ту пору:

[7] Цит. по: Bede’s Ecclesiastical History of the English People / Ed. B.Colgrave. Oxford, 1969. P. 66-68 (здесь и далее, если не указано иначе, перевод автора).

так, для преодоления «пелагианской ереси», названной по имени британского уроженца Пелагия (конец IV-начало V в.), потребовалась миссия св. Германа из Галлии (380-448 гг.); для укрепления монашеского движения — миссия св. Колумбы (около 518-597 гг.), прибывшего из Ирландии и основавшего знаменитую обитель на острове Иона; для крещения англосаксов — римская миссия св. Августина 596-597 гг. Итак, наряду с потоком германских переселенцев, искавших земель и добычи, в Британию двигался и другой поток — те, кто стремился завоевать сердца варваров и привлечь их к исполнению евангельских заповедей.

В плане духовного просвещения и культурного развития V-VI вв. подготавливают в Британии почву, на которой произрастут семена христианской веры и средиземноморской образованности. Вожди светские (англосаксонские королевские династии, возводящие свой род к языческому богу Водану), не входят еще в ту пору в прямой контакт с вождями духовными (иноземными миссионерами), но само их утверждение на прежней романо-кельтской территории служит предпосылкой получения ими нового статуса в семье европейских народов — христианский Рим, Галлия и Ирландия уже готовы принять их под свое окормление и внести новую струю в англосаксонское общество.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В О Ж Д И С В Е Т С К И Е

ВОРТИГЕРН

VORTIGERN, около 425-450 гг. — правитель бриттов, пригласивший англосаксов в Британию

Поздняя легенда представляет Вортигерна как единственного виновника всех бед, обрушившихся на кельтов Британии в связи с англосаксонским завоеванием. Однако наиболее ранний источник (труд кельтского церковного писателя Гильдаса «О разорении Британии») не упоминает даже его имени, называя правителя Кента просто «гордый тиран». Бэда прибавляет к эпитету Гильдаса имя и звание короля. Ко времени Ненния вокруг имени Вортигерна собралось много сомнительных преданий, например предание о любви Вортигерна к дочери Хенгиста и о том, что за ее руку Хенгисту был отдан Кент.

Нынешние историки в большинстве своем признают, что Вортигерн существовал и что он пользовался политическим влиянием в значительной части бывшей римской Британии примерно во второй четверти V в. Весьма вероятно, что он вызвал германских наемников, поселил их в восточной части острова и использовал для защиты территорий от других врагов, по-видимому пиктов. Это согласовывалось с обычной позднеримской практикой, хорошо зарекомендовавшей себя в нескольких областях империи. Есть вероятность, что римские власти следовали этой практике в Британии уже в конце IV в. Равным образом вероятно, что наемники восстали, нанесли поражение силам Вортигерна и присвоили значительные части британской территории. Полагают, что это могло случиться уже в сороковые годы V века.

АМВРОСИЙ АВРЕЛИАН

AMBROSIUS AURELIANUS, V в. — вождь романо-бриттов, возглавивший борьбу против англосаксов

Гильдас представляет Амвросия как предводителя тех бриттов, что не захотели смириться с властью германских наемников и восстали против «гордого тирана» Вортигерна. По словам Гильдаса, Амвросий сражался против англосаксов «с Божией помощью»[8] и, следовательно, был христианин.

Особенно любопытно утверждение Гильдаса о том, что родственники Амвросия некогда «носили пурпур», то есть, по-видимому, относились к императорской фамилии. Однако невозможно сказать, в какой именно династии законных или незаконных правителей императорского Рима следует искать предков Амвросия. Более позднее предание об Амвросии в работе Ненния «История бриттов» делает его фигуру еще более легендарной, но в то же время сообщает ряд правдоподобных фактов, а именно, что Амвросий был врагом Вортигерна и «вождем из вождей всего британского народа». Возможно, что в послеримской Британии Амвросий действительно пользовался как политической, так и военной властью. Делались попытки выявить область его господства на базе топонимов, созвучных его имени, таких как Эмберли (Amberley) в Сассексе, но они остаются недостаточно обоснованными. Амвросия Аврелиана обыкновенно связывают с упоминаемым Неннием

[8] Здесь и далее в разделах «Исторические портреты» источник цитируется по изданию: R. Fletcher. Who is Who…, если не указано иначе.

Арториусом (Артуром), имя которого впоследствии включено в цикл легенд о рыцарях Круглого стола.

АРТУР

ARTHUR, V в. или VI в. – легендарный предводитель бриттов в борьбе с англосаксами, воспетый кельтской поэтической традицией

Представления о реальности Артура как исторической личности основаны на следующих, весьма неясных, свидетельствах. Впервые имя Артур появляется в кельтской поэме «Гододдин» (около 600 г.) при метафорическом обозначении воинской доблести: о некоем воине говорится, что «он насыщал черных воронов (то есть сражался и убивал), хоть и не был Артуром». Далее, Ненний дает перечень двенадцати битв, выигранных Артуром, причем Артур упомянут в одном ряду с другими правителями бриттов, хотя сам он был «командиром в сражениях» (dux bellorum). Этот отрывок принадлежит традиционному жанру стихотворных “перечней битв”, который, по мнению некоторых специалистов, сложился в кельтской литературе не ранее первой половины VII в., и потому не может восходить ко времени самого Артура. Последнюю из упомянутых Неннием битв (битву при Монт Бэдоне) принято отождествлять со знаменитой битвой при Бэддон Хилле, на которую ссылается Гильдас (правда, не называя имени предводителя бриттов). Место этой битвы не найдено, но две хроники (составленные, впрочем, не ранее X в.) относят ее к 516 г., а смерть Артура — к 537 г. Трудно, однако, оценить степень достоверности этих поздних источников. Единственное, что можно заключить из всех этих свидетельств — это что с конца VI в. в кельтской

поэтической традиции прославлялся некий герой прошлого, сражавшийся с англосаксами.

Имя Артур (восходящее к довольно необычному римскому имени Арториус) было популярно в кельтских королевских семьях конца VI в., ибо так звали сына короля Айдана из Дальриады, убитого Этельфридом в 603 г. В XII в. фигура Артура воспроизведена Гальфридом Монмутским в его «Истории королей Британии», однако в совершенно не свойственном VI в. рыцарском антураже.

ХЕНГИСТ

HENGIST, около 450 г. – первый германский правитель Кента, предводитель ютов

Бэда утверждает, что Хенгист был приглашен в качестве наемника Вортигерном между 449 и 455 гг. Записи в «Англосаксонской хронике» сообщают о его четырех сражениях против бриттов и смерти в 488 г. Весьма вероятно, что он представляет собой то же лицо, что и Хенгист, упоминаемый в «Финнсбургском эпизоде» древнеанглийского эпоса «Беовульф» и в отрывке из несохранившейся поэмы «Битва при Финнсбурге». Нет оснований сомневаться в его существовании, ибо археология подтверждает наличие многочисленных германских поселений в Кенте в тот период, когда жил Хенгист.

Изделия, найденные археологами в Кенте, отличаются от таковых в других англосаксонских королевствах, что подтверждает мнение Бэды и его информантов из Кентербери, что германские поселенцы в Кенте принадлежали к отдельному племени, которое не отождествляло себя с англами и саксами и считало своей родиной Ютландию. Особое положение Кента в Британии подкреплялось

в дальнейшем близкими контактами с франками римской Галлии, которые проясняют обстоятельства крещения Кента в эпоху Этельберта и Августина.

ЭЛЛЕ

AELLE, около 480 – первый германский правитель южных саксов

Анналы «Англосаксонской хроники» рассказывают о военных подвигах Элле между 477 и 491 гг. Возможно, что завоевание им Сассекса каким-то образом связано с военной экспансией франков северной Галлии при короле Клови (Clovis). Бэда говорит, что Элле первым добился верховной власти (лат. imperium) над всеми королями Англии южнее реки Хамбер — власти, которая позволяла носить ему англосаксонский титул Bretwalda (буквально «правитель Британии»), как о том сообщает «Англосаксонская хроника». Смысл этого титула остается предметом дискуссий. Во всяком случае, он не предполагает сколько-нибудь постоянной власти по всей стране, но просто означает временный союз германских вождей с Элле во главе, направленный против южных бриттов. Едва ли Элле чем-либо отличался от прочих германских вождей, которые сражались за временное господство на территории бывшей Римской империи.

КЕРДИК

CERDIC, около 490-530 гг. — первый германский правитель Уэссекса

«Англосаксонская хроника» приписывает его военные подвиги периоду с 495 по 534 гг. Его

кельтское имя (которое носил, например, в начале VII в. правитель бриттов в королевстве Эльмет) ничуть не компрометировало его в глазах потомков: выражение «его род восходит к Кердику» использовалось впоследствии летописцами при восхвалении королей Уэссекса.

Согласно хронике, Кердик действовал в том районе Хэмпшира и южного Уилтшира, который простирался к северу от Саутгемптона вплоть до Винчестера и Солсбери. Скудные археологические свидетельства подтверждают, что именно отсюда стало развиваться королевство Уэссекс. Археология обнаруживает и более плотные германские поселения вверх по долине Темзы, вокруг Дорчестера (где позже, при епископе Бирине, возникла первая уэссекская епархия), однако о них письменные источники умалчивают. Это показывает, что истоки королевства Уэссекс на самом деле сложнее и запутаннее, чем это представлялось до сих пор.

КЕАВЛИН

CEAWLIN, 560-593 гг. — король Уэссекса

Записи в «Англосаксонской хронике», относящиеся к его правлению, выдержаны в тоне, который, по мнению некоторых, предполагает существование утерянной эпической поэмы наподобие «Беовульфа». Хроника рисует его беспрерывно ввязывающимся в военные конфликты с соседями (как кельтами, так и англосаксами), побеждающим в битвах (одна из них датирована 577 г.), захватывающим города (Бат) и добычу и в конце концов погибающим в схватке. По Бэде, он приобретает «имперскую власть» (imperium — по-видимому, титул «владыки Британии») после Элле из Сассекса. Его способность к мирному строительству обнаруживается в сооружении

большого земляного вала, известного под именем Wansdyke, который подтверждает тот факт, что в его распоряжении находилась значительная рабочая сила.

ИДА

IDA, умер около 560 г. — первый король Бернициии, северной части королевства Нортумбрия

По Бэде, Ида правил двенадцать лет с 547 г. Северные летописцы добавляют, что его столица находилась в Бамбурге, на восточном побережье Нортумберленда. Ненний сообщает о битвах между сыновьями Иды и северными бриттами. Археология показывает, что владения Иды не простирались далеко вглубь страны. Лишь внук Иды Этельфрид существенно продвинул границы королевства на запад.

ЭЛЛЕ

AELLE, умер в 588 г.? — первый король Дейры, южной части королевства Нортумбрия

Название Deira обыгрывается в двух независимых друг от друга рассказах (Бэды и анонимного автора «Жития Григория Великого», составленного в монастыре Витби) о встрече Григория в Риме с англосаксонскими юношами из этого королевства, предназначенными для продажи в рабство. Считается, что эта встреча навела Григория на мысль отправить христианскую миссию в Англию, ибо имя «англы» он отождествил с «ангелами», в чем увидел повеление свыше избавить этот замечательный народ «от гнева» (de ira) Божия. Историков занимает не только языковое мышление папы Григория, вполне отвечающее

средневековой любви к этимологиям, но также и тот факт, что Бэда и его современники относились к продаже рабов из Британии как к чему-то само собой разумеющемуся.

ЭТЕЛЬФРИД

ETHELFRITH — внук Иды из Бернициии, первый правитель объединенного королевства Нортумбрия (593-616 гг.)

Этельфрид первым распространил власть англов в северной Британии с восточного побережья на запад. Бэда рисует его «очень сильным королем и весьма жадным до славы» (rex fortissimus et gloriae cupidissimus), который досаждал бриттам более, чем любой другой вождь англов. Возможно, именно он нанес бриттам в 600 г. поражение, по следам которого была создана кельтская поэма Гододдин (Gododdin). И уже более чем вероятно, что это он в 603 г. разгромил Айдана, вождя скоттов и иров из королевства Дальриада, а десять лет спустя одержал победу над бриттами Уэльса неподалеку от Честера. Эти победы не обязательно заканчивались территориальными приобретениями к западу от Пеннин: дань и добыча, рабы и скот ценились в то время дороже земли. И все же в его правление англские земли между Хамбером и Твидом становились все более густо населенными, а его быстро расширявшаяся держава включала и сообщества бриттов. Ныне историки все больше допускают возможность выживания кельтов в местах англских поселений и их влияния на аграрную организацию страны.

После женитьбы на дочери короля Дейры Этельфриду удалось распространить свою власть на южную Нортумбрию. Другие члены королевского

рода Дейры (в их числе Эдвин, будущий преемник Этельфрида на нортумбрийском престоле) отправились в изгнание. Эдвин нашел приют при дворе правителя восточных англов Рэдвальда, в битве с которым Этельфрид потерпел поражение и пал в 616 г. В правление Эдвина начинается новая эпоха в истории Нортумбрии – эпоха христианизации, которая до прибытия римской миссии была подготовлена в V-VI вв. деятельностью кельтских миссионеров в Британии и за рубежом.

В О Ж Д И Д У Х О В Н Ы Е

СВ. НИНИАН, или НИНЬЯ

NYNIAN, NYNIA, V в.? — бриттский епископ послеримского периода

Информация о Нинье весьма фрагментарна, единственным источником остаются два предложения в «Церковной истории» Бэды и латинская поэма VIII в. «Чудеса епископа Ниньи». Современные исследователи готовы допустить, что Нинья был епископом христианской общины Гэлоуэя, во времена Бэды его культ процветал в Уитхорне. Письменные и археологические свидетельства сходятся на том, что он жил в V в. (под собором Уитхорна сохранились раннехристианские погребения, где вырезанные на камне надгробные надписи указывают имена некоторых из последователей Ниньи). Бэда сообщает, что Нинья обратил в свою веру южных пиктов. Возможно, он проповедовал в районе Ферт-оф-Форта — трудно сказать что-либо более определенное.

СВ. ПАТРИК

ST. PATRICK, около 415-493 гг. — бриттский миссионер и епископ, именуемый «апостол Ирландии»

Патрик — единственный, о ком в этот ранний период сохранились вполне достоверные свидетельства: до нас дошли два документа его собственного сочинения — «Послание» (Epistola), адресованное королю бриттов по имени Коротик, и «Исповедь» (Confessio), изложение его жизненного пути и убеждений. «Исповедь», нечто вроде духовной автобиографии, остается главным свидетельством о его жизни — краткое, простое, местами нескладное, но очень трогательное повествование.

Патрик родился в состоятельной христианской семье романо-бриттов, на северо-западе Британии (недалеко от Карлайля) в первой четверти V в. Он получил начальное школьное образование, видимо весьма поверхностного свойства (на что указывает его безыскусная латынь), о чем потом сокрушался всю жизнь. В возрасте шестнадцати лет был увезен пиратами в Ирландию и провел шесть лет в плену, работая пастухом у хозяина «неподалеку от леса Фоклут, что вблизи Западного моря» — вероятно, это область Киллала в Каунти Майо. В конце концов ему удалось бежать на корабле в Галлию, а потом вернуться к родным в Британию около 440 г. В Галлии он скорее всего провел некоторое время в каком-то церковном центре вроде Тура, хотя сам он об этом ничего не говорит.

По возвращении домой ему было видение: в тонком сне пред ним предстал некий человек из Ирландии, вручивший ему письмо под названием «Голос ирландцев», и во время чтения этого письма

он услышал голоса, кричавшие: «Мы умоляем тебя, святой отрок, вернуться к нам снова». Едва ли стоит сомневаться в том, что Патрик действительно испытал религиозное озарение, но его миссионерская деятельность могла быть вызвана и более прозаическими обстоятельствами.

Патрик был посвящен в сан епископа до возвращения в Ирландию, следовательно, должен был получить какую-то подготовку еще в Британии: едва ли он мог отплыть в Ирландию ранее 450 г. Более того, весьма вероятно, что он был официально послан церковными властями Британии, причем не в роли странствующего миссионера с целью обращения язычников, а чтобы возглавить существовавшую в Ирландии христианскую общину. Где находилась эта община, неизвестно, но скорее всего не в южной, а в северной Ирландии (связь Патрика с местом Армагх до сих пор остается недостаточно обоснованной — самые свидетельства о ней появляются не ранее 700 г.).

Остаток жизни Патрик провел в должности епископа ирландской церкви, управляя ее делами и расширяя ее за счет обращения язычников: мы слышим о большом числе новообращенных из самых разных слоев ирландского общества; о рукоположении священства, о путешествиях в самые отдаленные части страны, прежде не затронутые христианством; об основании новых религиозных общин. Деятельность Патрика протекала отнюдь не гладко, особенно доставалось ему со стороны представителей британской церкви, на чью критику и призвана ответить «Исповедь». Несмотря на все эти трудности, Патрик до конца жизни оставался в Ирландии, «как раб Христов служа чужому народу». Место погребения Патрика неизвестно, хотя культ его возник в Армагхе. Приписываемый ему гимн принадлежит, конечно,

более поздней эпохе. Малое количество достоверных свидетельств ничуть не преуменьшает значения Патрика в истории британской и ирландской церкви: он и его последователи заложили основания, на которых строилась вся средневековая культура Британии и Ирландии.

ГИЛЬДАС

GILDAS, около 490—520 гг. — церковный писатель из среды бриттов, автор трактата «О разорении Британии»
(De excidio Britanniae)

Гильдас — единственный писатель, современный эпохе англосаксонского завоевания. Трактат Гильдаса представляет развернутое обличение пороков британского клира и пяти поименно названных светских правителей, которому предпослано краткое введение, схематично излагающее историю Британии от конца IV в. до времен самого Гильдаса. Гильдас принимает тон ветхозаветных пророков, выдержками из которых он уснащает свое повествование. Он бичует грешников и предостерегает отклоняющихся от правого пути. Его напыщенная латынь местами вообще затруднительна для понимания. И тем не менее его трактат остается единственным достоверным источником по данному периоду, предоставляя в распоряжение историка ценные свидетельства не только о событиях, но и о менталитете автора. Образованный кельтский клирик, который пребывал в лоне христианской церкви, считал своих соотечественников римскими гражданами и обращался к правителям на цветистой латыни, Гильдас воспринимал англосаксонское завоевание как катастрофу, обрушившуюся на Британию из-за

грехов ее обитателей. Однако несмотря на созданную им картину опустошения страны, сама фигура Гильдаса служит ярким свидетельством сохранения средиземноморской культуры на территории Британии в эпоху завоевания ее англосаксами.

Принято считать, что Гильдас создал свой труд в сороковые годы VI в. Однако время написания трактата остается предметом споров и может быть отнесено к более раннему периоду — началу VI в. или даже концу V в. Во всяком случае, нестроения британской церкви времен Гильдаса имеют нечто общее с картиной, нарисованной еще св. Германом во время его пребывания на острове, а также напоминают многое из того, о чем сокрушался св. Патрик.

СВ. КОЛУМБА

ST. COLUMBA, около 522-597 гг. — ирландский основатель монастыря на о-ве Иона, именуемый «апостолом Шотландии»

Уроженец Ирландии и член знатного княжеского рода О’Нейлов, Колумба с детства готовил себя к церковной карьере и начал подготовку к монашеству под руководством своего наставника св. Финниана. В пятидесятые годы VI в. основал монастырь в Дерри, однако в 563 г. покинул родину и уехал в Британию, по-видимому, по политическим мотивам, как изгнанник. За два или три поколения до того переселенцы из Ирландии (нередко именуемые «иро-скотты» или просто «скотты») начали обживать западное побережье и острова Шотландии от Кинтайра и Ислея на юге до Арднамуркхана и Колля на севере. Основанное ими княжество вошло потом в историю под именем королевства Дальриада. По прибытии в Дальриаду Колумба, таким образом, поселился среди людей родной культуры и языка, что облегчало ему проповедь христианства, и вскоре основал монастырь на о-ве Иона, где начал жизнь, исполненную поста, трудов и молитвы. Его разрыв с родиной и суровая жизнь на уединенном острове были восприняты современниками как особый вид христианского служения, так называемого «странничества» (peregrinatio) «Христа ради», широко распространенного впоследствии (в VII-VIII вв.) среди его соотечественников.

Странничество незаметно перерастало в миссионерскую деятельность. Создание монастырей в самых отдаленных местах способствовало распространению новой веры среди племен, еще почти не затронутых христианством. Колумба основал целую сеть монастырей: кроме Ионы, еще Дерри и (позднее) Дарроу в Ирландии, а в Дальриаде – монашеские общины в Тирее и Хинбе. Эта сеть продолжала расти и после его смерти: монастырь Линдисфарна, основанный в 635 г. Айданом, монахом с Ионы, сыграл важную роль в христианизации Нортумбрии.

Монастыри в стране пиктов, в восточной Шотландии, стали создаваться последователями Колумбы после его смерти, роль же самого Колумбы в обращении пиктов остается не до конца ясной. Наиболее раннее “Житие св. Колумбы”, написанное через сто лет после его смерти настоятелем Ионы Адомнаном (около 690 г.), говорит о посещении Колумбой короля пиктов и о крещении некоторых из них, но не об обращении целой страны, так что представление о Колумбе как “апостоле пиктов” базируется на более поздних и мало надежных источниках. Описание Адомнаном путешествия Колумбы в землю пиктов замечательно первым упоминанием чудовища из озера Лох-Несс.

Колумба умер и погребен на Ионе в 597 г. В течение двух столетий после его смерти основанный им монастырь оставался центром духовности, образования и культуры, именно здесь в конце VIII в. была, по всей вероятности, создана знаменитая рукопись Евангелия «Книга Келлз», получившая название по месту, куда по разорении монастыря Ионы викингами переселились братия. Монастырь был впоследствии восстановлен, но никогда не обрел уже того влияния, которое он имел прежде.

Глава 2

КРЕСТИТЕЛИ АНГЛИИ

1. РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ КРЕЩЕНИЯ АНГЛИИ

Эпоха крещения Англии открывает собой совершенно новую страницу в истории англосаксонских королевств — это эпоха приобщения их к политическим и культурным традициям Средиземноморья, которые постепенно начали распространяться по всем варварским королевствам Европы. Несмотря на то, что англосаксы были крещены почти на столетие позже, чем франки, они быстрее достигли успехов христианского просвещения по двум причинам: во-первых, благодаря ранним непосредственным контактам с Римом и благотворному воздействию личности самого папы Григория Великого и его учеников, а во-вторых, благодаря дополнительному влиянию кельтского христианства с севера, с острова Ионы. Однако подобный путь христианизации Англии не мог не привести позднее к конфликту между римской и кельтской миссиями, которые различались как со стороны обрядов (главным было расхождение в дате празднования Пасхи), так и со стороны культурных традиций, в частности, монастырского устава и места монашества в обществе.

Первое расхождение было преодолено на соборе в Витби (664 г.), где победила римская

партия, и несогласные с изменением обряда кельтские епископы были вынуждены покинуть Англию. Дата собора Витби знаменует собой начало повсеместного внедрения христианства как официальной религии, которое пришло на смену усилиям отдельных миссионеров.

Второе расхождение сгладилось постепенным вытеснением кельтских традиций из монастырей на севере Англии и заменой их римскими традициями, как и строительством новых монастырей, где сразу вводился бенедиктинский устав. Здесь возможны были и конфликты: так, Кутберт, будущий прославленный святой Линдисфарна, вынужден был уйти вместе со своими товарищами из монастыря, где Альхфрид, сын короля Озви, вознамерился ввести «римский обычай», предоставив обитель в распоряжение Вильфриду. Однако в целом разрешение этого противоречия принадлежит второй половине VII в. и было более делом тех, кого можно назвать «просветителями Англии» в отличие от ее первоначальных «крестителей».

Прежде возникновения конфликта между римской и кельтской церковью новой религии предстояло искоренить старые языческие традиции родового строя. Трудно сказать, какое место занимали здесь насильственные методы, ибо Бэда Досточтимый, из труда которого «Церковная история рода англов» узнаем мы подробности о процессе крещения англосаксонских королевств, акцентирует внимание читателя на мирных способах распространения христианства среди населения, что связано с осмыслением им истории как «урока» и наставления. Возможно, однако, что христианизация Англии была действительно делом более мирным, чем христианизация Саксонии франкскими правителями на континенте. Бэда отмечает моменты напряженности между представителями римской

миссии и англосаксонскими королями (так, король Кента Этельберт не сразу допустил в свои владения римского миссионера Августина со спутниками, опасаясь каких-нибудь магических действий с их стороны), а также трения между римской миссией и иерархами бриттов, которые ушли с переговоров, оскорбленные тем, что глава миссии не встал при их появлении.

Бэда отмечает и случаи двоеверия, подтверждаемые археологическими находками (усыпальница в Восточной Англии в форме ладьи, так называемое «сокровище Саттон Ху», приписываемое королю Рэдвальду). Возможность сохранения старых обрядов и святилищ при смене их назначения акцентируется также знаменитым отрывком из письма крестителю Кента св. Августину папы Григория Великого, который ратовал за ненасильственные методы привлечения паствы: «… храмы идолов в этой стране вовсе не следует разрушать, но ограничиваться только истреблением одних идолов; пусть окропят такие храмы святою водою, построят алтари и поместят мощи; ибо если эти храмы хорошо отстроены, то полезнее просто их обратить от служения демонам на служение истинному Богу; сам народ, видя свои храмы неразрушенными и изъяв из сердца заблуждения, будет тем охотнее стекаться в местах, к которым издавна привык, познавая и поклоняясь притом истинному Богу. И так как язычники имеют обычай приносить в жертву демонам многочисленных быков, то необходимо им заменить и это каким-нибудь торжеством: в дни памяти или рождения святых мучеников, которых мощи положены там, пусть народ строит себе из древесных ветвей шалаши около церквей… и празднует такие дни религиозною трапезою… когда

им будет обеспечено материальное довольство, они легче воспримут и радость духовную»[9].

«История» Бэды дает богатый материал по типологии конфликтов в связи с христианизацией Англии, причем уделяет внимание также и моральным колебаниям самих миссионеров, смущенных трудностью предстоявшего им подвига: св. Августин чуть не вернулся с полпути из Галлии обратно в Рим, и понадобились увещевательные письма папы Григория, чтобы поддержать его веру в успех миссии. Бэда вообще не проходит мимо психологических сторон человеческих взаимоотношений, особо выделяя роль женщин в обращении их царственных супругов и направленные на то усилия главы римского престола (письма Григория Берте, супруге Этельберта Кентского, и ее дочери Этельберг, супруге Эдвина Нортумбрийского). Особенно впечатляет выразительный рассказ Бэды о совещании Эдвина со своими жрецами, которые приводят разные доводы в пользу новой религии, в том числе — знаменитую притчу о воробье, которому зимой недолго удается насладиться теплом пиршественного зала: «Вот как, король, видится мне жизнь человека здесь на земле в сравнении с тем временем, что скрыто от нас. Ты сидишь тут за пиром со своими вождями и слугами; посреди зала в очаге пылает огонь, и внутри так тепло, а снаружи бушуют зимние бури с дождем и снегом; и вдруг через зал стремительно пролетает воробей — он влетает в одну дверь и вылетает в другую. Лишь мгновенья он здесь, и шторм, и зимняя буря ему нипочем; но проходит краткий миг отдыха, и он исчезает из виду — впорхнул сюда из стужи и упорхнул обратно. Так и в эту жизнь человек является лишь на миг — что последует за нею и что было прежде, мы вовсе не знаем. Так если новое

[9] Цит. по: *Е.А. Мельникова*. Меч и лира… С. 38.

учение обещает нам что-то определенное, кажется разумным ему последовать»[10]. Апелляция к разуму и слову весьма высоко ценилась в англосаксонском обществе и в дальнейшем сыграла значительную роль в расцвете поэзии и прозы на древнеанглийском языке.

Однако далеко не все короли и их приближенные оказывались столь разумными и красноречивыми, да и в годину бед (особенно эпидемий чумы) многие легко отказывались от новой веры и возвращались к вере предков. Закоренелым язычником рисует Бэда мерсийского короля Пенду, который стремился подорвать авторитет христианских правителей силой. И ему это не раз удавалось — он одолел в битве сначала одного, а потом другого христианского короля Нортумбрии (Эдвина и Освальда), пока за их гибель не отомстил младший брат Освальда Озви, убив в сражении самого Пенду. Однако оба нортумбрийских короля вскоре были канонизированы как мученики за Христа, так что их гибель лишь способствовала укреплению веры и возникновению культа местночтимых (а впоследствии всеанглийских) святых.

Тем не менее новая вера далеко не сразу утвердилась в новообращенном королевстве — чаще всего она не могла пережить своего царственного покровителя, со смертью которого миссионерам приходилось прилагать новые усилия по ее восстановлению. Так, после гибели в битве короля Эдвина его супруга вынуждена была бежать с домочадцами (в их числе был епископ Паулин) в родной Кент, а христианство в Нортумбрии восстановил представитель другой династии — король Освальд, который пригласил с о-ва Иона

[10] Bede’s Ecclesiastical History of the English People / Ed. B. Colgrave. Oxford, 1969. P. 185.

своего наставника Айдана, наследника св. Колумбы, для основания первого англосаксонского монастыря на о-ве Линдисфарн.

Первые христианские короли могли долго медлить с принятием новой веры, как Эдвин, но затем всегда действовали в полном согласии со своими духовными учителями — по крайней мере, такими предпочитает изображать их Бэда, рассказывая следующий поучительный случай. Король Освальд разгневался однажды на Айдана за то, что тот отдал подаренного ему коня нищему, на что Айдан смиренно возразил: «Разве сын кобылы дороже тебе, чем сын Божий?». Король, пораженный ответом, долго молчал, но внезапно со смирением отдал свой меч слуге и, упав перед наставником на колени, воскликнул: «Никогда больше не стану я осуждать тебя за то, что ты отдаешь мое богатство сынам Божиим!»[11]. Едва ли стоит видеть в этом рассказе преувеличение — Бэда искренне считал, что принятие новой веры сопровождалось полным преображением человеческой натуры Освальда. Но тот же Бэда поведал нам и о том, что младший брат Освальда Озви, хотя и оставался примерным христианским правителем, не отличался таким смирением — в пылу гнева он велел подослать к своему противнику из рода Эдвина наемного убийцу. Правда, потом он одумался и велел построить на месте убийства монастырь, в котором позже начал свою монашескую жизнь Кеольфрид, воспитатель Бэды.

Нортумбрийские короли, как и их дочери и жены, имели особое расположение к основанию монастырей, к числу которых относится и знаменитый Витби — монастырь, где состоялся в 664 г. церковный собор под председательством

[11] Цит. по: The Illustrated Bede. Ed. John Marsden. London, 1996. P. 69-72.

самого короля Озви, решивший судьбу англосаксонской церкви, которая с тех пор избрала для себя «римский обычай». Конфликту кельтской и римской церквей Бэда уделяет большое внимание, но оставляет впечатление, что разрешен он был мирным путем (несогласные удалились с диспута), а победа в нем досталась римской партии благодаря красноречию ее официального защитника Вильфрида. В дальнейшем Англия обязана Вильфриду основанием множества монастырей римского типа, однако нельзя преуменьшать и роли ирландских миссионеров, последователей и учеников Айдана (св. Фурса, св. Кедд), которые распространяли христианство в северо-восточной Англии. В те же двадцатые-тридцатые годы VII в. на юге действовали, по-видимому, и другие миссионеры из Рима, не связанные напрямую с миссией св. Августина, примером которых служит св. Бирин Уэссекский — однако о них мало что известно.

Собор Витби, созванный первоначально как будто по чисто семейному поводу (нортумбрийский король Озви и его кентская супруга Эанфлед никак не могли придти к согласию по поводу единого дня празднования Пасхи), оказался решающим для культурного развития Англии на многие века: отзвуки римской ориентации слышны в правление наиболее выдающихся английских королей (от Альфреда к Этельреду и далее к Эдуарду Исповеднику) — они навсегда избавили страну от политического провинциализма. Как мало осознавалась значимость этого решения (принятого не без согласия короля!) самим королем, показывает назначение им на пост архиепископа Йоркского св. Чада, представителя кельтской партии — выбор, отвергнутый прибывшим из Рима архиепископом Теодором, который сместил Чада и

поставил на его место Вильфрида. Но и этот конфликт оказался в исторической перспективе благотворным — Чад вскоре получил периферийную мерсийскую епархию и немало сделал для роста мерсийской церкви, запоздавшей в своем развитии из-за язычества короля Пенды.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Р И М С К А Я М И С С И Я
И Е Е П О С Л Е Д О В А Т Е Л И

СВ. ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ

ST. GREGORY THE GREAT, 540-604 –
папа римский (590-604 гг.), наиболее влиятельная личность
в истории раннесредневекового папства

Аристократ, монах, дипломат, политик, администратор, комментатор Библии и агиограф, богослов и литургист, для англичан он оказался прежде всего инициатором христианской миссии, посланной в 596 г. из Рима к язычникам-англосаксам во главе с Августином. Бэда рассказывает о том, как Григорий встретил в Риме проданных в рабство англосаксонских юношей с ангельской внешностью и в порыве сочувствия воскликнул: «Не англы, но ангелы!». По преданию, это послужило поводом для отправки миссии из сорока епископов во главе со св. Августином к королю Кента Этельберту для крещения англосаксов. Независимо от степени достоверности легенды, из нее явствует со всей очевидностью, что Григорий почувствовал ответственность за состояние душ обитателей далекого острова. Исследователи считают этот миссионерский пыл довольно необычным для эпохи, когда римской кафедре приходилось отстаивать свои права на территории самой Италии перед варварами-лангобардами, «длиннобородыми» сородичами англосаксов. Но эстафета была передана, и в последующие века англосаксы вполне оправдали усилия Григория, продолжая возжигать факел веры среди своих сородичей на континенте: именно Англия дала в VIII в. такие удивительные фигуры, как «апостол Германии» Бонифаций и сподвижник Карла Великого Алкуин.

Сохранившаяся переписка Григория позволяет проследить ту тщательность, с которой он планировал миссию в Англию, управлял ею и следил за ее успехами. Путешествие облегчалось благодаря посланиям Григория и содействию франкских королей и епископов. Разрабатывалась тактика действий миссионеров и планы по организации нарождающейся английской церкви (кстати, для

папы Григория разноплеменные германские поселенцы Британии так навсегда и остались “англами”, то есть народом, Богом предназначенным к принятию ангельского лика). Не оставлялись без внимания запросы Августина из Кента по самым разнообразным темам: от посвящений епископов до туземных матримониальных обычаев. Посылались книги и предметы культа, в путь отправлялись новые представители священства. С удивительным тактом составлялись поздравления и наставления королевской чете в Кенте. Эта переписка позволяет по достоинству оценить дар Григория в области практического руководства и духовного окормления паствы.

Самое раннее житие Григория Великого, причисленного церковью к лику святых, принадлежит перу неизвестного монаха из монастыря Витби (ок. 710 г.). Но неувядаемую славу обеспечил Григорию на английской земле Бэда, отведя ему столь значительное место в своей “Церковной истории” (731 г.). С 747 г. 12 марта, день кончины Григория, стал днем его поминовения во всех английских церквах, и это единственная дата, посвященная папе римскому, которая до сих пор уцелела в английском церковном календаре после бурь Реформации. Англичане продолжают испытывать некую почти сентиментальную привязанность к римскому престолу, и это несмотря на появление в стране сильных протестантских течений. Рим не был единственным источником христианства в Англии (жития ранних нортумбрийских святых подтверждают роль кельтского влияния с севера), однако его воздействие оказалось в конечном итоге самым сильным. Благодаря инициативе Григория в Англию были занесены плоды средиземноморской цивилизации — классической, письменной и

городской. Приятие этого наследия оказалось поворотным пунктом в истории народа, которого Григорий первым провидчески поименовал “род англов”.

СВ. АВГУСТИН

ST. AUGUSTINE, умер между 604-609 гг. — глава римской миссии, отправленной в Англию Григорием Великим

Переписка Августина с Григорием на пути в Англию приоткрывает внутренние сомнения, которые чуть было не заставили его отказаться от рискованной задачи, возложенной на него духовником. Однако само включение Бэдой этих подробностей в рассказ ничуть не бросает тень на личность первого архиепископа Кентерберийского. Скорее они и для самого Бэды служили подтверждением всей громадности порученного Августину дела: “сила Божия в немощи совершается”, как гласит известная поговорка.

До отплытия в Британию Августин принадлежал братии монастыря св. Андрея в Риме, находившегося под непосредственным окормлением папы Григория, а к 596 г. стал его настоятелем. Поручение ему этой ответственной должности показывает, какие большие надежды возлагал на него папа еще в Риме — и в духовном, и в административном плане. По прибытиии в Кент Августин вполне оправдал высокое доверие папы. За семь лет ему удалось обратить в новую веру двух королей (Этельберта Кентского и Сэберта Эссекского) вместе с тысячами их подданных; основать три епархии (в Кентербери, Лондоне и Рочестере), а также монастырь и школу в Кентербери; обеспечить церкви богатые королевские

пожалования; получить наставления от папы по самым разнообразным практическим вопросам церковной организации; предпринять попытку кооперации (правда, безуспешную) с бриттской церковью Уэльса; и, наконец, передать своему крестнику Этельберту начала христианского вероучения.

И все же, хотя приведенный перечень подтверждает недюжинные миссионерские способности Августина, сама его личность видится до сих пор словно в тумане — возможно, из-за недостатка источников. Информанты Бэды — Нотхельм и Альбин — смогли сообщить ему лишь малую часть предания о начале Кентерберийской церкви (в частности, они даже не знали точной даты смерти ее основателя), а единственные эпизоды из личной биографии Августина — его колебания на пути в Кент и высокомерное обращение с бриттским священством — не отвечают высоте задачи, которую удалось ему осуществить. Его дела говорят красноречивее дошедших до нас слов: человек, сумевший сделать Кентербери христианским сердцем Англии, куда много веков спустя стекались на поклонение его мощам представители всех слоев английского общества, несомненно обладал величайшей энергией и многосторонними талантами.

ЭТЕЛЬБЕРТ

ETHELBERT, умер в 616 г. — правитель Кента, первым из англосаксонских королей обратившийся в христианство

По Бэде, Этельберт был третьим (после Элле из Сассекса и Кеавлина из Уэссекса) вождем, кто обладал “имперской властью” к югу от Хамбера.

Правление Этельберта, указываемое Бэдой (560-616 гг.), кажется большинству исследователей слишком долгим; есть основания полагать, что он взошел на престол около 590 г. К тому времени он был женат на Берте, дочери франкского короля Хариберта (умер в 567 г.) и внучке Клови (умер в 511 г.). Берта прибыла в Кент около 580 г. в сопровождении епископа Лиудхарда; по преданию, ей было отведено под храм одно из римских зданий в пределах Кентербери. Христианский брак Этельберта мог в те времена свидетельствовать о некоторой степени подчинения франкскому двору, о чем, возможно, знал и папа Григорий при посылке миссии в Кент.

Предпосылки крещения Кента, были, вероятно, сложнее, чем это представлялось Бэде. Контакты Кента с континентом не ограничивались одними династическими связями. Изделия франкского типа (оружия, посуда, украшения), найденные в могильниках Кента, как и кентские украшения во франкских могильниках, указывают на существование франкских поселенцев в Кенте и ютских общин на Рейне. Из отдаленного Средиземноморья достигали Кента самые экзотические предметы, возможно, получавшиеся в обмен на британских рабов вроде тех, что встретил в Риме папа Григорий. К концу VI в. знать Кента была богата, и ее не мог не привлекать еще более богатый христианский мир, лежавший за Ла Маншем — мир, находившийся под защитой могущественного христианского Бога.

Августин прибыл на о-в Танет в 597 г. После предварительной встречи Этельберт разрешил ему проследовать к королевскому престолу в Кентербери. С этих пор Кентербери становится главным оплотом христианской церкви в Англии. Дата крещения самого Этельберта неизвестна, но с

самого начала он принял свою новую роль христианского правителя вполне всерьез. Он отвел Августину площадку в Кентербери для строительства собора, а за пределами города — место для строительства монастыря (позднее известного как монастырь св. Августина). Он осыпал молодую церковь дарами, засвидетельствованными в письменной форме; содействовал основанию епископских кафедр в Рочестере и Лондоне; всячески приветствовал крещение своих подданных; издал для своего народа кодекс законов, открывающийся недвусмысленным заявлением о том, что молодая церковь находится под защитой короны; и, наконец, помогал Августину в нелегких переговорах с церковной иерархией бриттов Уэльса.

Хотя наследники Этельберта по временам отступали от новой для них веры, сам король предпринял все меры к утверждению христианской церкви в Англии, за что еще при жизни получил немало похвал от папы Григория. В письме от 601 г. папа поздравляет его со вступлением в сообщество христианских правителей, называет «новым Константином» и обещает ему вечную славу. Новое положение в семье европейских государств содействовало упрочению королевской власти в Кенте и повышению ее авторитета. Теперь король был другом и покровителем клириков, владевших не только действенными таинствами, но и письмом как универсальным средством общения и законодательства. Для короля христианизация оказалась инструментом власти, которая сообщала ему новый блеск и силу в глазах цивилизованного мира.

ПАУЛИН

PAULINUS, умер в 644 г. — глава римской миссии

в Нортумбрии и первый епископ Йорка

Уроженец Рима, Паулин в 601 г. был послан папой Григорием I вместе с другими представителями римской церкви в Англию для укрепления кентской миссии Августина. После крещения короля восточных англов Рэдвальда при дворе Этельберта Паулин отправился с ним в его королевство, где и встретил изгнанника Эдвина, будущего короля Нортумбрии. Когда Рэдвальд снова впал в язычество, Паулин, скорее всего, вернулся в Кент. Около 619 г. он препроводил в Нортумбрию кентскую принцессу Этельберг, которая была выдана замуж за Эдвина, и остался при нортумбрийском дворе, начав подготовку Эдвина к крещению, которое совершилось в 627 г. Двумя годами ранее Паулин был посвящен в епископский сан, и Эдвин создал для него епископскую кафедру в Йорке. В последующие годы Паулин усердно проповедовал и крестил в Йиверинге, Каттерике, Линкольне и других местах. После поражения и гибели Эдвина в 633 г. мало что осталось от насажденной Паулином церкви в Нортумбрии. Поручив свое малое стадо Иакову Диакону, Паулин вместе с королевой и домочадцами вернулся в Кент, получил в Рочестере место епископа и занимал его вплоть до своей смерти в 644 г.

ЭДВИН

EDWIN, 585-633 — сын короля Дейры Элле, первый христианский король Нортумбрии (616-633)

Бэда сообщает, что Эдвин не только был пятым по счету “владыкой Британии”, но что власть его простиралась в Англии дальше, чем у любого из его предшественников: “Он господствовал над всеми обитателями Британии, англичанами и бриттами,

кроме обитателей Кента, и подчинил английскому господству также острова Англси и Мэн”. Это грандиозная заявка, но Бэда был трезвым историком и выбирал слова весьма осторожно. Одна из резиденций Эдвина была обнаружена археологами в Йиверинге (Нортумберленд). По размерам, конструкции и, возможно, внутреннему убранству пиршественный зал Йиверинга вполне подобал правителю, чья власть распространялась от Бервикшира до Корнуолла, от Лондона до Холихэда. Несомненно, обстановка королевского двора Эдвина была не менее роскошной, чем обстановка его современника Рэдвальда.

Йиверинг вызывает в воображении мир военных набегов и походов, добычи и дани — героический мир, с блеском описанный в древнеанглийской эпической поэме “Беовульф”. Но Эдвину было свойственно устраивать торжественные приемы и в сохранившем следы римского владычества городе Йорке, в здании бывшей римской крепости, которая, как показали раскопки под Йоркским монастырем, в его времена все еще сохраняла свой первозданный вид.

Детство и юность Эдвина, совпавшие с годами кровавого режима Этельфрида, прошли в изгнании: частично он жил при дворе христианского правителя Уэльса, а частично — в Восточной Англии при дворе Рэдвальда, где и встретил впервые римского миссионера Паулина. Впоследствии он женился на принцессе-христианке из Кента (дочери Этельберта), и в первые годы правления распространил свою власть на христианское княжество Эльмет. Таким образом, подобно Этельберту Кентскому, Эдвин был знаком с христианскими обычаями еще до того, как Паулин начал свою проповедь в Нортумбрии.

Бэда оставил нам самое точное и полное описание крещения Эдвина, назидательное, трогательное и высоко художественное (хотя

временами в нем сказывается влияние Григория Турского). Описание Бэды создает некоторые хронологические трудности, но одна дата не вызывает сомнений — Эдвин крестился в Йорке 12 апреля 627 г. Подобно Этельберту, он проявил большой энтузиазм в обращении своих подданных и приближенных: создал в Йорке епископскую кафедру для Паулина и начал строительство каменного собора, а также оказывал содействие Паулину в христианизации Нортумбрии и подчиненного ему королевства Линдси (Линкольншир). Под влиянием Эдвина крестился король восточных англов Эрпвальд, сын Рэдвальда (628 г.).

Правление Эдвина оказалось кратким — в 633 г. он погиб в сражении с Кэдваллой, королем Гвинедда, и Пендой, королем Мерсии, неподалеку от Донкастера.

КОЙФИ

COIFI, около 627 г. — языческий жрец в Нортумбрии при дворе короля Эдвина, обращенный в христианство Паулином

Бэда вложил в уста Койфи две речи, включенные в описание дебатов при дворе Эдвина, которые предшествовали его крещению. Койфи, поверивший в истинность христианского вероучения благодаря проповедям Паулина, совершил ритуальное осуждение язычества и сжег языческий алтарь в Гудменхэме, в восемнадцати милях к востоку от Йорка. Главный довод Паулина, который помог Койфи утвердиться в истинности христианства, состоял в том, что его должность языческого жреца принесла ему мало мирских наград. Тот факт, что Бэда называет столь материалистический аргумент “мудрыми словами”,

проливает свет на методы, которые использовались для обращения языческой аудитории в христианство. Эти методы немало напоминают миссионерскую тактику, защищаемую современником Бэды епископом Даниэлем Винчестерским в его знаменитом письме к Бонифацию.

Трудно сказать, в чем конкретно состояла та вера предков, от которой призывали отказаться свою аудиторию христианские проповедники, ибо все дошедшие до нас сведения об англосаксонском язычестве могли бы уместиться на листе бумаги. Те сведения, которые Бэда сообщает о Койфи, показывают, что языческий культ имел своих служителей, храмы, идолов и табу. Мы знаем имена некоторых богов и богинь, например имя богини Эостре известно благодаря тому, что оно стало наименованием Пасхи. Мы слышим о жертвоприношениях и обрядах плодородия. Раскопки могильников позволили составить представление о вере в загробную жизнь. Несколько топонимов подразумевают существование культовых святилищ, например, название Хэрроу (Миддлсекс) происходит от словосочетания “Гуменинга Хеарг”, то есть “Святилище Гуменингов”, засвидетельствованного в одном документе VIII в.

Во времена юности Бэды в Англии существовали еще целые языческие королевства (например, в Сассексе и на о-ве Уайт), да и в годы его зрелости значительные части страны были лишь поверхностно затронуты христианством. Бэда мог бы многое рассказать своему читателю о язычестве, но предпочел умолчать об этом. Попытаться понять его — значит вникнуть в самую суть его убеждений как христианского историка и учителя.

СВ. БИРИН

ST. BIRINUS, умер около 648 г. — миссионер и первый епископ в королевстве Уэссекс

Происхождение Бирина неизвестно. Он прибыл в Англию по благословению папы Гонория I (625-638 гг.), который посвятил его в сан епископа и послал «сеять семена веры в самых отдаленных районах Англии, где еще не бывал ни один христианский учитель». Бирин прибыл в Уэссекс около 635 г. и, обнаружив, что народ этого королевства пребывает в язычестве, избрал его полем своей миссионерской деятельности. Ему удалось обратить в христианство короля Уэссекса Кюнегильса (611-643 гг.), который принял крещение в присутствии и с одобрения короля Нортумбрии Освальда, «владыки Британии». Оба короля подарили Бирину епископскую кафедру в бывшем римском городе Дорчестере-на-Темзе, который оставался центром его миссионерской деятельности вплоть до самой кончины в 648 г.

КЕЛЬТСКАЯ МИССИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

СВ. ОСВАЛЬД

ST. OSWALD, умер в 642 г. — сын Этельфрида, король Нортумбрии (634-642 гг.)

Во время правления Эдвина Освальд жил в изгнании среди иров и пиктов и принял крещение от представителей иро-скоттской церкви в монастыре на острове Иона, основанном св. Колумбой. В 634 г. он вернулся в Нортумбрию и неподалеку от Хексама поразил в битве убийцу Эдвина, короля Кэдваллу из Гвинедда.

Согласно Бэде, Освальд обладал в Англии еще большей властью, чем Эдвин: он подчинил Нортумбрии племена иров и пиктов в Шотландии. По-видимому, он пользовался авторитетом в Уэссексе, так как в 635 г. при его посредстве там был поставлен епископом Бирин. Но в освещении Бэды Освальд предстает не только могущественным королем. Он — избранник Божий, король-святой, образец христианского правителя. Он не только активно участвует в распространении христианской веры (например, приглашает в Нортумбрию с Ионы проповедника Айдана), но и сам отличается такими христианскими добродетелями, как смирение, милосердие, благочестие, и побеждает под знаком креста. Утверждая его добродетели, Бэда явно ставит его в пример своим современникам. Смерть Освальда, который погиб в битве от руки Пенды, короля Мерсии (по-видимому, около Озвестри в Шропшире), Бэда представляет как мученическую кончину во имя Христа.

После смерти Освальда его культ получил большое распространение отчасти под влиянием англосаксонского миссионера Вильфрида, отчасти благодаря усилиям короля Озви, брата Освальда. Этот культ много значил для королевского дома Нортумбрии, ибо придавал ему особый блеск в глазах окружающих. Чудотворные мощи Освальда стали предметом поклонения во многих местах: голова его была погребена на Линдисфарне (велика вероятность, что именно его череп был обнаружен в 1827 г. при вскрытии раки с мощами св. Кутберта), руки — в королевской резиденции Бамбурга, тело — в монастыре Бардни (Линкольншир). В начале X в. его мощи из Бардни были перенесены в Глостер по инициативе Этельфлед, дочери короля Альфреда, которая построила там храм св. Освальда. В Европе культ св. Освальда распространялся англосаксонскими миссионерами, такими как

Виллиброрд. На протяжении всего средневековья и позже св. Освальд пользовался любовью в Германии и Италии.

СВ. АЙДАН

ST. AIDAN, умер в 651 г. — кельтский миссионер с Ионы,
епископ Линдисфарна (634-651 гг.), приглашенный в Нортумбрию королем Освальдом

Вскоре после восшествия на престол Освальд начал восстанавливать в Нортумбрии христианство и в помощь себе привез Айдана как своего духовного наставника, которого он знал еще с юности. Освальд отдал в его распоряжение остров Линдисфарн (или Святой Остров), расположенный у восточного побережья Англии вблизи королевской резиденции Бамбург, на котором вскоре был основан монастырь и создана епископская кафедра. Приезд Айдана и его сподвижников с Ионы открывает новый этап в христианизации Нортумбрии — “кельтский” (или “иро-скоттский”) в отличие от “римского” этапа в годы епископского правления Паулина.

Бэда превозносит поведение Айдана как епископа, подчеркивая наряду с пастырской энергией его постничество, смирение и милосердие, и в этом слышится скрытый упрек епископам более позднего времени, чьи недостатки Бэда обличил в известном письме Эгберту Йоркскому. Кротость и святость Айдана, выдвинутые Бэдой на первый план, скрывают от читателя все иные стороны его характера, некоторые из которых, однако все же упоминает и сам Бэда — например, способность Айдана обличать грехи великих мира сего, невзирая на лица (черта, которую Айдан разделял со всеми

прочими кельтскими миссионерами в Англии и Галлии).

Единственный упрек, который мог бы сделать Бэда Айдану, заключается в том, что кельтская церковь в то время расходилась с римской в исчислении даты празднования Пасхи. Этот спор между римской и кельтской церквами занимает в “Истории” Бэды непропорционально большое место с точки зрения человека нового времени. Следует учесть, однако, что для Бэды и его современников дата празднования Пасхи была серьезным делом, ибо имела богословский смысл. Расхождения по этому вопросу означали раскол церквей: болезненный разрыв в том идеальном людском сообществе, которое представляла вселенская (кафолическая) церковь; разрыв, не угодный Богу и представлявший опасность для Его избранного народа не только в этой, но и в будущей жизни. Осознать средневековый смысл исчисления Пасхи — значит понять ту страстность, с которой велся в VII в. этот ныне давно забытый спор, разделивший следующее за Айданом поколение на два лагеря. Спор был разрешен в пользу “римского обычая” на соборе в Витби, где председательствовал сам король Озви.

СВ. ФУРСА

ST. FURSA, 620-645 гг. — ирландский монах-аскет, миссионер в Восточной Англии

В тридцатые годы VII в. св. Фурса устроил монастырь среди остатков римского форта в Восточной Англии (вероятно, Берг Кастл в Саффолке). Позднее он переместился в Галлию, где основал еще один монастырь в Ланьи к востоку от Парижа. Фурса, о котором известно совсем немного, представляет лишь одно звено в длинной цепи ирландских миссионеров, которые, оторвавшись от родины, ехали в полную

неизвестность, чтобы “Христа ради” проповедовать слово Божие среди незнакомых им людей. К ним принадлежит, например, Мэльдубх, основатель монастыря в Мальмсбери, на родине св. Альдхельма, и Дикуйль, основатель монастыря в Бошэме. Возможно, они и им подобные сыграли гораздо большую роль в христианизации Англии, чем это принято считать. Пример Фурсы показывает, что миссионерские центры располагались в то время вовсе не обязательно в таких знаменитых местах, как Кентербери времен Августина или Линдисфарн Айдана. Жизненный путь Фурсы, как и Колумбы, свидетельствует, насколько тесно соединялись между собой в ту эпоху странничество, монашеская аскеза и миссионерская деятельность.

СВ. КЕДД

ST. CEDD, умер в 664 г. — монах Линдисфарна, миссионер и епископ восточных саксов.

Уроженец Нортумбрии и насельник Линдисфарнского монастыря при Айдане, в 653 г. Кедд начал миссионерскую деятельность в Средней Англии, а затем, вероятнее всего уже в следующем году, был переведен в королевство восточных саксов, где и стал епископом. Сохранившийся в Брэдвелле (Эссекс) англосаксонский храм, по-видимому, построен для основанного им монастыря. Кедд не порывал связей с Нортумбрией и основал еще один монастырь в Ластингаме (Йоркшир), примерно в 655-656 гг. На соборе в Витби в 664 г. он выступал в роли переводчика между представителями римской и кельтской церкви, но вскоре умер во время эпидемии чумы. Его родной брат Чад занял его место настоятеля Ластингамской обители.

СВ. ЧАД

ST. CHAD, умер в 672 г. — епископ сначала Йорка,

потом Личфилда

Будучи уроженцем Нортумбрии, Чад начал свою монашескую жизнь сначала в Ирландии, затем на Линдисфарне. В 664 г. он стал настоятелем Ластингама после своего брата Кедда, и в том же году при содействии короля Озви был поставлен епископом Йорка. Однако та же должность ранее была обещана сыном короля Озви другому претенденту, Вильфриду, который отбыл в Галлию для возведения в сан епископа по “римскому обычаю” (кельтские епископы, которые рукоположили перед тем Чада, были объявлены в 664 г., после собора в Витби, схизматиками, то есть раскольниками, и совершенное ими таинство оказалось не действительным с точки зрения Рима). По совету прибывшего из Рима архиепископа Теодора Чад оставил епископское место в Йорке и удалился в монастырь Ластингама, а Вильфрид по возвращении из Галлии возглавил епископскую кафедру в Йорке. Вскоре, при содействии того же Теодора, Чад был восстановлен в звании епископа и получил собственную кафедру в Личфильде, специально созданную для управления церковью Мерсии, которую он возглавлял вплоть до самой своей смерти в 672 г. За время своего мерсийского правления Чад основал монастырь в Бэрроу-на-Хамбере (Линкольншир). Бэда был лично знаком с одним из учеников Чада, монахом Ластингама по имени Трумберхт.

К О Р О Л И - Я З Ы Ч Н И К И

РЭДВАЛЬД

REDWALD, умер в 627? — король Восточной Англии

и четвертый англосаксонский “владыка Британии”

По Бэде, Рэдвальд главенствовал над другими англосаксонскими королями к югу от Хамбера. В 616 г. Рэдвальд победил в битве и убил Этельфрида, короля Нортумбрии, и тем помог Эдвину, представителю другой нортумбрийской династии (который жил в изгнании при дворе Рэдвальда), завоевать власть на родине.

Рэдвальд обратился в христианство, побывав в Кенте у Этельберта, но по возвращении домой вернулся к язычеству под влиянием “жены и дурных учителей”. Бэда рассказывает также, что в своем храме Рэдвальд поставил алтарь Христу рядом с алтарем, посвященным языческим богам. Для него христианство означало веру в еще одного бога, и он не собирался оставлять веру своих предков — довольно распространенное явление среди варварких “обращений” раннего средневековья.

В 1939 г. в местечке Саттон Ху, расположенном в пределах бывшего королевства Рэдвальда, археологи раскопали саркофаг в форме ладьи, а в нем клад, содержавший разного рода предметы, необходимые, согласно языческим представлениям, знатному вождю в загробном мире — шлем, кольчугу и щит; оружие и драгоценные украшения; серебряные ложки и блюда; бронзовые котлы, роги для питья, деревянные ведра и чаши; арфу и светильник; а также некоторые загадочные изделия, назначение которых до сих пор не вполне понятно: например, большой и совершенно новый точильный камень в форме жезла, с цветными резными человеческими лицами по концам и вдобавок с бронзовой фигуркой оленя в навершии. Полагают, что эти сокровища, которым нет равных среди археологических находок раннесредневековой Европы, принадлежали самому королю Рэдвальду.

Как и остатки пиршественного зала короля Эдвина в Йиверинге, сокровища Саттон Ху дают некоторое представление о великолепии образа жизни англосаксонских королей VII в. Более того, они приоткрывают разносторонние зарубежные связи Рэдвальда: шлем и щит явно прибыли из Швеции (как, возможно, и предки Рэдвальда); большое серебряное блюдо было сделано в Константинополе, а бронзовый сосуд — в Александрии; монеты привезены из Галлии, а подвесная чаша — из Ирландии. Можно лишь догадываться об источниках происхождения этих предметов (большинство из них слишком роскошны, чтобы появиться в результате обычной торговли) — фамильные драгоценности? трофеи битвы? дань покоренных племен? дипломатические подношения? Трудно сказать. И все же главный источник богатства Восточной Англии времен Рэдвальда, как и богатства Кента Этельберта, составляла торговля. Раскопки в Ипсвиче, в нескольких километрах от Саттон Ху, подтвердили существование торговых путей, которые вели через Северное море в бассейн Рейна, и производство глиняной посуды, составлявшей в то время главный предмет потребления на внутреннем рынке.

ПЕНДА

PENDA, умер в 655 г. — король Мерсии (633-655 гг.), упорный язычник в эпоху христианизации Англии и грозный соперник нортумбрийских королей

В 633 г. Пенда нанес поражение Эдвину и убил его в битве, а в 642 г. таким же образом сразил Освальда. Лишь с большим трудом удалось брату Освальда Озви тем же путем разделаться с Пендой в сражении на реке Винвэд (вероятно, один из притоков Хамбера) в 655 г. Бэда нигде не

приписывает Пенде той власти, которой пользовались в Британии три упомянутых нортумбрийских короля, но сообщает, что Пенда время от времени подчинял себе Уэссекс и Восточную Англию, а уэльское предание, перенесенное на пергамент Неннием, хранит память о том, что и бриттские короли считались подданными Пенды. Возможно, Пенда во многом обязан своей силой мирным отношениям с Уэльсом. Показательно, что ему удалось одолеть Эдвина и занять мерсийский престол благодаря союзу с королем Гвинедда Кэдваллой. Продвижение при Пенде мерсийских границ на запад могло быть более делом дипломатии, нежели войны. Ранняя Мерсия была не менее “англо-кельтской”, как и Нортумбрия Этельфрида и Уэссекс Инэ.

Благодаря Бэде Пенда запомнился преимущественно как упорный защитник язычества. Однако он не запрещал христианским миссионерам (таким, например, как Кедд) проповедовать в своем королевстве и даже дал согласие на крещение своего сына Пеады в 653 г., хотя сам предпочел хранить верность религии предков. Обращение англосаксонских королей в христианство было делом непростым.

Р А З Р Е Ш Е Н И Е К О Н Ф Л И К Т А: К О Р О Л Ь О З В И

ОЗВИ

OSWY, умер в 670 г. — сын Этельфрида и король Нортумбрии (642-670 гг.), младший брат короля Освальда

По Бэде, Озви был седьмым по счету «владыкой Британии» англосаксонского

происхождения: как и его брат Освальд, он господствовал над англосаксами, бриттами, пиктами и иро-скоттами. Это господство ему приходилось отстаивать в жестоких схватках, и не только с соседями вроде Пенды Мерсийского, которого он сразил в 655 г., но также и с претендентами на престол в самой Нортумбрии. В 651 г. он, по словам Бэды, запятнал себя «позорным убийством» Озвина, представителя княжеской династии Дейры. На месте этого заказного убийства в Гиллинге он во искупление греха воздвиг монастырь, где начал свою монашескую жизнь Кеольфрид, впоследствии настоятель знаменитой обители Вэрмут-Ярроу и наставник Бэды Досточтимого.

Озви основал еще несколько монастырей, в том числе Витби (657 г.), который в дальнейшем оказался тесно связанным с судьбой королевского семейства Нортумбрии. Первой настоятельницей Витби была нортумбрийская принцесса Хильда; этот монастырь послужил королевской усыпальницей (сюда были перенесены останки короля Эдвина), а в 664 г. стал местом созыва знаменитого церковного собора под председательством Озви, на котором решался спор между римской и кельтской церквями, волновавший Нортумбрию со времен Айдана и завершившийся победой «римского обычая».

Бэда весьма одобряет приверженность Озви римской церкви — он даже сообщает о том, что король намеревался оставить трон и в сопровождении Вильфрида уйти паломником в Рим, чтобы там окончить свои дни, чему помешала лишь его смерть в 670 г. Бэда также высоко оценивает усилия Озви по распространению христианства и его участие в церковных делах: содействие крещению Сигеберта, короля восточных англов, и

Пеады, сына мерсийского короля Пенды, а также совещание с королем Кента по поводу назначения архиепископа Кентерберийского. И тем не менее рассказ Бэды об Озви лишен тех восторженных похвал, которыми он осыпает Освальда: для него Озви «самый благородный» король, но все же не «самый христианский» — Озви не был вторым Освальдом.

Озви был женат на Эанфлед, дочери короля Эдвина Нортумбрийского и внучке Этельберта Кентского, которая выросла в Кенте. У них было несколько сыновей.

Глава 3

ПРОСВЕТИТЕЛИ АНГЛИИ

//////////////////////

1. КОНФЛИКТ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ АНГЛИИ

Эпоха христианского просвещения Англии отличается от предыдущей не только тем, что в ту пору окончательно закрепляется новое вероисповедание, но и тем, что именно тогда впервые обозначаются те разнообразные пути, по которым могло осуществляться в его рамках культурно-политическое развитие страны. Новая эпоха предлагает новые и очень отличающиеся друг от друга фигуры церковных и светских деятелей. Сопоставление их биографий позволяет наиболее наглядно увидеть намечающиеся при этом противоречия культурных установок и способы их разрешения.

Противостояние кельтского и римского обычая в сфере церковного обряда закончилось победой Рима. Ее внешним знаком послужил приезд новой римской миссии во главе с Теодором и Адрианом как авторитетными представителями римского престола, который существенно повлиял на жизнь англосаксонского общества. Теодор выступил прежде всего в роли мудрого и опытного администратора, который неуклонно работал над превращением англосаксонской церкви в единый организм, преодолевая обособленность отдельных

королевств и способствуя рождению английского национального самосознания. Адриан стал организатором школы в Кентербери, которая дала новые кадры церковной науки и способствовала расцвету учености в монастырях не только юга, но и севера Англии.

Однако подобные нововведения оборачивались нередко конфликтами с представителями старого общества, для которого наивысшей ценностью были род, племя и власть военного вождя. Яркой иллюстрацией тому служит весьма «конфликтная» карьера Вильфрида, который ориентировался в своей деятельности на авторитет Рима: даже после блистательной победы на соборе Витби, где Вильфрид выступал главой римской партии, с большим трудом удалось ему донести идею женского монашества до своего царственного патрона Эгфрида, отстоять свое право заниматься миссионерской деятельностью на службе у разных правителей Англии и зарубежья и добиться финансовой независимости церковных общин. В этом он следовал примеру своего франкского учителя Агильберта, который начал свою деятельность как просветитель Уэссекса, но, не сумев отстоять своих прав перед уэссекским королем, удалился на родину. Информация, полученная от него Теодором и Адрианом на пути в Англию, вероятно, немало помогла им сориентироваться в новой обстановке.

Вместе с тем Вильфрид вступил в конфликт и с Теодором, не желая делить вверенную ему епархию, как того требовал замысел Григория Великого. Частично Вильфрид потерпел в этом неудачу, но оказался прав в перспективе дальнейшего развития, если учесть меньшую плотность населения в Англии по сравнению с

Италией и большую зависимость епископа от короля.

«Римский обычай» требовал создания богатой церкви с автономными самоуправляющимися монашескими общинами, которые были бы в достаточной мере обеспечены для того, чтобы выступать рассадниками образования и учености, и вместе с тем не отрешались бы до конца от мира, но служили ему назиданием и примером. За создание таких монастырей ратовал Вильфрид, и созданию таких монастырей посвятили свою жизнь Бенедикт Биском и его ученик Кеольфрид, под окормлением которых и вырос величайший ученый монах средневековья Бэда Досточтимый. Однако такой тип монастырей был чужд кельтским традициям, укоренившимся на Линдисфарне и давшим величайшего святого-аскета Кутберта. Разрешение потенциального конфликта культурных традиций было возможным лишь на путях включения Линдисфарна в орбиту влияния римской церкви, что и было достигнуто через посвящение Кутберта в епископы представителями «римского обычая» (уговорить Кутберта принять сан и создать Линдисфарнскую епархию наряду с Йоркской решился нортумбрийский король Эгфрид) и через признание монахами Линдисфарна римского исчисления Пасхи, которое в начале VIII в. было принято даже на Ионе благодаря усилиям уроженца Нортумбрии Эгберта.

Эгберт, который проводил остаток дней на Ионе, имел значительное влияние на сильных мира сего — именно он пытался отговорить короля Эгфрида от бессмысленного нападения на Ирландию в 684 г. Кельтская традиция аскетического монашества, которое резче противопоставляло себя миру, нежели шедшая из Италии традиция «ученых» монастырей, не

возбраняла, однако, советов отшельника правителям. Образ аскета-воина, который обратил свои прежние воинственные привычки на борьбу с бесами (красочно описанную в анонимной поэме на древнеанглийском языке) и вместе с тем наставлял будущего правителя Мерсии Этельбальда, сохранило для нас латинское «Житие св. Гутлака» монаха Феликса.

Однако более распространенным оказалось в Англии общежительное монашество, которое следовало уставу св. Бенедикта и ценило образованность и искусство, в том числе поэтическое. Именно в контексте такого монашества мог быть оценен поэтический дар Кэдмона, который первым вознес хвалу христианскому Богу исконно германским аллитерационным стихом и стал главой первой поэтической школы в Англии. Не чуждался этого искусства и Альдхельм, брат короля Инэ, который, по преданию, зазывал своих прихожан в храм исполнением неких поэтических произведений на родном языке. История донесла до нас только латинские стихи Альдхельма: VII в. был лишь началом в разрешении конфликта двух совершенно различных и первоначально чуждых друг другу поэтических традиций — ученого латинского стиха и построенного на совершенно иных принципах устного германского стихосложения.

Монашеские идеалы оказали в ту эпоху значительное влияние и на светских правителей: простым паломником в Риме кончил свою жизнь грозный воитель Кэдвалла, правитель Уэссекса; истинно монастырской ученостью обладал правитель Нортумбрии Альдфрид, крестник Альдхельма, предназначавшийся с юности к церковной карьере; весьма считался с интересами своего ученого брата и сам король Инэ, который

защищал в своих законах права церкви (в этом ему следовал и кентский король Вихтред). Конфликт церкви и королевской власти, который с наибольшей силой отразился в Нортумбрии, на юге Англии разрешается их прочным союзом.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ДЕЯТЕЛИ ЦЕРКВИ

Новая римская миссия

СВ. ТЕОДОР ТАРСИЙСКИЙ

ST. THEODORE OF TARSUS, 602?-690 гг. — архиепископ Кентерберийский (668-690 гг.), ключевая фигура в ранней истории английской церкви

Теодор, подобно апостолу Павлу, был уроженцем Тарса Киликийского (Cilicia). Первые шестьдесят пять лет его жизни — срок весьма значительный при меньшей средней продолжительности жизни средневекового человека — покрыты туманом. Известно лишь, что он учился в Афинах, стал чрезвычайно образованным человеком и принял монашество. В 667 г. он находился в Риме, хотя неизвестно как и почему он туда попал. Незадолго до того избранный в Кентербери архиепископ прибыл в Рим, чтобы получить посвящение от папы Виталия, но внезапно умер от чумы. Виталий предложил вакантное место африканскому монаху Адриану, но тот отказался и взамен себя указал на Теодора. Теодор принял

предложение, получил посвящение в марте 668 г. и отправился в Англию в сопровождении Адриана и англосаксонского монаха Бенедикта Бископа, который как раз оказался тогда в Риме. В продолжение своего довольно приятного путешествия они сделали остановку в Париже, получили необходимые сведения о ситуации в Англии и достигли Кентербери в мае 669 г.

Назначение Теодора на первый взгляд кажется самым удивительным во всей истории английской церкви — пожилой человек принимает пост, сопряженный с большими физическими тяготами и умственным напряжением. Грекоязычный интеллектуал, выросший в лоне средиземноморской цивилизации, собирается управлять варварами, только-только обращенными в христианство, на чьем языке он не умеет говорить, чей климат и пища едва ли ему подходят, чьи обычаи и политическое устройство наверняка кажутся незнакомыми и неприемлемыми. Да и сама английская церковь пребывала в то время в состоянии беспорядка: она недавно разделилась из-за споров о дате празднования Пасхи, и не зажили еще раны этого конфликта; ей недоставало четкой структуры и организации, как не решен был и кадровый вопрос — ко времени прибытия Теодора в Англии был лишь один правильно рукоположенный епископ, а именно Вильфрид. Наконец, Англия только что пережила эпидемию чумы, и ее обитатели были напуганы и деморализованы. Королевство Эссекс частично вернулось к язычеству, и то же самое могло случиться где угодно.

Необычно прежде всего то, что несмотря на все эти помехи архиепископское служение Теодора было чрезвычайно успешным. Он дал английской церкви то административное устроение, которое с минимальными изменениями просуществовало в

дальнейшем чуть ли не девятьсот лет. Он упорядочил повседневную жизнь церкви через четкий ритм богослужений и строгую дисциплину. Он создал школу в Кентербери, которая сыграла важную роль в приобщении англосаксов к средиземноморской письменной культуре и латинской книжности. Короче, в чужой для него стране он проявил себя как христианский лидер, наставник и вдохновитель — поразительный успех для семидесяти-восьмидесятилетнего старца.

Верный тон был задан уже в первые годы его служения. По прибытии в Англию Теодор посетил все церковные общины, чтобы познакомиться со страной и ее клиром. К 672 г. он создал систему епархий, совершая новые рукоположения епископов или подтверждая старые в Восточной Англии, Нортумбрии, Мерсии и Уэссексе. В 673 г. он созвал первый всеанглийский церковный собор в Хертфорде. Его постановления сыграли очень большую роль в упорядочивании всех церковных дел, например, в улаживании взаимоотношений между епископами путем выделения каждому четкой сферы юрисдикции. Два из этих постановлений носили особый характер.

Седьмое постановление гласило, что ежегодно должны созываться церковные соборы в месте, именуемом Кловешо. Место это до сих пор точно не установлено. Допускают, что это мог быть Брикстон (Нортэмптоншир) по причине своего центрального расположения и присутствия там великолепного храма, который в современном виде восходит к IX в., но, возможно, был заложен и ранее. Те малые свидетельства, которыми мы располагаем — например, случайные упоминания соборов в письмах Альдхельма — позволяют понять, что решение об их созыве не осталось мертвой буквой, но действительно претворялось в жизнь. Соборы созывались для

решения проблем английской церкви, но они имели и другие, далеко идущие последствия.

Чувство общей цели и причастности общему делу, которое невольно возникало у участников этих всеанглийских совещаний, способствовало постепенному преодолению племенных и территориальных границ. Из разбросанных по стране церковных общин, объединявших лишь жителей одного королевства или местности, рождалось понятие единой английской церкви и единого английского народа, имя которому даст Бэда в своей “Церковной истории рода англов” (Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum), разумея под племенным названием всех англосаксонских обитателей Британии (впрочем, сам Бэда обязан этим прозорливости Григория Великого, выразившейся в его известном восклицании «Не англы, но ангелы!»).

Девятое постановление собора в Хертфорде гласило, что «по мере увеличения числа верующих должно расти и число епископов», хотя далее следовала туманная фраза «однако в настоящем мы не касаемся этого дела». Теодор прибыл из Средиземноморья, где епархии были малого размера. В Англии они были велики: так, одна только Йоркская епархия Вильфрида охватывала огромный регион между Хамбером и Ферт-оф-Фортом. Теодор был готов уменьшить их размеры, умножив число епископов: ограничение паствы должно было содействовать более тщательному выполнению ими своих пастырских обязанностей. В этом Теодор следовал направлению мысли Григория Великого. Но тот факт, что постановление о снижении размеров епархий не было выполнено, показывает, что Теодор натолкнулся на оппозицию — английские епископы опасались принижения своего статуса и уменьшения богатства и власти. Есть много свидетельств, что к тому времени

епископы в Англии были уже богаты и могущественны. Одна из причин, по которой св. Кутберт с Линдисфарна так неохотно принял епископский сан в 685 г., заключалась в том, что он стремился избежать этих искушений.

Теодор был готов осуществить эту реформу. Он проводил ее медленно, шаг за шагом, пользуясь тактикой «умеренного оппортунизма»: как только где-нибудь освобождалось место епископа, он вмешивался и делил епархию. Теодор обыкновенно находил поддержку местного короля: например, в 679-680 гг. он разделил огромную мерсийскую епархию на пять частей по просьбе короля Этельреда. Теодор всегда проявлял такт, но вместе с тем он был твердым и далеко не всегда щепетильным человеком, может быть даже с некоторой манией величия. Конечно, его мог подталкивать к принятию решений и возраст: старец спешил исполнить свое предназначение.

В осуществлении своих планов он, возможно, даже перегнул палку, так что на севере власть Кентерберийской кафедры стала восприниматься как непомерно большая, превосходящая пределы, положенные ей папой Григорием. Наиболее решительным противником Теодора был епископ Вильфрид Йоркский: их ссора была неизбежна. Однако Теодор настоял на своем. В 678 г. он поделил Нортумбрийскую епархию на три части, а в 681 г. — на пять частей. Восточная Англия была поделена еще в 673 г., а Уэссекская епархия — в 704-705 гг., вскоре после смерти Теодора. Созданная Теодором система епархий с небольшими изменениями дожила до XVI в.

Собор в Хертфорде вынес также постановления относительно брачных дел. Наставления Теодора в нравственных и духовных вопросах — попытка дать основные представления о

церковной дисциплине для мирян — представлена в работе под названием «Пенитенциалий» («Книга для исповедников»). Эта книга в той форме, в какой мы имеем ее сейчас, была составлена анонимным редактором после смерти Теодора, но принято связывать излагаемые в ней правила с его именем. «Пенитенциалий» — книга для приступающих к таинству исповеди, которая перечисляет разнообразные грехи и предписывает соответствующие им наказания. Эта книга представляет большой интерес потому, что она показывает, какие пастырские проблемы вставали перед Теодором в англосаксонской среде и какие решения он принимал. Требования, предъявляемые в ней к духовному руководству повседневной жизнью верующих, свидетельствуют о твердой решимости Теодора наставить на путь истинный своих новообращенных чад. Но книга эта также обнаруживает в нем широту мышления и милосердие. В определенных пределах Теодор был готов приспособить христианское учение о нравственности к англосаксонским обычаям. Английской церкви очень повезло, что в эпоху ранней христианизации ею руководил человек столь мудрый и свободный от предрассудков.

Анонимный составитель «Пенитенциалия», возможно, воспитывался в Кентерберийской школе, созданной Теодором и Адрианом. Альдхельм позволил нам как бы сквозь дверную щелку заглянуть в тот класс, где стоял Теодор в окружении студентов, словно «неукротимый кабан, одолеваемый сворой гончих». Сразу чувствуется атмосфера веселая и шумная.

Почти полстолетия тому назад один немецкий ученый обнаружил в миланской рукописи XI в. отрывки из библейских комментариев, принадлежащих (как ему удалось доказать) самому

Теодору. Таким образом стало возможным узнать метод экзегезы, который практиковался в Кентербери (как оказалось, он сильно отличался по характеру от библейских толкований Бэды в Ярроу) и получить представление о том, как объяснял Теодор средневосточную флору и фауну, описываемую в одной священной книге, своей любознательной аудитории с берегов Северного моря. Трепетное любопытство, которое позднее влекло англосаксонских паломников VIII в. (таких, как Виллибальд Эйхштаттский) в Святую Землю, возможно, впервые пробуждалось в среде английского клира на этих увлекательных занятиях Теодора. Высокую репутацию заслужил Теодор в сфере церковного права: это подтверждает не только вышеупомянутый “Пенитенциалий”, но также суждения таких выдающихся людей чуть более позднего времени, как архиепископ Эгберт Йоркский и папа Захария (последний — в письме к Бонифацию от 748 г.). Познания Теодора были широки и разнообразны — Беда рассказывает историю, которая представляет его как эксперта в области медицины.

Теодор умер 19 сентября 690 г. в возрасте восьмидесяти восьми лет. Лучшей эпитафией ему до сих пор остается весьма здравое суждение одного ученого XIX в.: “Трудно переоценить все то, чем Англия, Европа и христианская цивилизация обязаны трудам Теодора”.

АДРИАН

HADRIAN, умер около 709-710 гг. — монах, учитель и настоятель монастыря в Кентербери, спутник Теодора Тарсийского

Будучи уроженцем северной Африки, он некогда пересек Средиземное море, поселился в Италии (по всей вероятности, как пострадавший от наступления ислама) и стал монахом в монастыре около Неаполя. В 667 г. папа Виталий предложил ему пост архиепископа Кентерберийского, но он назвал взамен себя Теодора. Он сопровождал Теодора в Англию в 668-669 г. и стал настоятелем монастыря первоверховных апостолов Петра и Павла (позднее освящен в честь св. Августина) в Кентербери, скорее всего в 671 г. Всю оставшуюся жизнь он пребывал в этом служении, всецело посвятив себя преподавательской деятельности.

Жизнь учителя не богата внешними событиями — не составляла исключения в этом отношении и жизнь Адриана. Однако влияние его было очень велико. Среди его учеников был Альдхельм, величайший ученый в Англии того времени; Альбин, друг и корреспондент Бэды, который стал настоятелем монастыря после Адриана; и ученый епископ Товия Рочестерский (умер в 726 г.). Теодор и Адриан — ибо невозможно разделить их вклад в дело обучения — превратили Кентербери в интеллектуальный центр, который играл очень важную роль в распространении средиземноморской культуры и образованности среди англосаксов. Вместе с библеистикой и патристикой преподавались и другие дисциплины — юриспруденция, математика, астрономия, поэзия, риторика, медицина. Для Теодора греческий был родным языком, Адриан одинаково хорошо владел как греческим, так и латинским. Под их руководством Кентерберийская школа стала одним из немногих мест в Европе севернее Альп, где можно было изучить греческий язык.

Созидатели

АГИЛЬБЕРТ

AGILBERT, около 650-675? — франкский епископ, сначала Дорчестера-на-Темзе, а потом Парижа

Агильберт происходил из рода франков, а учился в одном из знаменитых ученых центров южной Ирландии. По прибытии в Уэссекс был назначен королем Кенвальхом в качестве преемника Бирина на епископской кафедре Дорчестера в 649-650 гг. Около 663 г. король разделил уэссекскую епархию и установил еще одну епископскую кафедру в Винчестере. Оскорбленный Агильберт уехал в Галлию. Однако в 664 г. он вновь появился в Англии, на этот раз как защитник римской церкви на соборе в Витби и спутник Вильфрида. Затем он возвращается домой, в том же году в Компьене участвует в посвящении Вильфрида в епископский сан, а вскоре после 666 г. возглавляет епископскую кафедру Парижа. Зимой 668-669 г. у него, по дороге в Англию, останавливается архиепископ Теодор, чтобы получить ценную информацию о состоянии дел английской церкви. Примерно в то же время король Кенвальх приглашает его обратно в Уэссекс, но Агильберт посылает вместо себя своего племянника Леутерия (Хлотхере), который управляет вновь соединенной епархией Уэссекса с 670 по 676 гг. Агильберт умер около 675 г. или чуть позже. Его великолепная гробница до сих пор возвышается к востоку от Парижа в монастыре Жуар, основанном одним из его родственников.

Карьера Агильберта приоткрывает тему, которая до сих пор не получила должного внимания историков английской церкви, а именно ее тесные связи с франкской церковью Галлии. Сам Бэда либо мало знал об этих связях, либо не удосужился рассказать. Франкское влияние заметно в основании английских монастырей VII в., в распространении текстов, в форме официальных

документов, а также в раннем англосаксонском искусстве и архитектуре, и более всего оно ощущается в самом их тоне и стиле. Франкская церковь была церковью аристократов: ее пример сильно повлиял на англосаксонскую знать в поддержке церковных институтов. Франкские епископы были богатыми и влиятельными лицами: люди, подобные Агильберту, явили собой образец епископской власти, наиболее ярко представленный в Англии подопечным Агильберта Вильфридом.

СВ. ВИЛЬФРИД

ST. WILFRID, 634-709 гг. — монах, епископ Йоркский, самый выдающийся (после Теодора) деятель английской церкви второй половины VII в.

Биография Вильфрида известна во всех деталях благодаря сохранившемуся “Жизнеописанию Вильфрида”, сочиненному сразу после его смерти преданным капелланом Эддием по просьбе епископа Акки из Хексама. Эддий откровенно и вместе с тем пристрастно освещает все спорные моменты его бурной карьеры. Бэда также достаточно рассказывает о Вильфриде в своей “Церковной истории”. Бэда лично встречал Вильфрида, немало знал о нем от друзей (таких, как Акка) и скорее всего был знаком с “Жизнеописанием” Эддия. Однако его трактовка деятельности Вильфрида значительно более сдержанна, чем у Эддия. Бросающиеся в глаза различия этих источников в освещении фактов продолжают вызывать недоумение и являются предметом дискуссий. Тринадцать столетий спустя после своей смерти Вильфрид продолжает оставаться фигурой, исполненной противоречий.

Вильфрид родился в нортумбрийской семье (по всей видимости, благородного происхождения) в 634 г. В возрасте четырнадцати лет он испытал нечто вроде религиозного озарения и при содействии королевы Эанфлед, супруги Озви, был помещен в монастырь Линдисфарна, где в то время еще подвизался его основатель ирландец Айдан. Около 652 г. Вильфрид загорелся желанием совершить паломничество в Рим. По рекомендации все той же королевы Эанфлед он прибыл в Кент и год провел при кентском дворе. В 653 г. он отправился в Рим в сопровождении Бенедикта Бископа. Они доехали вместе до Лиона, а потом расстались по не вполне ясным причинам. Бископ продолжил путь в Рим, а Вильфрид подружился с епископом Аннемундом и его братом Дальфином, графом Лионским. Аннемунд принял Вильфрида как сына, предлагал ему руку своей племянницы и строил планы относительно его светской карьеры в Галлии. Однако Вильфрид воспротивился — хотя искушение, вероятно, было очень велико (не это ли послужило причиной его разрыва с Бископом?) и продолжил путь в Рим.

Этот первый визит в Рим имел решающее значение для дальнейшей судьбы Вильфрида. Он усвоил римский церковный обычай (в том числе правильное исчисление даты Пасхи, в котором прежде был несведущ): по его возвращении в Англию это отзовется на соборе в Витби. Еще большее воздействие на его судьбу оказало миссионерское рвение, воспринятое им в Риме, где жила еще память Григория Великого (свои плоды принесла впоследствии и докатившаяся до Рима молва о великом галльском миссионере, епископе Аманде, который обратил в христианскую веру нижних франков). Более того, Вильфрид добился аудиенции у папы. Папа Мартин I отстаивал в то время чистоту христианской веры перед

еретическими властями Константинополя: в конце 654 г. он был схвачен эмиссарами византийского императора и сослан в Крым; смерть его в 655 г. была повсеместно воспринята как мученичество за Христа. Непристойное поведение императора в этом конфликте между светской и церковной властью, видимо, оставило неизгладимый след в душе Вильфрида и сказалось в дальнейшем на его взаимоотношениях с нортумбрийскими королями. Впечатлительная натура двадцатилетнего юноши надолго впитала уроки Рима, и с тех пор его никогда не оставляла бесконечная преданность всему римскому.

После отъезда из Рима Вильфрид вернулся в Лион, где провел следующие три года с епископом Анемундом и принял монашеский постриг. Однако в 658 г. Анемунда убили — Вильфрид тоже едва избежал подобной участи, но вернулся в Англию. В Нортумбрии он стал приближенным Альхфрида (сына короля Озви), который правил тогда Дейрой, южной частью Нортумбрии. Альхфрид изгнал из Райпона ирландских монахов и отдал монастырь Вильфриду. Здесь в начале 664 г. Вильфрид был рукоположен во священника Агильбертом, франкским епископом из Дорчестера, который гостил тогда в Нортумбрии (Вильфрид встречал его прежде в Уэссексе). Агильберт и Вильфрид оба присутствовали в 664 г. на соборе в Витби. Вильфрид возглавлял римскую партию, которая взяла верх в вопросе празднования Пасхи.

Вскоре после собора Вильфрид получил епископскую кафедру в Йорке, однако не мог ее занять без посвящения в сан епископа. Из-за отпадения кельтской церкви (в связи с собором в Витби) Вильфрид не мог быть рукоположен представителями бриттского или ирландского епископата, поэтому отправился в Галлию. Он

получил посвящение в епископский сан в Компьене от Агильберта и еще одиннадцати епископов (великолепное и почти символическое число), после чего на некоторое время задержался в Галлии. Однако за это время король Озви, поссорившись со своим сыном Альхфридом, отдал Йоркскую кафедру Чаду. Вильфрид посчитал это незаконной узурпацией предназначенного ему места. Положение Чада ухудшалось тем, что он был рукоположен раскольником Винэ, епископом Винчестерским, и двумя другими бриттскими схизматиками. Вильфрид возвратился в Нортумбрию в 666 г., пережив кораблекрушение и схватку с пиратами на побережье все еще остававшегося языческим Сассекса. Происшествие кончилось для него благополучно, ибо его сопровождала большая дружина в 120 человек — знак его высокого положения (следовательно, единственный корабль, на котором они ехали, должен был превышать размерами сорокаместную ладью короля Рэдвальда, приготовленную для его погребения полстолетием ранее). Найдя свое место в Йорке занятым, Вильфрид на три года удалился в монастырь Райпон, но во исполнение своих епископских обязанностей бывал также в Мерсии и Кенте. Эддий добавляет, что за это время он основал еще один монастырь в Мерсии (возможно, в Ундле) на землях, пожалованных мерсийским королем Вульфхере.

Архиепископ Теодор прибыл в Англию в 669 г. и во время знакомства со своими английскими подопечными сместил Чада и отдал Йоркскую кафедру Вильфриду (Чаду было вскоре пожаловано епископское место в Личфилде, в Мерсии). Вильфрид мирно правил Йоркской епархией вплоть до 678 г. То были хлопотные годы: Вильфрид перестроил кафедральный собор в Йорке, построил

храм в Райпоне и еще один в своем северном владении в Хексаме (под обоими сохранились подземные склепы того времени). Вильфрид действительно немало потрудился на благо своей обширной нортумбрийской епархии.

В 678 г. король Эгфрид поссорился с Вильфридом и обратился за разрешением конфликта к архиепископу Теодору. Воспользовавшись этой возможностью осуществить свои планы по делению крупных епархий, Теодор рукоположил в Нортумбрии трех новых епископов. Оскорбленный Вильфрид отправляется в Рим, чтобы пожаловаться папе. Он провел зиму 678-679 гг. во Фризии, проповедуя евангелие язычникам, а потом продолжил свой путь в Рим.

Дело его было рассмотрено в совете под председательством папы Агафона и разрешено в его пользу. Поэтому в 680 г. он вернулся в Англию, вооруженный папскими письмами, чтобы восстановить свое положение в Йорке. Однако король Эгфрид пренебрег решением папы, отказался восстановить Вильфрида и заключил его на девять месяцев в тюрьму. В 681 г. его освободили при условии отъезда из Нортумбрии.

Изгнание Вильфрида продолжалось пять лет (681-686 гг.). Наибольшую часть времени он провел в королевстве Сассекс, проповедуя среди язычников под покровительством их вождя, которого он первым обратил в свою веру. В этот период он основал монастырь в Сельси. Часть времени он провел также в Уэссексе, обращая в христианство обитателей о-ва Уайт, недавно завоеванного уэссекским королем Кэдваллой. Король пожаловал Вильфриду четверть острова и добычу, полученную при его завоевании — Вильфрид отдал пожалования своему племяннику. Любопытно отметить, что предприятия Вильфрида в некотором роде были

крупным финансовым вложением в материальное благополучие его рода.

В 685 г. король Эгфрид пал в битве, и это оказалось решающим в судьбе Вильфрида: он помирился с Теодором, а новый король Нортумбрии Альдфрид разрешил ему вернуться на епископскую кафедру (в конце 686 или начале 687 г.). Но он вернулся в значительно меньшую епархию. Под началом Йоркской кафедры пребывала теперь лишь Дейра, а Берниция была поделена между двумя епархиями (Линдисфарнской, под Кутбертом, и Хексамской). Вильфрид управлял Йоркской епархией пять лет. Однако в 691-692 гг. он вызвал неудовольствие короля и снова был изгнан. На этот раз изгнание было более продолжительным, и о нем меньше известно. Время от времени Вильфрид появляется то в Мерсии, то в Восточной Англии, то в Кенте. В 703 г. Альдфрид вызвал Вильфрида на совет в Нортумбрию и объявил о своем намерении лишить его храмы и монастыри всех пожалований. На семидесятом году жизни Вильфрид снова отправился в Рим, чтобы обжаловать решение совета. Папа Иоанн VI поддержал Вильфрида, и в 705 г. он возвратился в Англию. Альдфрид Нортумбрийский вскоре умер, а его наследник Озрик вернул Вильфриду право въезда в Нортумбрию и управление монастырями. Вильфрид провел последние четыре года жизни в Нортумбрии, но скончался в Ундле, одном из своих мерсийских монастырей, в 709 г.

Принято считать карьеру Вильфрида беспокойной — таковой она и была в действительности. Однако во многом это мнение определяется тем тоном, который принял его биограф Эддий. Жизненный путь других англосаксонских епископов того времени, возможно, был не менее бурным, чем у Вильфрида,

однако о них-то мы ничего не знаем (представьте, каким было бы наше представление о Вильфриде, если бы сохранилось одно только жизнеописание у Бэды). Следует избегать искушения — сколь бы ни освящалось оно длительной традицией английской (и особенно англиканской) историографии — считать Вильфрида обидчивым и вздорным эгоцентриком. Конфликт сильных личностей неизбежно сопряжен с резкими словами и насильственными действиями. Но в данном случае это были не просто столкновения отдельных личностей — на повестке дня стояли весьма сложные проблемы, которые не могли разрешиться сами собой: они требовали участия людей в их разрешении.

И все же чрезвычайно трудно установить, о чем же, собственно, шел спор. Это может само по себе показаться по меньшей мере странным, однако с необходимостью вытекает из расхождений между источниками — Эддием и Бэдой. Первоначальная ссора с королем Нортумбрии Эгфридом была отчасти вызвана, как можно подозревать, тем, что Вильфрид поддерживал королеву в ее желании исполнить обет девства. Едва ли это могло способствовать налаживанию его отношений с королем, который жаждал наследника. Сосредоточение больших земельных богатств и церковной власти в руках Вильфрида возбуждало зависть Эгфрида и Альдфрида — а за ней маячил еще более сложный вопрос о юридических основаниях церковного землевладения. Кроме того, дружба Вильфрида с правителями Мерсии не могла не возбуждать подозрений у нортумбрийских королей. И они были правы в своих подозрениях: Вильфрид действительно в каком-то смысле был «делателем королей». В 676 г. он снабдил армией пребывавшего в ирландской ссылке Дагобера II, так

что тот сумел взойти на престол Австразии (Восточной Франции).

Сеть подвластных Вильфриду монастырей, раскинувшихся на значительной территории от Хексама до Сельси, преодолевала границы территориальных притязаний отдельных королей. Но не одни короли завидовали ему. Эддий прямо утверждает, что у Вильфрида были враги среди высшего духовенства Нортумбрии, а ведь за ними стояли аристократические кланы, из которых они вышли. Не то чтобы Вильфрид был епископом с какой-то особой склонностью к участию в политических делах. Но сама «политика» VII в. была неотделима от кровных связей и кровной мести, оскорблений, обид и неизбежного при этом насилия. Вильфрид был связан понятиями той среды, в которой ему довелось жить — среды военной аристократии, которая очень медленно приспосабливалась к христианству и приспосабливала христианство к себе.

Поочередные конфликты Вильфрида с архиепископами Кентерберийскими — Теодором и Брихтвольдом — скрывают под собой принципиальные вопросы. Папа Григорий некогда создал план обустройства английской церкви. Похвальное желание Теодора разделить крупные епархии на более мелкие и более управляемые любым епископом Йорка было бы воспринято как превышение Кентербери границ церковной власти, установленной еще Григорием. Это было тем более оскорбительно для клирика, который считал себя преданным Риму, но вместе с тем держался франкского опыта, поддерживавшего идею неразрывной связи светской и церковной власти. И когда Вильфрид обращался к авторитету Рима, Рим поддерживал его, хотя и не так охотно, как он желал. Эддий считал эти проблемы решенными. Но

они не были решены. Это тревожило Бэду, как и многих других историков, писавших впоследствии об этом конфликте.

Мирские конфликты занимают большое место в биографии Вильфрида. Однако слишком акцентировать эту сторону его жизненного пути — значит рисковать недооценить другие сферы его деятельности. Англия обязана ему введением и распространением монашеского правила св. Бенедикта, которое он понимал как необходимую составную часть обращения в христианство (как, например, в Сельси), что не могло пройти мимо юного Бонифация. Он был покровителем учености (о чем, кстати, рассказывает не Бэда, а Эддий). Его миссионерская работа во Фризии подготовила почву для тех, кто желал следовать за ним по этому пути (как, например, его ученик Виллиброрд). Он был первым выдающимся деятелем западной церкви, который ввел в обиход обращение к папе римскому как способ разрешения конфликта у себя на родине — его пример оказал большое влияние на сам характер управления западной церковью. Его труды по строительству и украшению храмов в Райпоне, Йорке, Хексаме и других местах (наряду с трудами Бископа по обустройству Вэрмута и Ярроу) помогли англосаксам познакомиться с возвышенной эстетикой Средиземноморья. Пышность и великолепие стиля его епископской деятельности, который он позаимствовал у своих франкских наставников Аннемунда и Агильберта, могли временами настораживать духовных лиц более взыскательного толка (каковым был Бэда). Но и они сыграли свою положительную роль в привлечении англосаксонской элиты в церковь и тем самым способствовали христианизации всех слоев английского общества.

Что бы ни предпринимал Вильфрид, он всегда давал новый творческий толчок развитию религиозной жизни своих соотечественников — именно такую память он оставил по себе в Йорке. Восемьдесят лет спустя после его смерти Алкуин писал, что «благодаря достижениям Вильфрида слава его сияет повсюду». И это справедливая оценка.

После смерти Вильфрида убитые горем ученики перенесли тело из Ундля в Райпон, где и упокоились его останки, став на два с половиной столетия предметом культового поклонения. Затем, вероятно в 948 г., по велению архиепископа Оды, они были перенесены в Кентербери, где и остались. По иронии судьбы мощи Вильфрида составили одну из самых драгоценных реликвий именно того кафедрального храма, с архиепископами которого он так долго пребывал в конфликте.

ЭГБЕРТ С ИОНЫ

EGBERT OF IONA, 639-729 — нортумбрийский монах и епископ, который провел свою жизнь в изгнании

Эгберт жил на чужбине как странник, но тем не менее у себя на родине имел большое влияние. В молодости он, как и его друг Чад, уехал учиться в Ирландию и там (скорее всего во время очередной эпидемии чумы в 664 г.) дал обет никогда не возвращаться на родину, но вести жизнь добровольного изгнанника, чтобы всецело посвятить себя служению Богу. Однако он не превратился в одинокого отшельника и оставался чрезвычайно влиятельным человеком: в 684 г. он пытается уговорить короля Эгфрида не нападать на Ирландию, в 697 г. посещает собор ирландской церкви в Бирре, в начале VIII в. выступает инициатором основания еще одного монастыря в Нортумбрии, и, наконец (что заслужило особое одобрение Бэды), в 716 г.

склоняет монахов Ионы придерживаться даты празднования Пасхи, принятой вселенской церковью. Еще в 687 г. Эгберт первым из англосаксов возымел намерение ехать миссионером к язычникам Германии, но оставил его после некоего видения и провел остаток жизни на Ионе. Однако его порыв не пропал даром: английские миссионеры VIII в. во многом обязаны своими успехами на континенте миссионерскому пылу, воспринятому ими от Эгберта. Его самым выдающимся учеником был Виллиброрд.

Аскеты

СВ. КУТБЕРТ

ST. CUTHBERT, около 634-687 гг. — монах, отшельник и епископ Линдисфарнский, один из самых любимых святых ранней англосаксонской церкви

Сохранились два замечательных жизнеописания Кутберта: одно, принадлежащее анонимному автору, монаху Линдисфарна, который сочинил его между 698 и 705 гг.; и второе, основанное на первом, но несколько отличающееся от него — сочинение Бэды Досточтимого, появившееся около 721 г.

Жизнь Кутберта небогата событиями. Он родился в Нортумбрии, в пограничном районе между Англией и Шотландией, около 634 г., а в 651 г. был пострижен в монастыре Мельроуза. С 659 г. недолго жил в Райпоне вместе с некоторыми переселившимися туда монахами Мельроуза, но в 661 г. всем им пришлось вернуться назад, чтобы

освободить место для братии, сопровождавшей прибывшего из Рима Вильфрида. В 664 г. Кутберт переехал на Линдисфарн (Святой Остров) и возглавил там монашескую общину. Позже, вероятно в 675-676 гг., он начал уединенную жизнь отшельника на маленьком островке Фарн, в семи милях к югу от Линдисфарна и в полутора милях от материка. В 684 г., во многом против собственной воли, он был избран епископом Линдисфарна и посвящен в сан в Йорке в 685 г. В 687 г., предчувствуя близкую кончину, он снова удалился на Фарн, где и умер 20 марта.

По самому своему определению святые — это особые личности. Более того, мы видим их лишь такими, какими они предстают в изображении неких авторитетов. Но эти авторитеты не были биографами в нашем понимании термина. Они писали особый род биографии, известной под именем агиографии, то есть жизнеописание людей, почитавшихся святыми. Агиограф стремился не просто рассказать, но и прославить; возбудить не простое любопытство, но благоговейную любовь; представить идеал или образец святости. Поэтому чрезвычайно трудно понять, каким же на самом деле мог быть святой VII в. (как, впрочем, и любой святой). Однако даже учитывая все это, следует отметить, что Кутберт производил глубокое впечатление на современников как исключительная и духовно одаренная личность. Известно, что в 685 г. в Карлайле духовному взору Кутберта были открыты поражение и смерть короля Эгфрида в далеком Нехтансмере. Едва ли этот эпизод можно считать простой выдумкой, ибо его подтвердили весьма авторитетные люди. Однажды на берегу Северного моря около Кольдингама некий посторонний наблюдатель, чье присутствие было скрыто от Кутберта, сумел увидеть, как выдры

осушали и согревали ему ноги после длительного молитвенного стояния по пояс в морской воде. Это лишь одно из многочисленных свидетельств весьма трогательных взаимоотношений Кутберта со зверями и птицами, которое современники считали признаком его святости. Кутберт превосходил пределы обычного человеческого опыта.

Посмертная история Кутберта столь же замечательна, как и его земная жизнь. Чудеса, которые он совершал при жизни, продолжались и после его погребения на Линдисфарне. В 698 г. тело его обретено нетленным, что послужило поводом к его почитанию как святого. Мощи были положены в раку, и над нею продолжали совершаться чудеса. Было сочинено сначала анонимное “Житие”, а потом “Житие св. Кутберта” Бэды. Родился культ, с которым оказалась тесно связанной судьба королевской семьи: в монастырь св. Кутберта удалился, оставив в 737 г. престол, король Кеольвульф. В последующее столетие Кутберт стал чем-то вроде небесного покровителя Нортумбрии.

В 793 г. монастырь Линдисфарна был разграблен викингами, монахи убиты или уведены в рабство, но мощи Кутберта уцелели. Однако набеги викингов продолжались, закончившись датским завоеванием Нортумбрии в 867 г., а в 875 г. насельники Линдисфарна покинули остров вместе с мощами своего покровителя. Несколько лет они скитались по Нортумбрии в поисках более надежного пристанища, пока наконец в 883 г. не обрели его в Честер-ле-Стрит, где находилась и епископская кафедра Линдисфарна вплоть до 995 г., когда мощи были перенесены в Дарэм. С тех пор Кутберт покоится в кафедральном соборе Дарэма. В 1104 г., при перестройке собора в нормандском стиле, для мощей была сооружена новая, более пышная рака. В средние века и позже мощи св.

Кутберта оставались самой большой достопримечательностью северной Англии, притягивая к себе множество паломников. Здесь совершались чудеса, здесь святой покровитель Нортумбрии защищал свою землю от скоттов и поддерживал свою церковь. Уполномоченные Генриха VIII разогнали братию, разрушили раку, добрались до гроба, но не тронули останков, которые покоятся в Дарэме и по сей день. И там же пребывают остатки деревянного гроба, изготовленного в 698 г., небольшой портативный алтарь, оправленный в серебро, и великолепный нагрудный крест, который Кутберт носил после посвящения в епископский сан.

СВ. ГУТЛАК

ST. GUTHLAC, около 675-714 — сначала воин, потом монах-отшельник

Подобно многим другим англосаксонским святым, Гутлак происходил из знатной семьи — он был связан с мерсийским королевским родом. Начало его карьеры вполне светское: собрав дружину, он отправляется на поиски приключений, сражается и грабит наподобие того, как это делали ранние германские вожди на континенте. Неизвестно, куда завели его эти поиски приключений (скорее всего, он побывал во многих местах), но он определенно провел некоторое время в Уэльсе, ибо его биограф говорит, что он немного выучил там говор бриттов. В возрасте двадцати трех лет с ним совершается резкий перелом, и он становится монахом в Рептоне (подобный переворот совершился когда-то и с уэссекским королем Кэдваллой). Через два года он оставляет Рептон и около 700 г. становится отшельником в Кроуленде-на-Болотах (in the Fens). Феликс, биограф Гутлака, рассказывает, как он сражался с бесами,

общался с птицами и рыбами и совершал чудеса исцеления. Как и Кутберта, его посещали великие мира сего. Часто навещал его Этельбальд, позднее ставший королем Мерсии, но пребывавший тогда в изгнании. Гутлак утешал его, предсказывая скорое падение соперника, мерсийского короля Кеольреда (709-716), и будущий взлет. Среди его друзей были также епископ Хеадде из Личфилда и Экбурга, дочь короля восточных англов Альдульфа (умер в 713 г.), которая заказала ему свинцовый гроб. Через год после смерти Гутлака (714 г.) тело его было обретено нетленным и перенесено в великолепную раку, сделанную по приказу короля Этельбальда.

Жизненный путь Гутлака представляет большой интерес, ибо он показывает некую сторону христианизации англосаксов, которая отсутствует в писаниях Бэды. Духовные подвиги Гутлака-отшельника представляют зеркальное отражение его воинских подвигов в миру: земной воин становится воином Христовым, религиозное озарение превращает ветхого человека в нового без преодоления прежних привычек. Таков идеал святости, который могли понять и полюбить англосаксонские короли и знать. Весьма примечательно, что житие Гутлака было сочинено Феликсом по заказу короля восточных англов Альфвальда (умер в 749 г.). Это сочинение приоткрывает нам, каким представлялось христианство аристократической аудитории и как она реагировала на него.

Поэты и книжники

СВ. АЛЬДХЕЛЬМ

ST. ALDHELM, умер в 709-710 гг. — монах, ученый, писатель
и первый епископ Шерборна, родной брат короля Инэ

Наибольшая часть жизненного пути Альдхельма покрыта туманом. Мы не знаем, из какой части Англии он происходил. И где бы он ни получил свое первоначальное образование — а высока вероятность, что он получил его в Ирландии — он имел очень прочные знания по латинскому языку. Первый засвидетельствованный факт его биографии — это что он учился в Кентербери у Адриана, возможно в семидесятые годы VII в. В какой-то момент он становится настоятелем Мальмсбери — допускают, что это было около 674 г. Он основал два других монастыря, один около Вэрхэма, а другой — в Брэдфорде-на-Эйвоне. Кстати, сохранившаяся от англосаксонских времен церковь в Брэдфорде, которую долгое время относили к эпохе Альдхельма, сейчас датируется тремя столетиями позже — поучительный пример трудностей, которые возникают при датировке англосаксонских строений. Известно, что в какой-то период своей жизни он посетил Рим. Когда в 705 г. была поделена Уэссекская епархия, Альдхельм получил Шерборн. Его назначение епископом на территории, которая лишь недавно попала под контроль Уэссекса, показывает, что он преданно служил королю Инэ. Но он недолго возглавлял новую епархию: в 709 или 710 г. он умер.

Ныне Альдхельма больше помнят как писателя, нежели общественного деятеля. К сожалению, стиль его очень цветист и напыщен (по его собственному выражению, это был «густой лес латинской учености»), а это означает, что до недавних публикаций переводов его работ с латинского на современные европейские языки

труды его в буквальном смысле слова оставались «закрытой книгой» для рядовых читателей, если исключить наиболее компетентных специалистов. И это жаль, ибо Альдхельм был самым образованным англичанином до времен Бэды. Его работы могут много рассказать о замечательных достижениях англосаксонской словесности в эпоху архиепископа Теодора — и не только об ее авторах, но и читателях, ибо они предполагают блестящее знание латинского языка внутри определенного (пусть небольшого) круга лиц. Они выступают также важным источником информации о состоянии церкви в Уэссексе — регионе, о котором Бэда был не очень хорошо информирован.

Наибольшую известность получили два трактата Альдхельма, один в стихах, а другой в прозе, оба в похвалу девственности. Стихотворный трактат посвящен неизвестной аббатиссе по имени Максима, а прозаический — насельницам монастыря в Баркинге, одна из которых была родственницей Альдхельма. Нортумбрийскому королю Альдфриду он посвятил изысканный трактат о метрике. Королю бриттов Герайнту Думнонскому адресовано его длинное письмо касательно споров по поводу даты празднования Пасхи. Полностью или частично сохранились девять писем, написанные им самим, и три письма, адресованные ему. Его переписка имеет широкую географию. Среди его корреспондентов были некий ирландский монах в галльском монастыре Перонны и некий англосакс, который намеревался учиться в Ирландии; местные адресаты, такие как Винберт, настоятель монастыря в Нерслинге и покровитель Бонифация, и адресаты из более отдаленных областей, такие как его учитель Адриан из Кентербери, а также насельники огромной сети основанных Вильфридом монастырей, простиравшейся от Нортумбрии до Сассекса.

Сохранились также пять его коротких латинских поэм, прославляющих освящение храмов и алтарей. Согласно достоверному свидетельству хрониста XII в. Вильяма Мальмсберийского, Альдхельм сочинял и по-древнеанглийски, но ни одно из его сочинений подобного рода не дошло до нас (или, по крайней мере, оказалось невозможным установить его авторство в огромном корпусе древнеанглийской поэзии).

Сохранились и некоторые другие факты биографии Альдхельма. Во время своего визита в Рим (не исключено, что он, как и Бенедикт Бископ, побывал там несколько раз) он приобретает церковные облачения и мраморный алтарь; в Дувре он торгуется с франкскими купцами о цене на Библию (замечательный образчик книжной торговли того времени). До сих пор хранится в Оксфордской библиотеке принадлежавший Альдхельму (дошел в более поздней копии XII в.) экземпляр испанской книги по праву (так называемый «Бревиарий Аларика») — не исключено, что у него были прямые контакты с учеными Испании, которая в то время была важным центром образования в западной Европе. Альдхельм строит церкви, расширяет монастырские владения Мальмсбери за счет королевских пожалований, участвует в церковных соборах.

В глазах потомков слава Альдхельма несколько тускнеет перед сиянием Бэды. Стоит, однако, поразмыслить над тем, что не будь Бэды, Альдхельм был бы единственным источником наших знаний об англосаксонской церкви VII в. Он остается известным аббатом, деятельным епископом и прежде всего — человеком чрезвычайно образованным, ученым и покровителем ученых, а также талантливым учителем. Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о том, что в более поздние

англосаксонские времена его труды изучались не менее тщательно, чем труды Бэды — лишь позднее им стали уделять меньше внимания. Давно пора отдать должное Альдхельму как одному из самых влиятельных англосаксонских церковных деятелей.

КЭДМОН

CAEDMON, около 660-680 гг. — первый христианский поэт англосаксов, монах в обители Витби

История Кэдмона известна благодаря рассказу Бэды. Кэдмон — имя его имеет скорее кельтское, нежели германское происхождение — был мирянином, который, дожив до пожилого возраста, так и не научился импровизировать песни на пирах (обычай, по-видимому распространенный в англосаксонском обществе), и потому удалялся оттуда со стыдом, как только наступал его черед петь под арфу (одна из подобных арф обнаружена при раскопках погребения в Саттон Ху). Однажды ночью, когда он расположился на отдых в загоне для скота (полагают, что Кэдмон был простым пастухом, хотя Бэда не утверждает этого однозначно), ему явился во сне человек и попросил спеть песнь о сотворении мира. Кэдмон, который прежде не умел сочинить ни одной строчки, на этот раз тотчас сложил стихи, известные с тех пор под названием «Гимн о первотворении» (или «Гимн Кэдмона»), ибо они отчасти напоминают первые строки ветхозаветной «Книги Бытия». Вознеся таким чудесным образом хвалу единому Богу-Творцу, Кэмон обратился за объяснением свершившегося с ним чуда сначала к градоначальнику, а потом к аббатиссе Хильде, которая собрала для решения этого вопроса целый синклит «ученейших мужей». После того как мужи

пришли к заключению, что дар этот от Бога, Кэдмон по настоянию Хильды стал монахом в Витби и посвятил остаток жизни поэтическому пересказу Библии, которая читалась ему вслух более грамотными собратьями.

«Гимн Кэдмона» воспроизведен в рассказе Бэды по-латыни (Бэда утверждает при этом, что латинский перевод способен передать лишь общий смысл, но не всю красоту оригинала), а позднее записан на полях одной из рукописей по-древнеанглийски. В русском переводе В. Тихомирова он звучит так:

«Ныне восславословим
всевластного небодержца,
Господа всемогущество,
благое премудромыслие
и созданье славоподателя,
как Он, государь предвечный,
всякому чуду
дал начало.
Кровлю упрочил
для земнородных высокую,
небосвод поставил
святой создатель,
мир серединный сделал
всеславный народодержец,
предел для землерожденных,
государь предвечный,
Бог небесный
эту обитель смертных».[12]

Какова бы ни была реальная историческая подоплека «чуда Кэдмона», вклад его в развитие древнеанглийской поэзии состоит в адаптации приемов устно-поэтического творчества (германского аллитерационного стиха) к новой

[12] Цит. по: Древнеанглийская поэзия… С. 27.

христианской (книжной) тематике. Полагают, что Кэдмон так и остался неграмотным, а стихи его были записаны теми, кто знакомил его с содержанием Библии. Кэдмону (или точнее «школе Кэдмона», ибо в эпоху неосознанного авторства, которое не исчезает с перенесением литературного творчества на пергамент, невозможно разграничить вклад первого сочинителя и вклад его редакторов) приписывают также четыре большие поэмы на библейские темы, сохранившиеся в рукописи X-XI вв., известной под названием «Кодекс Юниуса» (по имени ее первого голландского издателя) — это «Генезис» (о грехопадении Сатаны и совращении им Адама и Евы), «Исход» (о бегстве евреев из Египта и переходе через Красное море), «Даниил» (фрагментарное изложение ветхозаветной «Книги пророка Даниила») и «Христос и Сатана».

Поэмы эти, несмотря на чуждую исконно германскому поэтическому творчеству тематику, удивительно близки ему по духу и стилю: так, взаимоотношения Бога и Сатаны представлены как взаимоотношения вождя и дружинника, в сцене преследования фараоном евреев появляются типичные для германского эпоса «звери битвы» (волк и ворон), и т.п. Применение традиционной эпической фразеологии означало осмысление библейской картины мира в терминах германских героических понятий.

Легенда о Кэдмоне получила двоякую трактовку среди исследователей. Одни видели в ней лишь первое свидетельство устного народного творчества в древней Англии, другие находили возможным говорить о «кэдмонианской революции» в поэзии. «Чудо Кэдмона», как ни относиться к его исторической достоверности, свидетельствует об осознании современниками некоего перелома в англосаксонской поэтической традиции после

христианизации. Кэдмон не просто чудом обучился поэтическому ремеслу, но заново воссоздал на новом материале то единство формы и содержания, без которого невозможно любое художественное творчество в эпоху неосознанного авторства — речь, следовательно, идет не о применении старой формы к новому содержанию (новое вино не вливают в старые мехи), а о трансформации самого поэтического сознания, его ценностной переориентации с «героического» на «христианское».

Вместе с тем «гладкость», с которой соединились в раннюю эпоху христианизации библейский рассказ и героическая картина мира, отразила прагматическую устремленность к отысканию ближайших эквивалентов христианских понятий в самом поэтическом тезаурусе англосакса. Главной была установка на целостное восприятие и «приятие» Священной истории, а не на разъяснение отдельных положений догмы. Вера как «верность», то есть результат личных чувств и убеждений, должна была базироваться на прочном основании — доверии к вмешательству Бога в историю избранного народа (или в человеческую историю вообще) и к божественному плану спасения людей.

Однако результат оказался превосходящим первоначальную цель. Кэдмоновские библейские парафразы дали толчок к возрождению германской героической тематики в контексте новой культуры. В поэзии Кэдмона нашли гармоническое слияние героический и христианский образ мира. Священная история, изложенная «с германских позиций», по-новому осветила, как вспышка новой звезды, весь старый мир героических преданий и дала начало новой художественной вселенной — миру «Беовульфа» и элегий, творцы которых навсегда останутся неизвестными. Религиозная

поэзия Кэдмона не противопоставляла себя исконно германской традиции сочинения эпических поэм на героические сюжеты, так что Бэда лишь отчасти прав в том, что “песни Кэдмона воспламенили многие сердца презрением к миру и стремлением к жизни небесной”. Монастырь Витби не закрывал наглухо дверей перед мирскими ценностями.

БЕНЕДИКТ БИСКОП

BENEDICT BISCOP, 628-689 гг. — основатель и первый настоятель двойного монастыря Вэрмут-Ярроу

Бископ происходил из знатной нортумбрийской семьи и провел юность на службе у короля Озви. Затем, в возрасте примерно двадцати пяти лет, он пережил религиозное озарение и оставил светскую карьеру. В 653 г. он посетил Рим, причем до Лиона его сопровождал Вильфрид. По возвращении в Англию, где он оставался несколько лет, он снова предпринял более продолжительное путешествие на континент (664-668 гг.). Дважды он посетил Рим и провел два года монахом в обители на о-ве Лерин у южного побережья Франции (недалеко от Марселя). В 668-669 г.г. он возвратился в Англию вместе с Теодором и Адрианом и обосновался вместе с ними в Кентербери, где в течение двух лет (669-671 гг.) был настоятелем монастыря первоверховных апостолов Петра и Павла (позже освящен в честь св. Августина, главы первой римской миссии в Кенте). Совершив еще одно путешествие в Рим (671-672 гг.), он вернулся в родную Нортумбрию, где в 673 г. основал монастырь Вэрмут благодаря щедрым земельным пожалованиям короля Эгфрида, и следующие несколько лет был занят строительством и обустройством новой обители, для чего из Галлии

были приглашены каменщики и стекольщики. Из следующего путешествия в Рим (678-680 гг.) Бископ привез книги, картины, мощи святых, регента церковного хора и письменное ходатайство папы о защите его монастыря от посягательств светской власти. В 681 г. Бископ основал еще один монастырь — в Ярроу, в который назначил аббатом Кеольфрида. Храм в Ярроу, часть которого стоит и по сей день, был освящен в 685 г. В том же году Бископ в последний раз съездил в Рим, откуда опять привез много книг и картин. Бенедикт Бископ умер после продолжительной болезни в 689 г.

Мы знаем достаточно много о Бенедикте Бископе и его двойном монастыре Вэрмут-Ярроу частично благодаря творениям Бэды, наиболее выдающегося насельника Ярроу, и частично благодаря недавним археологическим раскопкам. Монастырь Бископа — представлявший две обители, располагавшиеся на отдельных территориях на расстоянии нескольких миль друг от друга, отчего сам Бископ рассматривал их как единую монашескую общину — имел несколько не вполне обычных характеристик. Его храмы отличались сложной архитектурной композицией, конструкцией и отделкой. Одетые в камень и крытые свинцом, с оштукатуренными, украшенными живописью стенами и витражами в окошках, они составляли резкий контраст простым деревянным церквушкам Линдисфарна. В эпоху, когда далеко не все основатели монастырей были заинтересованы в насаждении образования среди братии, Бископ решился создать ученую общину. Он осознал простую, но фундаментальную вещь — по-видимому, не всегда столь ясную для патронов нынешнего образования — что невозможно насаждать образование без книг. Он пошел на огромные затраты и хлопоты, чтобы снабдить свой монастырь

книгами (собиравшимися в Италии и Галлии), и действительно обеспечил его одной из лучших в западной Европе библиотек, которой Бэда обязан своими обширными познаниями.

Таким образом, идеалы монашеского общежития, какими они представлялись Бископу, сильно отличались от идеалов его современников. И хотя Бископ был в хороших отношениях с королем Эгфридом, часто бывал при дворе и зависел от королевских пожалований, он не допускал влияния мира на жизнь обители. Титулы и ранги не играли никакой роли внутри монастыря, и знатным родственникам его основателя не разрешалось вмешиваться в дела общины — все ее члены были равны перед Богом. Помогая своим подопечным порвать семейные и социальные узы, Бископ следовал евангельскому принципу, но посягал при этом на самые глубокие основы языческого общества. С помощью полученных от папы привилегий ему приходилось осуществлять свои идеалы в мире, который не только не одобрял их, но нередко был им прямо враждебен. Тем не менее заложенные им основы монастырского образования принесли плоды — монастырь Бископа дал миру величайшего ученого раннего средневековья Бэду Досточтимого, а его скрипторий снабжал рукописями трудов Бэды всю Европу.

КЕОЛЬФРИД

CEOLFRITH, 642-716 гг. — настоятель монастыря Вэрмут-Ярроу и наставник Бэды Досточтимого

Кеольфрид происходил из знатной нортумбрийской семьи, около 660 г. принял монашество в Гиллинге и по приглашению Вильфрида перевелся в монастырь Райпона

примерно в 664-665 гг. В 669 г., после рукоположения в священники, посетил Кент (где, вероятно, и познакомился с Бенедиктом Бископом) и Восточную Англию с целью совершенствования в монашеском житии. Около 673 г. был уполномочен Бископом оказывать помощь по обустройству обители Вэрмут, а в 678-680 гг. сопровождал его в поездке в Рим. В 681 г., после основания второго монастыря в Ярроу, Кеольфрид был назначен его настоятелем, а с 688 г. (незадолго до смерти Бископа) стал возглавлять и Вэрмут. В 716 г. удалился от дел и отправился паломником в Рим, но не доехал до цели и умер по дороге, в Лангре (Бургундия), в сентябре 716 г.

В качестве настоятеля монастыря Вэрмут-Ярроу Кеольфрид играл важную общественную роль в Нортумбрии и был другом короля Альдфрида. Он сумел убедить Нехтана, короля пиктов, принять римский способ исчисления даты Пасхи. Однако (как можно заключить из слов Бэды и автора анонимного жития Кеольфрида) более всего прославился он своей трогательной заботой об обители, которой была посвящена вся его жизнь. Он заботился об увеличении земельных пожалований монастырю и о росте его братии (ко времени отъезда Кеольфрида в 716 г. число насельников составляло 600 человек — едва ли когда-либо большее число монахов собиралось под одним кровом). В семидесятые годы он радел о получении монастырем папских привилегий, что свидетельствует одновременно о преданности Кеольфрида монашескому идеалу Бенедикта Бископа и об осознании им трудностей воплощения его на практике. Он содействовал производству книг, благодаря чему в монастыре был создан экземпляр Библии, известный под названием Codex Amiatinus (ныне во Флоренции), великолепный

образец каллиграфического искусства. Наконец, под окормлением Кеольфрида получил монашеское воспитание и образование Бэда Досточтимый. Бэда всегда писал о Кеольфриде с любовью и почтением, и во введении к одному из библейских комментариев, написанном в 716 г., передал испытанное им острое ощущение потери при прощании с наставником: «Отъезд моего глубокоуважаемого настоятеля вызвал в сердцах всех тех, кто был вверен его заботам, чувство глубокого замешательства».

К О Р О Л И

ЭГФРИД

ECGFRITH, 645-685гг. — король Нортумбрии (670-685 гг.), наследовавший престол своего отца короля Озви

Впервые мы встречаем Эгфрида в возрасте десяти лет в роли заложника при дворе мерсийского короля Пенды. Скорее всего, он вернулся на родину после поражения и гибели Пенды в 655 г. В 670 г. он наследовал своему отцу Озви, вероятно, не без борьбы. Царствование Эгфрида так же наполнено сражениями, как у любого другого короля VII в. Около 672 г. против него восстали пикты, но потерпели поражение. В связи с этим в 681 г. Эгфрид основал новую епископскую кафедру в Аберкорне (Ферт-оф-Форт) с целью усилить нортумбрийское влияние на севере. Он продолжал расширять границы своего королевства к западу за счет бриттов Кумбрии и Стрэтчклайда. В 674 г. он отразил удар короля Вульфхере из Мерсии, в результате чего завладел

Линдси, но в 679 г. преемник Вульфхере Этельред отобрал у него этот остров. В 684 г. он совершил набег на Ирландию (хотя его отговаривали такие духовные лица, как Эгберт с Ионы и Кутберт) — вероятно потому, что ирландцы укрывали беглецов-бриттов. Отсюда следует, что, подобно своему деду Эдвину, завоевателю о-ва Мэн и о-ва Англси, он имел в своем распоряжении отличный флот. В 685 г. он пошел походом на пиктов и погиб в битве при Нехтансмере (вероятно, Данничен в Форфаршире), после чего (комментирует Бэда) «вся надежда и вся мощь англского королевства пошла на убыль и вовсе исчезла». Действительно, навсегда сокрушилась власть Нортумбрии над пиктами, епископская кафедра в Аберкорне была упразднена, а королевство иров Дальриада и королевство бриттов Стрэтчклайд вновь получили независимость. Навсегда ушли в прошлое величие и блеск королевского дома Нортумбрии.

Бэда осуждает нападение Эгфрида на Ирландию как акт неприкрытой агрессии против христианского народа. Однако в других случаях он называет его «благочестивым правителем». Что касается церковной политики, то начиная с 678 г. его царствование отмечено беспрестанными ссорами с епископом Вильфридом — однако возможно, что в глазах современников они не были столь значимы, какими они представляются нынешним историкам.

Эгфрид был исполнен сознания своего христианского долга. Он принимал участие в церковных соборах (673 г., 684 г.), поддерживал политику архиепископа Теодора по созданию новых епархий (Линдси, Хексам, Аберкорн), был великодушным покровителем св. Кутберта, которого уговорил принять сан епископа в 684-685 гг., и щедро одаривал монастырь Вэрмут-Ярроу,

возглавлявшийся Бенедиктом Бископом. Эгфрид умер бездетным, поскольку его супруга Этельтрют (позже известная под именем св. Этельдреды) предпочла при живом муже уйти монастырь.

АЛЬДФРИД

ALDFRITH, умер в 705 г. — король Нортумбрии (685-705 гг.),
внебрачный сын короля Озви

Будучи, очевидно, с юности предназначен к церковной карьере, Альдфрид получил превосходное образование в Ирландии (его матерью была некая ирландская принцесса) — не исключено, что среди его однокашников был Альдхельм, его крестный отец. Альдфрид наследовал Эгфриду в 785 г. и, по словам Бэды, “восстановил пошатнувшееся королевство, хотя и в меньших пределах” — навсегда ушло в прошлое господство над пиктами. Царствование его было мирным, если не считать ссор с Вильфридом (в этом Альдфрид продолжал политику своего предшественника). Он женился на Кутбурх, сестре короля Инэ Уэссекского, и сын их Озред наследовал отцу в 705 г.

Все авторитетные источники в один голос говорят об учености Альдфрида. Для Бэды он был “весьма ученым” человеком, для Эддия, биографа Вильфрида — “очень мудрым правителем”, а Алкуин утверждал, что он был “одновременно королем и учителем”. Сохранились приписываемые ему поэмы на ирландском языке. Адомнан, настоятель монастыря на о-ве Иона и автор “Жития св. Колумбы” (основателя Ионы), был другом Альдфрида: в один из своих визитов ко двору он подарил Альдфриду экземпляр книги о Святой

Земле. Известно, что Альдфрид купил у Бенедикта Бископа некую книгу, которую тот приобрел в Риме. Альдфрид посвятил Бископу трактат по метрике, написанный на весьма изысканной латыни. Альдфрида, вероятно, можно считать самым ученым королем Англии до времен короля Иакова I. Весьма знаменательно, что подобный король управлял Нортумбрией в эпоху золотого века ее интеллектуальной культуры.

КЭДВАЛЛА

CADWALLA, около 659-689 гг. — король Уэссекса (685-688 гг.), потомок Кердика и Кеавлина

Кэдвалла, подобно своим предкам носивший кельтское имя, провел юность в изгнании. Как и его современник Гутлак, был предводителем военного отряда, который опустошил Сассекс и расправился с его королем (около 684 г.). Согласно “Англосаксонской хронике”, в 685 г. начал борьбу за королевский престол Уэссекса и завоевал его силой в 686 г. Правление его был коротким и бурным. В 686-687 гг. он разграбил Кент и завоевал о-в Уайт, затем вторгся в Сассекс и заставил его платить дань, а также подчинил себе Сарри (каким путем, неизвестно). Несмотря на то, что жизнь его была посвящена ратному делу, он был щедрым покровителем церкви, другом Вильфрида и основателем монастырей. Бэда, очевидно, не видел в этом никакого противоречия: по его словам, Кэдвалла правил “весьма успешно”. Во всяком случае, Бэда с большим одобрением пишет о его конце. В 688 г. Кэдвалла оставил престол и отправился паломником в Рим, где в 689 г. принял святое крещение (примечательно, что он не крестился ранее) и умер десять дней спустя.

В наше время карьера Кэдваллы представляется более удивительной, чем это казалось Бэде. Доблестный воин, похожий на тех, что воспеты древнеанглийской героической поэмой “Беовульф”, король-варвар, он тем не менее был способен действовать в духе римских правителей — издавал латинские грамоты и чеканил монету. Человек, свирепствовавший при завоевании о-ва Уайт, умер, окруженный ореолом святости, и был воспет в напыщенной латинской эпитафии, сочиненной архиепископом Милана — вот какие парадоксы и сюрпризы встречались при обращении англосаксонских королей в христианство.

ИНЭ

INE, умер после 726 г. — король Уэссекса (688-726 гг.),
брат прославленного церковного писателя св. Альдхельма

Долгое царствование Инэ освещено источниками более многочисленными и разнообразными, нежели царствование любого другого раннего англосаксонского короля. В частности, сохранился кодекс законов и целый ряд грамот, которые служили письменными подтверждениями королевских земельных пожалований. Однако сами эти источники таят в себе некий риск для историка. И дело не в технических сложностях их интерпретации, а в том, что само их обилие невольно наталкивает на создание образа мудрого политика и законодателя, резко контрастирующего с образом его предшественника Кэдваллы, захватчика и грабителя. Но правление Инэ было не менее буйным: Бэда сообщает, что он нещадно притеснял

Сассекс и обложил Кент непомерной данью. И в самом Уэссексе постоянно слышно о династических распрях, гражданской войне, изгнании и убийстве соперников. Кроме того, Инэ вел завоевательную политику в отношении независимого бриттского королевства Думнония на юго-западе.

Отец Инэ был мелким уэссекским князьком, по-видимому в Дорсете. Таким образом, озабоченность Инэ западными границами своего королевства объясняется, вероятно, тем, что он вырос на еще более далеком западе, нежели Кэдвалла. В течение VII в., и особенно во времена правления Кенвальха (643-674 гг.) и Кентвинэ (676-685 гг.), королевство Уэссекс активно расширялось в западном направлении за счет наступления на бриттов Думнонии. Хотя процесс этот невозможно проследить в деталях, но скорее всего к 700 г. весь Девон пребывал под владычеством Уэссекса. Сохранились сведения о войнах Инэ с бриттами в 710-722 гг., но могли быть и другие, о которых просто ничего не известно. В результате Инэ завладел землей к западу от реки Тамарь в Корнуолле. Хотя ему не удалось окончательно уничтожить королевство Думнонию — упоминания о нем встречаются вплоть до последней четверти IX в. — Инэ утвердил уэссекское присутствие в Девоне и частично в восточном Корнуолле. Даже беглый взгляд на карту позволяет увидеть, что английские названия преобладают в Девоне и восточном Корнуолле, а кельтские — дальше к западу.

В 705 г обширная уэсссекская епархия с центром в Винчестере — ибо кафедра, основанная Бирином в Дорчестере, перестала существовать ко второй половине VII в. — была поделена: в Шерборне под началом Альдхельма была создана новая кафедра, окормлявшая новый западный регион. Есть вероятность, что до того в Шерборне

существовала бриттская церковная община. Возможно, подобная преемственность общин монашеского или полумонашеского типа наблюдалась и в других местах, например, в Стоуке (около Хартланда в Девоне). Больше всего документов сохранила община Гластонбери, где определенно был кельтский монастырь до проникновения туда Уэссекса. Инэ оказывал Гластонбери (как и другим монастырям, расположенным дальше к востоку, подобно Мальмсбери и Абингдону) щедрое покровительство.

Эта готовность интегрировать бриттские сообщества в государственную жизнь Уэссекса раскрывается в «Законах Инэ» — самом раннем кодексе правителей Уэссекса, изданном около 694 г. Законы Инэ показывают, как король стремился своим авторитетом защитить церковь. Например, он сделал обязательной выплату налога, известного под названием церковной десятины, скорее всего очень тяжелого, который все свободные люди должны были выплачивать в пользу церкви. Это свидетельствует о том, что он обладал большой властью. То же подтверждают и другие статьи его законов, за которыми просматривается мощный управленческий аппарат, осуществлявший правосудие и экономическое обеспечение королевского двора в разнородном обществе со сложными социальными связями. Так, вполне вероятно, что уже во времена Инэ уэссекское королевство было поделено в административных целях на «шайры» (графства), каждое из которых располагалось вокруг крупного королевского имения и управлялось «элдорманом» (в современном произношении «ольдермен»), который был чем-то вроде представителя короля в своей округе.

Законы Инэ немало сообщают также об экономической деятельности, на которой базировались эти суперструктуры. Они предполагают развитую экономику, преимущественно аграрную, но уже имевшую в своем обиходе деньги — экономику, в которой торговля и торговцы занимали достаточно важное место, чтобы стать объектом законодательства. Археологические находки позволяют яснее представить себе ту историческую реальность, которая скрывалась за сухими сводами законов. В Хэмвихе (предке современного Саутгемптона) раскопки обнаружили остатки большого и процветающего торгового центра, активно действовавшего в рассматриваемый период. Инэ внес немалый вклад в развитие этого морского порта. Пошлина, которую он смог оттуда выкачать, вероятно, составляла немалую часть королевского дохода. Существенно, что уже к 755 г. вокруг королевского имения Хэмтуна (непосредственно прилегавшего к Хэмвиху) появляется новый административный округ Хэмтунскир (современный Хэмпшир).

В свое время Инэ был самым грозным королем в северной Европе, и тем не менее в 726 г. он оставил трон (как до него Кэдвалла), и отправился паломником в Рим, где и окончил свои дни (дата его смерти осталась неизвестной), сумев внушить римлянам огромное уважение к себе: после смерти он был канонизирован как святой.

ВИХТРЕД

WIHTRED — король Кента (691-725 гг.)

В более поздних кентских преданиях Вихтреда именуют “славным королем” — как и его

современник Инэ, король Уэссекса, Вихтред был внушительной фигурой. Ранние годы его правления были достаточно сложными. В 690-694 гг. несколько князей одновременно претендовали на королевский престол, и лишь после того, как в 694 г. было достигнуто соглашение с Уэссексом по поводу убийства кентскими жителями Мала, брата уэссекского короля Кэдваллы, Вихтред смог вздохнуть свободно. Грамота 694 г. подтверждает установление границ королевства в их прежних пределах. В 695 г. Вихтред издает кодекс законов. То, что одна из статей этого кодекса полностью воспроизводит одну статью в законах Инэ, предполагает известное сотрудничество между королями Кента и Уэссекса.

Кодекс Вихтреда замечателен прежде всего тем, что он подтверждает привилегированное положение церкви в обществе: его первая статья, например, гарантирует церкви свободу от налогов. Королевский авторитет использовался также для поддержания церковных предписаний по таким вопросам, как соблюдение поста, воздержание от работы по воскресеньям и канонические правила, регулирующие брачные отношения. В этом позволительно видеть влияние представителей церкви, таких как Брихтвольд, архиепископ Кентерберийский (693-731 гг.). Вихтред щедро покровительствовал монастырям: обители в Кентербери, Минстер-на-Танете и Лиминге получили от него земельные пожалования.

Компенсация, выплаченная Уэссексу за убийство Мала, имела денежное выражение. Последние находки нумизматов показали, что Вихтред чеканил монету в больших масштабах. Большую роль в экономике Кента играла торговля с франками и фризами по ту сторону Английского канала. Королевство Вихтреда было богатым и

могущественным — в то время Кент еще не превратился в простого сателлита Мерсии или Уэссекса.

Глава 4

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. ИСТОРИЯ КАК КОНФЛИКТ: АНГЛОСАКСЫ ДОМА И ЗА РУБЕЖОМ

Деятельность римских и кельтских миссионеров, а также усилия просвещенных англосаксонских монархов принесли плоды в VIII в. — в эту эпоху англосаксы во многом опережают своих континентальных собратьев, так что Германия и Франция становятся в свою очередь объектом устремлений англосаксонских миссионеров. Восьмой век — эпоха социально-экономического и культурного расцвета англосаксонских королевств. Растут города, развивается ремесло и торговля, чеканится монета, увеличиваются торговые связи с континентом, возводятся мощные оборонительные сооружения на границах с кельтскими королевствами, пестуются монашество и монастыри, процветает образование и искусство — в Йорке создается знаменитая школа, которая дала Алкуина, интеллектуальное светило при дворе Карла Великого.

Вместе с тем растет и политическая напряженность при дворах англосаксонских королей, не прекращается борьба между ними за гегемонию в Британии, множатся внутренние государственные конфликты. Нортумбрия постепенно теряет свои преимущества перед

другими королевствами, снедаемая борьбой за престол: два ее самых просвещенных короля, Кеольвульф (которому посвящает свою «Церковную историю рода англов» Бэда Досточтимый) и Эдберт (брат архиепископа Эгберта, основателя Йоркской школы) один за другим уходят в монастырь, вынужденные при неизвестных обстоятельствах оставить трон. Эдберт теряет в династических распрях сына и внука, а его блестящие победы над пиктами и бриттами остаются без последствий.

В VIII в. происходит возвышение Мерсии — «владыкой Британии» становится сначала Этельбальд (который, однако, в конце концов погибает от руки своих же приспешников), а потом Оффа — не только прославленный военный стратег, но и тонкий дипломат, и умный политик, который твердой рукой расправлялся с неугодными архиепископами Кентерберийскими, но искал расположения континентальных правителей (сохранилось письмо к нему Карла Великого, подтверждающее обширные связи между их государствами). Оффа не меньше, чем его нортумбрийские предшественники, вступал в конфликт с церковной верхушкой (от его времени дошли упоминания об одном церковном соборе, который был прозван «бранчливым», так как разрешал конфликт между королем и Йенберхтом, архиепископом Кентерберийским), однако теперь помощи у папы римского искал (и добивался, вспомним приезд папского легата в Англию в 776 г., за которым последовало создание самостоятельной архиепископской кафедры в Мерсии) сам король — разительный контраст с разрешением конфликта между Вильфридом и Эгфридом в предыдущем веке. Оффа стремился заработать репутацию (или приобрести имидж) цивилизованного христианского

правителя, с чем связано помазание им на царство собственного сына (по примеру Карла Великого) с целью предотвращения династических конфликтов.

В VIII в. впервые формируется — не без влияния церкви и ее лучших представителей — государственное самосознание англосаксонских правителей, в связи с чем возникает проблема ответственности государя перед своими подданными, которая в следующем веке получит столь блестящее развитие в трудах короля Альфреда. Неслучайно могущественный Этельбальд вынужден был примириться с письмом Бонифация, осуждающим его за образ жизни и характер правления (хотя тот же Бонифаций нередко хвалил Этельбальда за веру и благотворительность), чем признал саму правомерность приложения к нему неких идеальных критериев, существование которых едва ли приходило в голову его предкам.

Формирование государственного самосознания англосаксов стоит в непосредственной связи с формированием их исторического самосознания — ведущую роль в его развитии сыграла деятельность и произведения величайшего представителя средневекового монашества Бэды Досточтимого. По примеру Евсевия Кесарийского Бэда впервые осмысляет «историю рода англов» — которая благодаря его трудам стала известна в таких строго документированных и вместе с тем трогательных деталях — как осуществление замысла Божия и назидание правителям, светским и духовным. В истории, как она мыслится Бэдой, непременно присутствует некий идеальный божественный план, которому обязаны соответствовать и его земные исполнители. «История» Бэды предполагает не только твердое различение добра и зла, но и

стремление к святости как высшей форме соответствия этому идеальному плану.

Вместе с тем историческое сознание Бэды оставляет место для самых разных проявлений святости — наряду с похвалами аскетическим устремлениям св. Кутберта, самого любимого из англосаксонских святых, Бэда находит немало одобрительных слов в адрес и неугомонного епископа Вильфрида, занятого отстаиванием церковного идеала перед королями и проповедью среди язычников, и царственных покровителей и покровительниц монастырей, и своих наставников Бенедикта Бископа и Кеольфрида, любителей книжности и словесности, и даже простого пастуха Кэдмона, который отдал на служение Богу чудесным образом доставшийся ему поэтический дар.

Мысль о разнообразии человеческих дарований, которыми человек может и обязан служить своему Творцу (и за которые он перед Ним ответственен вплоть до Страшного Суда), находит наиболее яркое воплощение в творении одного из безымянных древнеанглийских поэтов, сумевших донести до нас аромат той эпохи, которая имела особый взгляд на «разделение труда»:

«… и нет ни единого,
столь забытого Богом,
столь убогого,
тупоумного
или тугодумного,
кого доброподатель
не наградил бы вовсе
мудростью, либо мощью,
либо мужеством,
красноречием,
либо разумом,

чтобы несчастливый
не отчаивался
здесь в трудах своих,
ни в благодати всякой
не изверился бы, —
не бывало вовеки
по Господнему попущению
обнищанья такого.»

(Пер. В. Тихомирова)[13]

Неслучайно, наверное, Бэда столь любил поэзию на родном языке, что последними его словами перед кончиной были поэтические строки о том, что земную деятельность человека завершает «суд над его душою, что свершится после смерти». История полна конфликтов между людьми, но все они суть отражения одного-единственного конфликта — недопонимания человеком пути, уготованного ему Богом. И разрешение всех и всяческих конфликтов лежит в исполнении своих земных обязанностей перед Богом. Эта мысль, читаемая как бы между строк в «Истории» Бэды, еще четче звучит в его знаменитом письме к архиепископу Эгберту, в котором он указывает на недостатки клира и дает рекомендации по их исправлению.

Подчеркивая роль Бэды в написании столь значительного исторического труда, каким оказалась его «Церковная история рода англов», не следует забывать и о его современниках, которые разными путями помогали ему в этом — собирали документы и сведения (Нотхельм и Даниэль) или просто воодушевляли и подталкивали (Альбин и Акка). Гениальность Бэды состоит между прочим и в том, что он сумел угадать требования эпохи и не вступал в конфликт со своим предназначением,

[13] Цит. по: Древнеанглийская поэзия… С. 32-33.

отказавшись от всего в жизни ради того, что «учиться самому, учить других и писать».

Эти три направления его трудов получили блестящее осуществление в деятельности его «наследников», к которым можно в широком смысле слова отнести не только представителей церковной верхушки Эгберта, Кутберта и Альберта (радевших о внутрицерковных преобразованиях и развитии просвещения), но также и Кутберта, ученика Бэды и аббата Вэрмута-Ярроу, который взял на себя все труды по выполнению заказов на рукописи трудов Бэды, приобретавшие все большую популярность на континенте; и даже продолжателя дела Кэдмона — поэта Кюневульфа, о личности которого известно лишь то, что способны вычитать исследователи из последних строк его поэм, в которые он вплел рунами свое имя, прося читателя молиться о его душе.

Особое место занимает в ту эпоху деятельность англосаксонских миссионеров на континенте. Внешне успешная и блестящая (один из них участвовал в помазании на царство Пипина Короткого), она была чревата бесчисленными конфликтами как с местными языческими жрецами, так и местным духовенством, которое видело в новых проповедниках своих потенциальных соперников. Кроме того, англосаксам пришлось выступать в роли посредников между римским престолом и франкскими правителями. Отношения с последними отягощались внутренними конфликтами морального плана, связанными с тем, что объективно англосаксонские проповедники оказывались проводниками политики франкских завоевателей среди других племен Германии. Наиболее значительную роль сыграл среди них Алкуин, оказавший значительное влияние на Карла

Великого. Однако разбор его взаимоотношений с континентальной элитой принадлежит истории Каролингов в больше степени, чем англосаксонской истории.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ц Е Р К О В Н Ы Е Д Е Я Т Е Л И

Бэда. Его окружение и наследники

БЭДА ДОСТОЧТИМЫЙ

BEDE THE VENERABLE, BAEDA VENERABILIS
(около 673 – 735 гг.) — самый выдающийся деятель ранней англосаксонской церкви; самый образованный человек своего времени; самый ранний и наиболее влиятельный из всех английских историков

Почти все, что мы знаем о жизни Бэды, написано им самим в краткой автобиографической заметке, завершающей «Церковную историю английского народа». Жизнь его небогата внешними событиями. Он родился поблизости от монастыря Вэрмут, в семилетнем возрасте был отдан туда на воспитание, переведен в соседний монастырь Ярроу вскоре после его основания в 681 г. и там принял монашество. Около 692 г. рукоположен в диаконы, в 703 г. – в священники. Известно, что он посещал монастырь на Линдисфарне и, возможно, путешествовал до самого

Йорка. Однако, по его собственным словам, всю жизнь он провел в Ярроу. Он писал: «Отдав все время своей жизни этому монастырю, я всецело предался изучению Священного писания и, соблюдая монашеское правило и ежедневные службы в храме, всегда находил отраду в том, чтобы учиться самому, учить других и писать»[14].

Бэде принадлежит около сорока работ, которые в совокупности составляют нечто вроде энциклопедии. Двадцать пять из них содержат библейские комментарии, охватывающие большинство книг Ветхого и Нового Завета, а также апокрифы. Остальные включают жития святых и мучеников; «Жития аббатов монастыря Вэрмут-Ярроу»; «Церковную историю английского народа»; опыт космографии «О природе вещей»; трактаты по астрономии, хронологии, математике, медицине, философии, грамматике, риторике, поэтике, музыке; наконец, «Книгу гимнов» и «Книгу эпиграмм», сочиненные героическим и элегическим стихом. Все они написаны на латинском языке.

Ученая и наставническая деятельность Бэды принесла свои плоды. Под его влиянием и по его совету Эгберт, глава кафедральной церкви в Йорке, продолжал пестовать и лелеять ту образовательную традицию, которая дала в VIII в. целую научную школу, известную далеко за пределами Англии. Ученое рвение Бэды было подхвачено Алкуином, воплотившим его в своей миссионерской деятельности при дворе Карла Великого. Бонифаций, прозванный «апостолом Германии», умолял в письме архиепископа Эгберта прислать ему в дар что-нибудь из творений Бэды как «искру от того церковного светоча, который был возжжен Святым Духом в вашей северной земле»[15]. Произведения Бэды ценились в VIII в. при дворе

[14] *R. Fletcher.* Who is Who… P. 70.

мерсийского короля Оффы и в IX в. при дворе уэссекского короля Альфреда. Последнему принадлежит почин перевода «Церковной истории английского народа» на древнеанглийский язык.

Во времена Карла Великого сочинения Бэды можно было найти в любой монастырской библиотеке Западной Европы. Историки и богословы безоговорочно доверяли ему и включали большие отрывки из его работ в собственные сочинения. Его репутация как математика была очень высока. Астрономические расчеты Бэды, таблицы вычисления Пасхи, мартиролог и учебные трактаты оставались для поколений специалистов образцом для подражания, постоянно читались и переписывались. Наконец, как комментатор – а комментарии к Библии составляют самую обширную часть его работ – он приобрел авторитет, сравнимый, пожалуй, лишь с авторитетом самых крупных отцов западной Церкви – Блаженного Иеронима, Амвросия Медиоланского, Блаженного Августина и Григория Великого.

Однако главный труд, с которым неизменно связывается имя Бэды, – это «Церковная история английского народа» (Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum). На простой и ясной латыни излагает он в ней историю Британии со времен походов Цезаря по 731 г. Бэда был прекрасным рассказчиком. Как живые, проходят перед читателем короли и епископы, королевы и аббатиссы, монахи и монахини, воины и отшельники, простолюдины и ученые, святые и грешники. Чума и голод, сражения и убийства, чудеса и видения наполняют страницы этой книги. Жизнь человека раннесредневековой Англии представлена во всех

[15] *E.S. Duckett.* Bede // Collier’s Encyclopedia. 1970. Vol. 3.
P. 752-753.

ее многообразных проявлениях: это поистине жизнь тела, души и духа. Книга дает возможность наблюдать основные этапы христианизации Англии: высадку на юге миссии св. Августина, прозванного позже Кентерберийским; крещение северных англов при епископе Паулине, св. Айдане и короле Освальде; историю Мидленда и Восточной Англии; рост и расцвет монастырей в Британии; битвы, в ходе которых один король сменял другого, язычники побивали христиан, а христианство одержало в конечном итоге победу над языческим миром.

Этот труд и по сей день остается непревзойденным во многих отношениях. Он замечателен прежде всего тем, что Бэде удалось сплести разрозненные нити местных преданий в целостную ткань повествования. Это уже не хроника, но история единого народа в точнейшем смысле слова. И даже удостоверяя множество чудес, она не становится от этого некритической компиляцией легенд.

Поражает уникальная способность Бэды привлечь к поискам материалов всех, от кого, как он сам выражается в предисловии, можно ожидать «знания правды». Аббат Альбин посылает ему информацию через некоего Нотхельма, устно и в письмах. Нотхельм едет в Рим и с разрешения папы Сергия II раскапывает папские архивы. Епископ Даниэль снабжает Бэду источниками по истории западных саксов. Аббат Есий – о котором теперь ровно ничего неизвестно – становится его главным осведомителем в делах восточных саксов. К монахам Ластингама Бэда отправляется лично, чтобы расспросить их о жизни св. Чада. Он посещает монастырь Линдисфарна, чтобы побольше разузнать о жизни св. Кутберта.

В «Церковной истории английского народа» проявились самые разнообразные дарования Бэды, и в этом – одна из возможных причин его неувядаемой славы. Живописуя подробности становления христианской церкви в англосаксонских королевствах, Бэда отдавал дань честолюбию местных князей. Важнее, однако, то, что он первым выразил идею единства английской нации, которая в его время была далеко не очевидной. Запечатлев раннюю английскую историю в ярких и запоминающихся картинах, Бэда явился одним из создателей «национальной мифологии» и внес свой вклад в формирование того образа «Великой Британии», который окончательно сложился в эпоху Реформации и в век королевы Виктории[16]. «История» Бэды написана увлекательно, она – не только крупный исторический труд, но и великое произведение искусства, и в этом смысле Бэда заслужил право на звание предтечи английской словесности. В нем также очевидно заявляет о себе та морализаторская струнка, которой суждено было стать одной из черт английского литературного гения.

И все же главное сочинение Бэды – это не набор увлекательных легенд, не перечень назидательных примеров, не реестр фактов, служащих обоснованию политического идеала. Признавая множественность заслуг Бэды, потомки отчасти утеряли тот цельный взгляд на его труды, которым обладали современники.

Бэда как писатель и историк имеет, пожалуй, немало прототипов и последователей, но не имеет аналога в западноевропейской культуре. Фигура Бэды и по сей день возвышается над многими его предшественниками и учениками, привлекая своим неповторимым своеобразием. Подобно Евсевию

[16] *R. Fletcher.* Who is Who… P. 80.

Кесарийскому, он – автор крупнейшей истории раннехристианской церкви. Подобно Григорию Турскому во Франции, он – первый вполне национальный историограф Британии, «отец английской истории». Однако, наряду с этим, он удостоился также эпитета «отец средневековья»[17]. Видимо, с этого эпитета и стоит начать рассуждение о причинах той популярности и пиетета, которые уже на протяжении многих веков окружают имя Бэды. Думается, что как в личности Бэды, так и в его трудах нашел наиболее гармоническое воплощение тот образ мыслей и чувств, с которым как с «наследием средневековья» постаралось разделаться новое время, но ценить который постепенно научается эпоха новейшей истории – наш век. «Церковная история английского народа» Бэды – благодатное поле работы для медиевиста как по тематике, так и по духу.

Дух, которым проникнуто это сочинение, представляет парадокс для современного научного сознания. С одной стороны, исследователи приписывают Бэде вполне «научное» обращение с источниками и восторгаются скрупулезным перечислением их автором: предисловие Бэды в «Истории» читается как предисловие к любой из современных научных работ. Тщательность, честность и трезвость неизменно отмечаются как отличительные черты Бэды-рассказчика. Вместе с тем те же самые исследователи бывают столь неприятно поражены обилием чудес в его повествовании, что невольно задаются вопросом: можно ли вообще принимать всерьез историка, который позволяет себе повторять фантастический рассказ о епископе, избитом до синяков св.Петром у его раки в Кентербери? Восхищаясь стремлением

[17] *Bede.* His Life, Times and Writings / Ed. A.Thompson. Oxford, 1935. P. xv.

Бэды к исчерпывающему изложению и даже несколько недоумевая по поводу таких «длиннот» как цитирование немалых по объему документов, иногда ставят ему в упрек избирательный подход к материалу, некоторую его «подгонку», осуществляемую с явно дидактическими целями. Почему, в самом деле, Бэда не упоминает в своей «Истории» все те недостатки английского духовенства, на которые он так горько сетует в личном письме к архиепископу Йоркскому? Почему так подробно останавливается на контактах с папским Римом и ничего не говорит о контактах с церквами франкской Галлии?

Ответ, очевидно, заключается в том, что взгляд Бэды на историю и ее смысл существенно отличается от нашего. Для него не было противоречий в том, что кажется противоречивым научному сознанию нового времени. И не только потому, что его научный подход менее дифференцирован (так, он не противопоставлял категорий «сверхъестественное» и «объективное», «фактическое изложение» и «нравоучение»), но прежде всего потому, что в его сознании превалировали иные ценности и иные точки отсчета. Выявить эти ценности – и значит понять фигуру. Бэды во всей ее цельности и полноте. Далее мы попытаемся сформулировать цель, задачи и методы Бэды-историка, а в заключение вернемся к его личности.

Средневековый мир возникает на грани столкновения и взаимопроникновения античности и варварства как двух полярных сил, сплав которых дал толчок становлению новой, западноевропейской цивилизации. Греко-римская образованность, принявшая в себя христианскую мысль как «дар Иудеи», и политическое творчество германских вождей – вот два основания, на которых стала

созидаться ранняя культура современных европейских наций. Объединение этих начал на британской почве и составляет лейтмотив «Церковной истории английского народа».

Однако история, создаваемая Бэдой – это новый тип исторического сочинения, начало которому было положено Евсевием, епископом Кесарийским, другом императора Константина I и его давним советником по церковным делам. Бэда знал «Историю» Евсевия в латинском переводе, а возможно, имел доступ и к греческому оригиналу. Евсевий порывает с античной исторической традицией через смещение приоритетов и акцентов. Ядром человеческого земного бытия служит для него христианская Церковь; история гонений и мученичеств, коварных ересей и торжества истины выступает как видимое проявление невидимого Божьего замысла о спасении людей.

Как и Евсевий, Бэда пишет «историю спасения»[18], но применительно к английской нации, а не к христианскому сообществу в целом. Угадывая и мудро прозревая в политике англосаксонских королей будущую Великую Британию, Бэда интересуется ею не самой по себе, а в ее связи с Церковью как идеалом исторической общности людей. Политическая история англосаксонских племен обретает для него смысл как история народа, решившего объединиться внутри и на основе вселенской Церкви.Христа. Род англов, чье имя было по-новому истолковано в легендарной реплике папы Григория I («не англы, но ангелы!»), получает право на вхождение в семью цивилизованных европейских народов через причастность Телу Христову.

Взаимопереплетение и взаимодействие земного и небесного в историческом бытии служат темой

[18] *R. Fletcher.* Who is Who… P. 76.

многих других сочинений Бэды. Не случайно «Церковная история английского народа» – последнее крупное его сочинение: Бэда пришел к истории через другие жанры – комментарии к Библии, хронологию, хронику и агиографию. Потому так трудно отделить Бэду-историка от Бэды-экзегета или агиографа (как бы ни хотелось этого подчас современным исследователям!), что написание истории было для него естественным результатом и сплавом этих его более ранних занятий.

Священное писание давало ключ к оценке священной истории, а последняя выступала как мерило для всемирной истории. Считалось, что буквальный смысл составлял лишь малую долю значения Писания. Буквальный смысл скрывал под собой мистические вещи; их обнаружение и истолкование составляло задачу экзегета. Мистический смысл имели прежде всего числа и даты, такие, например, как размеры храма Соломона, семь дней первотворения, день празднования Пасхи.

Бэда посвятил христианскому календарю две работы – «Книгу о времени» (703 г.) и «Об исчислении времен (726 г). К первому сочинению была приложена хроника, которая подвергалась затем переработке и расширению в произведении под названием «Хроника, или О шести мировых эпохах». Последняя явилась главным источником для последующих составителей мировых хроник, а также для историков средневековья вообще, например для Павла Диакона.

Хроника, элементарный прием упорядочивания событий, рассматривалась в то же время как средство, благодаря которому можно было следить за работой Божественного Провидения в это мире, наблюдать, так сказать, Божественный Порядок в действии. Хроника Бэды

утверждала, что священная история дошла уже до Авраама, когда Египетское Царство еще не существовало; что город Рим был основан не ранее правления Ахаза II, царя иудейского; что мировые державы – Египет и Персия, Греция и Рим – строились и рушились в то время, как Божий Замысел постепенно созревал, а Его избранный народ укреплялся в вере. Хроника доказывала, что священная история простирается дальше в прошлое и обнаруживает такие прочность и постоянство, до которых было далеко истории мирской. В каком-то смысле хроника могла быть названа манифестом христианской веры.

Распространение летоисчисления от Рождества Христова, которое, как полагают, привилось в Западной Европе во многом благодаря трудам Бэды, имело для него особый смысл. Оно было не просто удобным способом свести воедино исторические предания разных народов и стран, но прежде всего средством действительной ориентации человеческой истории относительно пришествия Спасителя.

Наиболее наглядным примером такой ориентации были жития святых. Агиография, наряду с экзегетически направленной хронологией и хроникой, явилась тем путем, которым Бэда пришел к истории. Жития святых составлялись ради прославления и назидания; они рассказывали о чудесах и видениях, о жизни в Церкви и об упокоении в Боге. Они свидетельствовали о преображении греховного земного естества божественными энергиями. Образцом такого преображения служило чудо.

Чудеса – камень преткновения при оценке наследия Бэды. Можно отметить несколько разных направлений в их трактовке исследователями нашего времени.

1) Бэда жил в эпоху, которая сильно отличалась от нашей по своим представлениям о законах природы.
2) Современники Бэды ожидали таких элементов в его повествовании, которых не ожидают читатели нового времени. Люди того времени – римляне и варвары, ученые и невежды – были бы весьма удивлены, если бы Божество новой религии не подтверждало своей силы различными чудесами. Христианство не могло доказать своего превосходства над язычеством иначе, как демонстрируя способность христианского Бога превзойти языческих богов, в том числе и в сфере сверхъестественного.
3) Рассказы о чудесах – удобное средство для назидания, первая ступенька наставления в вере. Обилие чудес в «Церковной истории английского народа» вызвано тем, что Бэда обращается в ней гораздо более широкой аудитории, чем в других работах.
4) Вслед за Григорием Великим Бэда полагал, что чудеса необходимы лишь в начальный период становления церкви, так же как ежедневная поливка нужна растению лишь до тех пор, пока оно не пустило корни. Возможно, оба они чувствовали, что юная английская церковь еще нуждалась в этой помощи.
5) Как бы ни понимал чудеса сам Бэда, его рассказы о них дают богатый урожай исторических подробностей, вроде описания жилища св.Кутберта, которые иначе остались бы неизвестными.
6) Рассказы о чудесах обладают большой художественной ценностью и доставляют удовольствие сами по себе.

Странно было бы, однако, рассматривать чудеса, этот вполне органичный компонент повествования Бэды, лишь как плод невежества, доверчивости или прагматических соображений. Снисходительно-покровительственная ирония и попытка рационализировать их как-то не вяжутся с серьезным отношением к ним самого Бэды. Его щепетильное обращение с чудесными историями общеизвестно: «…в сравнении с «Историей франков» Григория Турского Бэда довольно сдержан в отношении чудес»[19]; «…интересным подтверждением честности Бэды является то, что он весьма скуп на чудеса в те периоды, где ручательством ему служит лишь ссылка на молву, и, напротив, щедро усеивает ими рассказы о тех временах, где он сам мог поручиться за свидетелей»[20]. Таким образом, для чудесных рассказов Бэды характерен тот же трезвый реализм, который отличает его как историка.

Чудесные знамения составляют для Бэды самую основу исторического бытия; они понимаются как каналы, по которым проникают в обыденную жизнь те благодатные токи целительной любви, которые посылаются свыше всем верным. Если птицы и звери, ветер и море повинуются сынам Божьим, этому подобает не столько удивляться, сколько радоваться: «Ибо нет чуда в том, – говорит Бэда о св.Кутберте, – что самое творение повиновалось желаниям того, кто столь преданно служил Творцу всех тварей. А мы большей частью потеряли власть над творением, которое

[19] *B. Colgrave.* Historical Introduction // Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. B. Colgrave. Oxford, 1969. P. XXXVI.

[20] *V.D. Scudder.* Introduction // The Ecclesiastical History of the English Nation. L.-N.Y., 19--. P. XIX-XX.

дано нам в управление, ибо мы пренебрегаем послушанием Господу и Творцу всех вещей»[21].

Чудо для Бэды – это оборотная сторона святости, сокровенный смысл которой заключается в том, что святой человек на деле осуществляет образ Божий, затемненный падшим человечеством. Право на чудо получают те, кто искренне соблюдает Закон Божий на своем земном пути. Не случайно поэтому чудесами чаще отмечены имена кельтских отшельников, чем честолюбивых деятелей римской церкви. Так, в отношении энергичного Вильфрида, устремлениям которого вполне сочувствовал сам Бэда, сохранился всего один пример чуда, да и то сомнительный.

Чудеса, описанные Бэдой, большей частью по-домашнему простодушны. По выражению одного исследователя, «от них исходит естественный аромат, как от цветов, которые вырастали позже там, где ступала в долинах Умбрии нога св.Франциска»[22]. Чем более рассказ касается простых людей, тем более умножаются и чудеса. Как правило, они не имеют никакого политического оттенка – исключение составляет лишь одно внушительное знамение, посланное королю Эдвину. Они с предельной естественностью происходят в обыденной жизни. Вот некоторые из них.

Кутберт находит пристанище на ночь в заброшенной хижине. Его конь стаскивает солому с крыши, и оттуда падают обернутая холстом порция мяса и половина горячего каравая, которыми святой делится со своим верным другом. В покаянной молитве простаивает он всю ночь в холодном море, а наутро из волн выползают две выдры и ласково согревают своим дыханием его озябшие ноги. Больная лошадь, вывалявшись в зеленой траве, что

[21] *V.D. Scudder*. Introduction… P. XIX.
[22] *V.D. Scudder*. Introduction… P. XX.

выросла над прахом короля Освальда, выздоравливает. Шест, на котором висел мешочек с горстью земли с могилы Айдана, остается неповрежденным среди большого пожара.

Почти всегда чудесные истории несут свидетельство новых отношений любви и доверия. Вороны, рыбы, орлы с радостью служат святым. Рассказы об исцелении детей, бедняков, слуг обретают особый смысл, когда мы осознаем, что исцеления совершались при жизни того поколения, которое еще помнило о человеческих жертвоприношениях, уносивших, по словам Бэды, лучших людей. Они показывают, что новая вера проникла в самые интимные уголки народной души. Можно поэтому согласиться с мнением, что главная ценность «Церковной истории» Бэды заключается не в изложении внешней истории государства. Скорее она состоит в обнаружении той незаметной внутренней работы, которая преобразила самое сердце Англии силой идеала.

Прославлению этого идеала немало послужили труды Бэды. При всей своей честности и трезвости он отнюдь не был беспристрастен. По словам одного из современных ученых, «задача, которую поставил себе Бэда, заключалась не в том, чтобы описать историю английской церкви так, как она происходила на самом деле. Его задачей было описать ее таким образом, чтобы проиллюстрировать и утвердить те принципы веры и поведения, которым он был безусловно предан»[23].

История как Божий Замысел о людях требует ответа от них самих. Ответ человека Богу заложен в основе исторического бытия. Поэтому нравственное рассуждение и наставление составляет для Бэды необходимую задачу исторического сочинения. Ключ к побуждениям Бэды-историка дает

[23] *R. Fletcher.* Who is Who… P. 79.

следующее его высказывание: «Если история сообщает добрые вещи о добрых людях, слушатель бывает тронут и побуждается к подражанию всему доброму. Если же она сообщает дурные вещи о злых людях, верующий и благочестивый слушатель или читатель, стремясь избежать всего пагубного и порочного, еще более возгорается желанием соблюдать все то, что представляется ему добрым и достойным Бога»[24].

Цель – преподать урок королям и епископам – входила, возможно, в самый замысел «Церковной истории английского народа». Эта цель оправдывала и соответствующий отбор материала. Иногда даже сами умолчания Бэды преследуют, очевидно, дидактические цели. Так, автор очень мало рассказывает о последних тридцати годах английской церкви после смерти благочестивого короля Альдфрида. И это неудивительно – ведь из письма Бэды к Эгберту мы узнаем, как много недостатков находил он в церковной жизни той эпохи. Другой пример – его замечание о «нерадивости епископов нашего времени», оброненное при обрисовке личности св. Айдана, епископа VII в. Это замечание используется Бэдой словно бы исключительно для того, чтобы ярче оттенить достоинства Айдана, который представлен как образец всех добродетелей. На деле же эта реплика служит укором современникам Бэды.

Были уроки и для королей. Труд Бэды посвящен королю Кеольвульфу. В нем высокопоставленный покровитель Бэды мог найти и наставления в королевских обязанностях, и добрые примеры королей прошлого. Например, король Эдвин вел вой народ к христианству и одновременно наслаждался беспрецедентным могуществом. Бэда сознательно связывает между собой две эти

[24] Цит. по: *R. Fletcher.* Who is Who… P. 77.

стороны его правления: «Земная власть этого короля — знак его возрастания в вере и обретения им Царства Небесного» (Кн. 2, гл. 9). Христианская добродетель вознаграждалась, а порок наказывался. Король Эгфрид позволил себе неоправданное нападение на Ирландию в 684 г. В следующем же году он потерпел поражение и был убит пиктами «в наказание за грехи» (Кн. 4, гл. 26). Добрые кончают хорошо, а злые плохо. Вот урок, который преподавал Бэда.

Особенно примечательна трактовка фигуры его современника Вильфрида. Бэда пользовался, вероятно, его биографией, составленной капелланом Эддием. Эта биография сохранилась, так что мы имеем возможность сравнить текст Бэды с его источником. Эддий во всех подробностях описывает ссоры Вильфрида с нортумбрийскими королями и кентерберийскими епископами – Бэда сводит этот конфликт до минимума. Эддий восхищается могуществом и высоким положением своего героя, его свитой и огромными богатствами, золотом, серебром, драгоценностями – Бэда даже не упоминает об этом. Читатель «Церковной истории» не может и подумать о том, что англосаксонские епископы имели свиту и копили богатства. Но Бэда это хорошо знал – подтверждением служит его письмо к Эгберту.

Не только историография, но также хроника и даже экзегеза становились в руках Бэды мощным средством наставления в добре и обличения зла. Сравним следующее: «Началось гонение в Азии: Поликарп и Пионий претерпели мученическую кончину. Также и в Галлии многие бесстрашно проливали кровь за Христа. Вскоре пришла чума,

чтобы воздать за преступления: она опустошила многие провинции, а особенно Италию и Рим»[25].

Комментируя библейский рассказ о голоде, который начался в момент перестройки стен и храма Иерусалима, и о жадности правителей, облагавших народ непомерными налогами (Книга Неемии 4, 1-4), Бэда неожиданно меняет время в повествовании: «Ибо есть среди Божьих людей многие, кто искренне желает соблюдать Его заповеди, но их удерживает не только бедность, но и действия тех, кто облачен в священнические одежды…». В конце этого отступления звучат пророчески-грозные нотки: «Не появится ли и в наши дни новый Неемия, дабы исправить наши пути…»[26].

Это суровые слова. Кого же имел в виду Бэда? Очевидно, нортумбрийских епископов своего времени. Подобные пассажи – а можно было бы привести и больше примеров – проливают несколько неожиданный свет на его характер. Бэда не был монахом не от мира сего, каким любила изображать его английская историография. Его взыскательный взгляд не одобрял многого в этом мире. Он судил мир по весьма строгим меркам, защите которых и служили его обширные сочинения.

Произведения Бэды обнаруживают зависимость от трудов его предшественников. Библейские комментарии Бэды чаще всего представляют собой нечто вроде мозаичной подборки отрывков из чужих сочинений, которые, однако, он перерабатывал с тщанием и умом. Целостная композиция всегда принадлежала самому Бэде. Для его литературной продукции типично то, что он не стремился быть

[25] Цит. по: *R.Fletcher.* Who is Who… P. 75.
[26] Цит. по: *R. Fletcher.* Who is Who… P. 73.

оригинальным, но старался прежде всего донести наследие прошлого, приспособив его к задачам настоящего. Характерно следующее его замечание: «С того времени, как я стал священником… я занимался собиранием кратких комментариев к Священному писанию из творений преподобных Отцов, добавляя к их осмыслению и толкованию то, что отвечало моим собственным нуждам и нуждам моей братии»[27].

Часто адаптация состояла в том, чтобы придать материалам новый уклон. Так, позднеантичные грамматисты, чьи сочинения служили источником для грамматических трактатов Бэды, сопровождали правила цитатами из классических авторов, чаще всего из Вергилия. Бэда заменял их цитатами из Библии или из творений авторитетных христианских писателей. Любопытен следующий пример. Фраза: «Ausculto praecepta magistri» («я внимательно слушаю наставления учителя») – на первый взгляд, не более чем иллюстрация латинского глагольного управления, лишенная какого-либо подтекста. На самом деле перед нами перифраза начальных слов устава св. Бенедикта, хорошо известного в Вэрмуте-Ярроу: «Слушай внимательно, сын мой, наставления учителя». Пример Бэды не просто иллюстрирует правило употребления падежей при одном из латинских глаголов. Он также напоминает ученику о монашеских добродетелях – смирении и послушании. Насколько это было в его силах, Бэда старался воспитывать своих учеников в строго христианской интеллектуальной атмосфере.

Чем пристальнее всматриваешься в жизнь и личность Бэды, тем более удивительной она представляется. В ней встретились и соединились два духовных течения эпохи – первоевангельская

[27] Цит. по: *R. Fletcher.* Who is Who… P. 72.

страстность кельтских проповедников и религиозная дисциплина римских монахов-бенедиктинцев. Бэда был в тесном контакте с теми, кто когда-то сопровождал прибывших с Ионы наследников св. Колумбы, основателей монастыря в Линдисфарне, и потому живо ощущал энтузиазм времен первокрещения ангелов. И все же он вырос в иную эпоху, атмосфера которой сформировалась в преодолении влияния кельтских миссионеров. Бэда родился примерно десятилетие спустя после того, как собор в Уитби решил спор местных церквей в пользу «римского обычая», и через четыре года после прибытия в Кентербери Теодора Тарсийского и Адриана из Рима. Он принадлежал переходному историческому моменту – бенедиктинский монах внутри еще живой традиции кельтского благочестия; послушник Рима, вдохновляемый религиозным пылом Ирландии.

Ученость и монашество гармонически сочетались в личности Бэды. Можно сказать, что ученые занятия были столь же естественной составной частью его монашеского послушания, как и его деятельность учителя, наставника, проповедника, священника. Первый настоятель Вэрмута не случайно получил при пострижении имя Бенедикта (в миру – Бадукинг, букв. «боевой вождь», один из приближенных короля Озви). В имени воплотился глубочайший интерес его носителя к признанному патриарху западного монашества св. Бенедикту, чей устав был принят в англосаксонских монастырях. Принцип послушания и труда, положенный в основу правила св. Бенедикта, включал также труд умственный и требовал от монаха поддержания образованности в себе и других. Немалый вклад в это внесла также деятельность Кассиодора, другого из основателей западного монашества. В Ярроу была в ходу

рукопись «Устава Кассиодора», привезенная из Италии: устав вручал каждому монаху грифель и доску и предписывал изучение грамоты. Братьев, не читающих в положенное время, устав называет лентяями[28]. Именно благодаря месту, отведенному науке бенедиктинским уставом, западное монашество смогло воспринять римскую культуру и сделаться для дальнейших эпох одним из источников просвещения.

В нортумбрийских монастырях рано привились традиции Бенедикта и Кассиодора. Епископ Бенедикт щедро снабжал свой монастырь книгами благодаря частым поездкам в Рим, а его преемник Кеольфрид, духовный отец и воспитатель Бэды, продолжал расширять библиотеку, в том числе посредством великолепно организованной работы скриптория, где переписывались впоследствии труды самого Бэды. Книга была и средством религиозного общения, и объектом любования и украшения. Стараниями монастырской общины в Ярроу был создан знаменитый «Кодекс Амиацинус», необычайно тонко сработанная рукопись Библии. Полагают также, что рукопись великолепного Линдисфарнского Евангелия некоторыми своими особенностями обязана влиянию Вэрмута-Ярроу. Во времена Бэды монастырь в Ярроу мог по праву считаться островком средиземноморской культуры посреди моря варварства.

Ученость Бэды – это часть монашеского "умного" делания, но именно та часть, которая обращена к людям не меньше, чем к Богу. Важным побудительным мотивом его писаний была деятельность учителя, обязанность ежедневно наставлять братию в основах христианского учения.

[28] Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 195.

В сферу его преподавания входили все предметы, необходимые для богослужения — латинский, греческий и древнееврейский языки; астрономия и математика; грамматика, музыка и риторика. Без знания языков нельзя было обойтись при изучении Библии; астрономия и математика использовались при составлении церковного календаря; искусное пение и слово украшали храмовые службы. По преданию, Бэда-учитель отличался обаянием и живостью, чем заслужил любовь учеников.

Приоритетными для Бэды были преподавание латинского как языка церкви и понимание Слова Божиего путем детального разбора библейского текста. Англосаксы говорили на древнеанглийском, одном из языков германской группы. Латинский не был для них родным, каковым он являлся для миссионеров из Италии, вроде Августина и Паулина; ему надо было учиться как иностранному языку. Это заставило Бэду взяться за составление учебников по латинской грамматике, правописанию и стихосложению. Отличное качество этих учебников подтвердила их необычайно долгая жизнь: они были в употреблении четыре века спустя после смерти Бэды. При этом он остро ощущал значение родного языка для христианского образования. Бэда перевел на древнеанглийский «Молитву Господню» и «Символ веры». В письме к Эгберту он настаивает на необходимости для мирян знать эти молитвы наизусть. Последние часы его жизни были отданы переводу на древнеанглийский Евангелия от Иоанна. Перевод этот, к сожалению, утерян.

Прозрачность и доступность стиля, которые выгодно отличают произведения Бэды от искусственной и цветистой латыни его предшественника Альдхельма, отчасти могли сформироваться как следствие исполнявшихся им

пастырских обязанностей. Проповедуя в скромном монастырском храме, он не нуждался в эффектных ораторских приемах – главным для него было донести смысл. Некоторое представление об этом дают его «Евангельские проповеди». Бэда берет читаемый в этот день на службе отрывок из Евангелия и толкует его, комментируя один-два стиха со ссылками на другие места Библии. В проповеди, написанной по поводу освящения храма – вероятно, собора св. Павла в Ярроу — он подробно разъясняет мистический смысл параллели между Иерусалимским храмом и храмом вечной жизни. Рассуждения Бэды изобилуют аллегорическими интерпретациями, так что трудно бывает провести границу между священным и светским знанием в его учености.

Обстановка в Ярроу способствовала развитию у Бэды символически-образного взгляда на мир, который так ярко выразился в его трудах. В юности он, возможно, помогал при постройке собора св. Павла, стиль которого был так разительно не похож на бедные ирландские церкви. Мощная каменная кладка стен, для выполнения которой приглашались мастера из Галлии, римская мозаика на полу, цветные витражи в окнах, специально привезенные из Италии – все напоминало о величии и гармонии Божьего Замысла в этом мире. На витражах в строгой последовательности чередовались эпизоды из жизни Спасителя и прообразующие их прототипы в Ветхом завете – например, Христос, несущий на себе крест, и Исаак, несущий дрова для жертвенника; распятый Господь и Моисей, воздвигающий медного змея в пустыне. Бэда так выразился об аллегорическом видении слова и мира: «Тот, кто знает толк в аллегорической интерпретации, легко увидит, что внутренний

смысл превосходит простоту буквы так же, как яблоки превосходят листья»[29].

Бэда был чуток к музыке и поэзии, если они прославляли Бога. Анонимное житие аббата Кеольфрида повествует о двенадцатилетнем отроке, который один во время чумы помогал настоятелю Ярроу вести службу в храме – больше помогать было некому. После недельного чтения Псалтыри без пения положенных антифонов воспитатель и воспитанник впали в такое уныние от этой несовершенной службы, что решили каждый день полностью выпевать все положенное – и выпевали до тех пор, пока не подоспела помощь. Полагают, что этот отрок был не кто иной, как сам Бэда.

С тех пор, при всех своих ученых занятиях, Бэда никогда не пропускал установленные храмовые службы, что, возможно, вызывало иногда удивление братии. Алкуин в своем послании к монахам Ярроу, шестьдесят лет спустя после смерти учителя, приводит в качестве объяснения следующие слова Бэды: «Знаю, ангелы посещают молитвенные собрания братии. Что, если меня они не найдут среди братьев? Разве не скажут – где же Бэда? Почему не приходит на братский молебен?»[30].

Бэда владел искусством сложения латинских гекзаметров и элегического дистиха, хотя, как выразился один критик, «каденции его прозы привлекательнее любого из его поэтических произведений»[31]. В «Церковной истории английского народа» Бэда оставил бесценный для английской филологии рассказ о пастухе Кэдмоне,

---

[29] Цит. по: Encyclopedia Britannica. 9 ed. 1875. Vol. 3. P. 481.

[30] Цит. по: *B. Colgrave.* Historical Introduction... P. XXIV.

[31] *H. Waddell.* The Wandering Scholars. N.Y., 1932. P. 38.

который силой данного ему во сне божественного вдохновения первым сумел сложить на родном языке гимн во славу Творца. По всей вероятности, Бэда был знаком с поэзией на родном языке, которую пели на пирах под арфу. Рассказывают, что умирая, он произнес по-древнеанглийски пять стихотворных строк о разлучении души с телом и об уготованном каждому последнем суде. Это стихотворение известно теперь под названием «Предсмертная песнь Бэды» и опубликовано в русском художественном переводе В. Тихомирова[32]:

«Никто, в дорогу
собирающийся поневоле,
заиметь не может
мудрость большую,
когда он думает,
уходящий отсюда,
зло сулит
или благо
суд над его душою,
что свершится по смерти».

Бэда скончался накануне праздника Вознесения Господня, когда была отслужена вечерня. Есть свидетельства, что еще не так давно в Англии существовал его культ. Неподалеку от места его рождения в Манктоне находится почитавшийся чудотворным «колодец Бэды», куда вплоть до конца XVIII в. местные жители приносили на исцеление больных детей. Из четырех колоколов на звоннице собора в Дарэме один назывался «колокол св. Бэды», а в трапезной долго хранилась «чаша св. Бэды». Алкуин воспевал чудеса, совершавшиеся над мощами Бэды, которые, после перенесения их из Ярроу, покоились в кафедральном соборе Дарэма, пока тот не был варварски разграблен в эпоху Реформации.

[32] Цит. по: Древнеанглийская поэзия… С. 27.

Бэда был официально канонизирован в 1899 г. Католическая церковь предпочитает величать его Святой Бэда, протестантская традиция, которая более акцентирует его ученость, нежели святость — Baeda Venerabilis. Последний титул, закрепившийся за Бэдой вскоре после его смерти, принято переводить как Досточтимый (или Достопочтенный), но он может иметь и другой перевод, который, на наш взгляд, естественнее звучит по-русски – Преподобный. Хотя этот титул был широко распространен в средние века и Бэда неоднократно пользовался им по отношению к некоторым духовным лицам, все же применительно к нему этот термин имеет особый смысл. Он передает то благоговейное отношение к его личности, которое отразилось в ряде легенд. Одна из них говорит о следующем происхождении данного титула. Под старость Бэда ослеп, и, чтобы посмеяться над ним, какие-то люди привели его однажды на пустошь, в каменоломню, а сами попросили произнести проповедь, будто бы перед большим собранием народа (по другой версии, это происходило в пустом храме). Бэда начал говорить, и когда он кончил, камни возгласили: «Аминь, преподобный отче!».

Как бы ни относиться к достоверности этой легенды, она, несомненно, свидетельствует о том, что пример человека не менее драгоценен, чем все достижения ученого. Значимость его личности лучше всего выразил в юбилейной речи 1935 г. настоятель собора в Дарэме: «Его всепоглощающая преданность своему делу может быть по достоинству оценена в нашем веке – беспокойном, неудовлетворенном, лишенном корней… так не похоже лихорадочное и бесплодное течение нашей жизни на то смиренное возрастание в трудах и служении Богу, которое мирно закончилось

двенадцать веков тому назад в Ярроу»[33]. День памяти Бэды – 27 мая.

АККА

ACCA – епископ Хексама (709-731 гг.), спутник Вильфрида

Будучи уроженцем Нортумбрии, Акка провел юность в обществе Вильфрида, сопровождая его в Рим в 705 г. Накануне кончины Вильфрид посвятил Акку в епископский сан и передал ему место епископа в Хексаме, которое тот занимал вплоть до его изгнания из Хексама в 731 г. при неясных обстоятельствах. Акка был покровителем искусств: он украсил собор Хексама, содействовал развитию церковной музыки и пения, уговорил Эддия написать житие Вильфрида и воодушевлял Бэду на составление библейских комментариев. Бэда всегда отзывался об Акке в самых теплых тонах и посвятил ему девять из своих комментариев. Некий автор XI в. сообщает, что могила Акки за оградой Хексамского храма отмечена двумя каменными распятиями с замечательными украшениями. Остатки этих распятий сохранились и поныне: их можно увидеть в Хексамском аббатстве. Они дают ценный материал по истории искусств, поскольку, в отличие от всех прочих архитектурных сооружений англосаксонского периода, могут быть точно датированы. Они принадлежат к нортумбрийской школе ваяния и зодчества, которая дала такие замечательные образцы искусства, как каменные распятия в Рутвелле и Бьюкастле.

АЛЬБИН

ALBINUS, умер в 732 г.? – настоятель монастыря в Кентербери, друг Бэды и ученик Адриана

[33] Bede. His Life, Times and Writings… P. xvi.

Альбин принял должность настоятеля монастыря св. Петра и Павла (позже св. Августина) после смерти Адриана в 709 или 710 г. Бэда отзывался о нем как о “высокоученом” человеке и отметил в предисловии к своей “Церковной истории”, что он взялся написать этот труд почти исключительно по настоянию Альбина. Из сохранившегося письма Бэды известно, что он отослал экземпляр этой книги Альбину в Кентербери сразу после ее завершения в 731 г. Этот факт остается важным свидетельством раннего распространения “Истории” Бэды в южной Англии.

НОТХЕЛЬМ

NOTHELM – архиепископ Кентерберийский (735-739 гг.),
корреспондент Бэды

Будучи священником в Лондоне, Нотхельм передавал Бэде (по поручению Альбина) информацию о ранней истории кентской церкви. Впоследствии (между 715 и 725 гг.) он работал в папских архивах Рима и переписал для Бэды корреспонденцию Григория Великого, касающуюся английской миссии Августина, за что Бэда выразил ему благодарность в предисловии к своей работе. В 735 г. Нотхельм занял пост архиепископа Кентерберийского, однако о его коротком правлении (735-739 гг.) известно мало: в 736 г. вновь посетил Рим, в 737 г. созвал собор, переписывался с Бонифацием. Однако в историю он вошел прежде всего благодаря помощи, которую оказал Бэде.

ДАНИЭЛЬ

DANIEL, умер в 745 г. – епископ Винчестерский (705-744 гг.),
информант Бэды, наставник и корреспондент Бонифация

Сведения о его долгом правлении весьма скудны, как и у всякого средневекового епископа, который не нашел своего биографа. Известно, что он был образован, посещал церковные соборы, в 721 г. совершил путешествие в Рим, имел связи при королевском дворе, и т.п. Два жизненных обстоятельства Даниэля проясняют его личность для нас: он дружил с Бонифацием и общался с Бэдой. Бэда говорит, что Даниэль был его главным информантом по истории церкви Уэссекса. Удивительно, однако, что Даниэль ничего не сообщал Бэде о Бонифации: Бэда весьма интересовался миссионерской деятельностью, и он не преминул бы рассказать о Бонифации, если бы знал о нем. Даниэль был покровителем Бонифация, а возможно и учителем, и переписывался со своим учеником во время его долгого пребывания в Германии. В частности, именно Даниэль разработал способ представления христианства язычникам, который описал в своем знаменитом письме Бонифацию от 724 г. Последнее из сохранившихся писем Бонифация Даниэлю показывает, что престарелый епископ Винчестерский ослеп, по какой причине оставил в 744 г. кафедру и удалился в монастырь Мальмсбери за год до своей смерти.

КУТБЕРТ

CUTHBERT, около 718-764 гг. – настоятель Вэрмут-Ярроу (747-753 гг.), ученик Бэды, кончину которого он столь трогательно описал в письме к другу

Кутберт поступил в монастырь в 718 г. Годы его настоятельского служения точно не известны: возможно, он стал настоятелем между 747 и 753 гг.; в 764 г. он был еще жив. Кутберт состоял в переписке с Лулом, преемником Бонифация на епископской кафедре в Майнце. Сразу после “открытия” Бонифацием научного наследия Бэды в начале

сороковых годов последовали многочисленные заказы на его труды со стороны англосаксонских миссионеров в Германии, и произведения Бэды стали быстро распространяться по всем интеллектуальным центрам франкского королевства. Создание новых рукописей легло тяжким грузом на скрипторий Вэрмута-Ярроу, так что в одном из писем Кутберту пришлось извиняться перед Лулом за задержку ряда заказов в связи с холодной зимой, которая помешала работе писцов. Эта маленькая деталь обнаруживает, какой тяжелый повседневный труд, да еще сопряженный с разного рода физическими неудобствами, скрывается за превосходными образцами каллиграфического искусства, дошедшими до нас из Англии VIII в.

ЭГБЕРТ

EGBERT — архиепископ Йоркский (735-766 гг.), брат нортумбрийского короля Эдберта

О начале его жизни известно мало: подобно Бэде, он ребенком был помещен в монастырь (неизвестно, в какой именно); затем в какой-то момент отправился в Рим, где был рукоположен во диакона; в 732 г. получил Йоркскую кафедру после выхода в отставку епископа Вильфрида II (не путать с его тезкой св. Вильфридом, который умер в 709 г.).

В терминах церковной политики наивысшим достижением Эгберта было то, что он в 735 г. уговорил папу дать Йорку статус архиепископской кафедры. Когда-то эту кафедру занимал архиепископ Паулин, но все его преемники были епископы и, следовательно, хотя бы теоретически были подчинены Кентербери. Инициатива Эгберта по существу лишь развивала планы папы Григория I по организации английской церкви. Скорее всего, победа далась не без борьбы, так как новый статус

Йорка ограничивал права Кентербери, но неизвестно, в результате каких переговоров она была достигнута. Кентербери и Йорку предстояла еще долгая борьба в течение столетий за статус, престиж, юридические права и т.п.

Эгберта могли толкнуть на этот шаг разные люди, среди которых наверняка был Бэда, напомнивший ему о планах папы Григория в своем знаменитом письме от 734 г., хотя письмо Бэды касается и более широких проблем, нежели статус Йоркской кафедры. Бэда обратился к Эгберту в надежде на искоренение злоупотреблений, которые пышно разрослись в нортумбрийской церкви за тридцать лет после смерти короля Альдфрида (705 г.): слишком мало было епископов, да и те недостаточно радели об исполнении своих прямых обязанностей; многие знатные люди создавали на своих землях мнимые монастыри только для того, чтобы избежать несения повинностей в пользу государства (монастырские земли освобождались от налогов); не хватало священников, да и те были в большинстве своем невежественны, отчего миряне оставались без должного наставления в вере. Письмо Бэды — это настоящий обвинительный акт в адрес земной церкви, всеобъемлющий и проницательный перечень ее болезней, и есть основания полагать, что диагноз был поставлен точно.

Отреагировал ли Эгберт на обвинение Бэды? Трудно сказать. Современники вроде Бонифация наверняка считали его человеком высоких принципов. То же впечатление оставляют и его труды, включающие «Церковное уложение о наказаниях» и «Диалог», изложение вопросов церковной дисциплины в форме вопроса-ответа. И тем не менее трудно судить, в какой мере смог Эгберт осуществить предписание на практике — для

этого нет свидетельств. Если он и пытался увеличить число епископских кафедр, то явно не преуспел в этом (как и ни один из его последователей вплоть до XIX в.). Возможно, он закрывал мнимые монастыри, на которые обратил его внимание Бэда; но едва ли возможно утверждать это наверняка на основании одного письма папы от 757-758 гг., до сих пор не до конца истолкованного. Вполне вероятно, что Эгберт пытался созывать соборы (на это как будто намекает само «Церковное уложение о наказаниях») с целью подтянуть дисциплину и ответственность клира. Однако священство Нортумбрии VIII в. остается для историка столь же неуловимым предметом, как и священство любого христианского государства ранее XIII в.

Единственное достижение Эгберта (но при этом весьма значительное) — это целенаправленная опека школы в Йорке. За время его архиепископского служения и благодаря творческому руководству Альберта, родственника и преемника Эгберта на архиепископской кафедре, эта школа стала одним из самых выдающихся образовательных центров в Западной Европе того времени. Алкуин, ее лучший ученик, увековечил ее в своей поэме “Епископы, святые и короли Йорка” (792 г.). Алкуин высоко ценил Эгберта и воспевал те “счастливые времена”, когда Эгберт и Эдберт, архиепископ и король Нортумбрии, правили ею в “гармоническом согласии”. Нортумбрийские монеты, на которых имена обоих иногда появлялись вместе, очевидно, были призваны воплотить это согласие в зримом образе. Для Алкуина Эгберт был прежде всего добрым пастырем, образцом епископского служения: благородным и богатым, щедрым к бедным, украсителем храмов, величественным и справедливым. И даже если он не вполне отвечал

взыскательным требованиям Бэды, для лучших умов VIII в. он оставался таким, каким они хотели видеть своего прелата.

КУТБЕРТ

CUTHBERT – архиепископ Кентерберийский (740-758 гг.), уроженец Мерсии

Ранее Кутберт, вероятно, был епископом Херефорда (736-740 гг.). Его повышение означало господство короля Мерсии Этельбальда на юге Англии (предшественники Кутберта на архиепископском престоле в Кентербери – Татвине и Нотхельм – тоже были из Мерсии). Кутберт был человек образованный, любил книги (одно место в переписке Лула показывает, что Кутберт брал из библиотеки епископа Милфреда Вустерского сочинения христианского поэта IV в. Оптатиана Порфирия) и сам сочинял латинские стихи. В Кентербери, чуть восточнее кафедрального собора, он построил новый храм Иоанна Предтечи, который служил одновременно крестильней, библиотекой, архивом и усыпальницей архиепископов, где был похоронен и сам Кутберт. Идею размещения крестильни в отдельном храме (уникальный случай в истории англосаксонской архитектуры) Кутберт мог заимствовать с континента во время своего путешествия в Рим за паллием в 741 г.

Кутберт поддерживал контакты Кентеребери с англосаксонскими миссионерами в Германии и переписывался с Бонифацием, по поводу кончины которого он высказал самые глубокие соболезнования его ученику и преемнику Лулу. Бонифаций подсказал Кутберту одно из самых замечательных его начинаний — собор Кловешо в 747 г. (продолживший линию

архиепископа Теодора), на котором присутствовали все епископы провинции Кентербери. Незадолго до того Бонифаций информировал Кутберта о декретах, только что принятых на континенте с целью преобразования франкской церкви, и указал на злоупотребления в английской церкви. Постановления, принятые на соборе в Кловешо, и были направлены на искоренение выявленных Бонифацием пороков клира. Но странно было бы думать, что Бонифаций был единственным инициатором преобразований — реформы носились в воздухе. В письме Бэды архиепископу Эгберту Йоркскому содержались те же обвинения: к примеру, пристрастие клира к винопитию, осуждаемое двадцать первым постановлением собора, отмечалось и Бэдой, и Бонифацием.

Постановления 747 г. заложили основания пастырской организации английской церкви. Они свидетельствуют, с какой глубокой серьезностью относились к этой задаче архиепископ Кутберт и его последователи. Трудно сказать, в какой мере эта задача была осуществлена на практике, из-за недостатка свидетельств. Есть, однако, одно исключение. На соборе присутствовал король Мерсии Этельбальд. Некоторые из постановлений были в скрытой форме направлены против использования им церкви в собственных интересах. В ответ на критику он сделал через несколько лет ряд уступок церкви — разумеется, не без влияния архиепископа Кутберта.

АЛЬБЕРТ

ALBERT, умер в 780 г. — архиепископ Йоркский (767-778 гг.), преемник Эгберта и учитель Алкуина

Отпрыск знатного нортумбрийского рода, Альберт с юных лет был отдан на воспитание в

религиозную общину при кафедральном соборе Йорка, обнаружил недюжинные интеллектуальные способности, по достоинству оцененные Эгбертом, который около 745 г. поручил ему только что организованную школу в Йорке. Альберт оказался гениальным наставником и учителем. При нем Йорк стал крупнейшим центром образования в западной Европе. Самым выдающимся учеником Альберта был Алкуин, который воспел своего учителя и его школу в поэме “Епископы, короли и святые Йорка”. Алкуин рассказывает, что в Йорке обучали семи свободным искусствам — грамматике, риторике, диалектике, арифметике, астрономии, геометрии и музыке, после чего ученики приступали к толкованию Библии, церковному календарю и богословию. Альберт, как и его предшественники в сфере образования (например, Бенедикт Бископ), ездил за границу в поисках знаний и книг. Поэма Алкуина содержит перечень авторов, наличествовавших в библиотеке Альберта — список, пожалуй, даже более обширный, чем список Бэды, и включавший также светские произведения. Переписка как Лула, так и Алкуина показывает, что Йорк вплоть до середины IX в. пользовался на континенте репутацией известного книгохранилища.

В глазах Алкуина Альберт-архиепископ обладал столь же выдающимися способностями, как и Альберт-учитель. Деятельный, набожный и благочинный прелат, он отличался необычайной щедростью, как и его предшественник Эгберт. Альберт был покровителем искусств: многие из великолепно украшенных книг Йоркской библиотеки были куплены им на собственные средства. Он построил небольшой храм в Йоркском монастыре на том месте, где, по преданию, король Эдвин был крещен Паулином, и воздвиг там алтарь, покрытый золотом, серебром и драгоценными камнями, увенчанный огромным паникадилом и массивным серебряным распятием, а также заказал

сосуд из чистого золота, где держали священное вино перед тем, как перелить его в потир. Он основал новый храм в Йорке, посвященный св. Софии, строительством которого руководили его ученики Эанбальд (позднее архиепископ Йоркский, умер в 796 г.) и Алкуин. В этом большом и богато отделанном храме было не менее тридцати алтарей.

Альберт удалился на покой в 778 г., а спустя два года скончался. После его кончины Йоркская школа долго еще продолжала пользоваться большой славой, однако ей не суждено было пережить захвата Йорка викингами (867 г.) и последующего поселения там датчан. От школы Альберта не сохранилось никаких материальных следов — ни единой рукописи, которую с уверенностью можно было бы считать вышедшей из Йоркского скриптория. Неизвестно даже, где именно находился храм св. Софии. Что же до драгоценных украшений, они давно исчезли: порублены или переплавлены как награбленная добыча. Вошло в моду не признавать катастрофических последствий набегов викингов в Англии. Пример Йорка доказывает обратное. Христианская культура, которая с таким трудом создавалась Эгбертом, Альбертом и Алкуином, была полностью разрушена во второй половине IX в. Лишь к началу XI в., ко времени архиепископа Вульфстана, Йорк снова становится значительным интеллектуальным центром. Однако ему так и не удалось восстановить того величия, которым он отличался прежде.

КЮНЕВУЛЬФ

CYNEWULF, IX в.? — автор четырех религиозных поэм на древнеанглийском языке, который вплел свое имя рунами в поэтический текст

Творения Кюневульфа, объемом около 2600 поэтических строк, разрабатывают житийные или евангельские сюжеты: это «Судьбы апостолов», «Елена» (об обретении Креста Господня матерью императора Константина), «Юлиана» (о жизни и мученической кончине раннехристианской святой) и вторая часть поэмы «Христос», разрабатывающая тему Вознесения Господня. Вместе с «Гимном Кэдмона» и «Предсмертной песнью Бэды» они составляют единственные произведения в поэтическом творчестве англосаксов, приписываемые конкретному, известному по имени лицу. О самом Кюневульфе ничего не известно. Полагают, что он был уроженцем Мерсии и жил в начале IX в. Судя по избранным сюжетам, Кюневульф получил хорошее образование и владел латинским языком, что позволяет также предположить, что он принадлежал церковной среде. Его сочинения носят книжный характер и нередко предполагают наличие латинского источника. Скорее всего, Кюневульф сочинял непосредственно на пергаменте, с пером в руке, а не перелагал устные предания, распространенные среди придворных певцов, неграмотных сказителей-скопов. Тем не менее по стилю и духу его творения не столь уж разительно отличаются от тех, что бытовали первоначально в устной традиции: они выполнены в манере аллитерационного стиха и используют исконно германскую формульную (стереотипную) фразеологию, характерную для героического эпоса.

Творения Кюневульфа не менее совершенны по форме и содержанию, чем поэмы на героические сюжеты или библейские парафразы школы Кэдмона. Значительная часть памятников древнеанглийского поэтического творчества могла впервые возникнуть в VIII-IX в., хотя все они сохранились в четырех рукописях, созданных на рубеже X-XI вв. Обычай сочинять поэмы христианского содержания на родном языке (который в самой Англии мог сложиться отчасти под влиянием Ирландии) был перенесен англосаксонскими миссионерами в Германию. Дошедшая от IX-X вв. древневерхненемецкая и древнесаксонская поэзия может быть прямо или косвенно связана с просветительской деятельностью монастырей, основанных англосаксами на континенте, особенно монастыря Фульда. Использование родного языка и родной поэзии в целях религиозного просвещения немало содействовало дальнейшей христианизации Англии и Германии.

Поэзия Кюневульфа — если верно, что он творил в Мерсии — служит еще одним подтверждением культурного расцвета королевства Оффы и его преемников. Другие свидетельства принадлежат сфере изобразительных искусств: это великолепно украшенная «Книга Керна», резьба по слоновой кости на ларце из Гандерсхайма (который был создан в монастыре Эли), скульптура Бредона или Виркворта и церковная архитектура Рептона и Бриксворта. Литературное и художественное наследие Мерсии, хотя о нем так мало известно, объясняет тот большой вклад, который сумели внести ее деятели (такие как Плегмунд и Верферт) в культурное возрождение Уэссекса эпохи короля Альфреда.

Англосаксонская миссия на континенте

СВ. ВИЛЛИБРОРД

ST. WILLIBRORD, 658-739 гг. — нортумбрийский монах,
миссионер во Фризии и архиепископ Утрехта,
ученик Вильфрида и Эгберта с Ионы

Св. Виллиброрд получил образование у Вильфрида в Райпоне, где и принял монашеское звание. В 677-678 гг. отправился в Ирландию, где двенадцать лет пробыл в учении у нортумбрийского изгнанника Эгберта. От Вильфрида и Эгберта воспринял импульс к миссионерской деятельности на континенте. В 690 г. вместе с одиннадцатью спутниками прибыл в устье Рейна и стал проповедовать христианство язычникам-фризам. Нуждаясь в поддержке светских властей, обратился к Пипину II, который управлял франками (хотя и не был еще королем). Франки в то время постепенно распространяли свое влияние на Восточную Фризию — Пипин, возможно, увидел в Виллиброрде и его товарищах потенциального адепта франкского режима и потому охотно предоставил им свое покровительство. Но Виллиброрд предпринял и дальнейшую инициативу, которая была очень важна для будущего франкской церкви: он (как и следовало ожидать от ученика Вильфрида) обратился в Рим и получил санкцию и одобрение продолжать начатую миссию от самого папы римского Сергия I. Несколько лет спустя, в 695 г., Виллиброрд нанес второй визит в Рим по настоянию Пипина, по какому случаю Сергий поставил его архиепископом Фризии. По возвращении Пипин предоставил ему в качестве базы дальнейших

действий Утрехт. Пипин и его семья оказались очень щедрыми патронами, которые помогли Виллиброрду создать монастырь чуть дальше на юге, в Эхтернахе (современный Люксембург).

Мы мало знаем в деталях о работе, которую проводил Виллиброрд за оставшуюся жизнь. Переписка — так много приоткрывающая, например, в жизни его младшего современника Бонифация — не сохранилась, а жизнеописание, составленное его родственником Алкуином более ста лет спустя после его смерти, не много рассказывает о его миссионерских успехах. Бэда, который серьезно интересовался его деятельностью, сообщает, что Виллиброрд посвящал в епископы, но о них ничего не известно. По-видимому, Виллиброрд создал область церковного управления с центром в Утрехте, нечто вроде Кентерберийского округа, учрежденного Теодором и Адрианом в Англии. Какова бы ни была в нем структура церковного управления, этот округ не пережил ее основателя: впоследствии Утрехт был поглощен провинцией Колонь. Однако работа по обращению фризов в новую веру продолжалась, хотя и медленно: многое было достигнуто, но многое еще оставалось сделать к моменту кончины Виллиброрда в 739 г.

Представляется, что у Виллиброрда зрели планы расширить свою деятельность и за пределы Фризии. Эхтернах вполне мог служить базой для проникновения в Тюрингию и Гессе, регионы центральной Германии к югу от Фризии, где Бонифацию предстояло строить в дальнейшем на основаниях, заложенных в двадцатые-тридцатые годы Виллибрордом. Виллиброрд пытался проповедовать христианство даже данам, хотя и с очень малым успехом.

Английские миссии на континенте, которым предстояло иметь столь значительные последствия для развития европейской цивилизации, расцвели вскоре после обращения самих англосаксов. Последнее англосаксонское языческое королевство, о-в Уайт, было христианизовано лишь за три года до того, как Виллиброрд отправился во Фризию. Почему англосаксы так упорно стремились к миссионерской деятельности за границей? На этот вопрос есть несколько возможных ответов.

Христианская культура, постепенно формировавшаяся в Англии, одухотворялась евангельскими устремлениями папы Григория I и идеалом «паломничества Христа ради», который, как, например, в случае с Колумбой, незаметно перерос в миссионерское рвение. Оба эти течения соединились в Вильфриде и Эгберте и, среди прочих, в их ученике Виллиброрде. Англосаксы не забыли свою германскую родину на континенте, некогда оставленную ими, и наиболее мыслящие из лиц духовного звания ощущали ответственность за спасение душ тех, кто был (как выразился однажды Бонифаций) «плоть от плоти и кровь от крови нашей». Особенно тесными были связи с Фризией: фризы селились в Восточной Англии. Археологами обнаружены обширные англо-фризские торговые контакты, о которых умалчивают письменные источники. Кроме того, язык англосаксов в VII-VIII вв. был очень близок языку фризов: речь англосаксонских миссионеров была более понятна фризам, нежели речь каких-нибудь других проповедников.

Фризов постепенно подчиняли себе франки. Франкские правители, такие как Пипин II и его сын Карл Мартелл, сознавали, что миссионеры нефранкского происхождения будут более

приемлемы для покоренного народа, чем его завоеватели. Это обстоятельство ставило перед миссионерами сложные вопросы морального плана. Бонифаций остро переживал их, как чувствуется из его писем; можно допустить, что и Виллиброрд тоже. Связь миссионерства с распространением имперского влияния всегда составляла предмет тревоги для проповедников. Однако трудно сказать, насколько тесной была эта связь. Пипин и Карл Мартелл могли считать Виллиброрда «своим» человеком. Сам он, возможно, и не воспринимал связь с ними в тех же терминах.

Проблема усугубляется, если посмотреть на других миссионеров, современников Виллиброрда, в других восточных регионах франкской экспансии. Патриотическая струя в английской историографии сосредотачивалась почти исключительно (и по вполне понятным причинам) на том вкладе, который внесли в христианизацию Германии англосаксы. Но там работали и другие миссии — из Ирландии, Аквитании, Италии, Испании, и все они в той или иной мере опирались на авторитет светской власти франков. Другие тоже сталкивались с моральными вопросами того же рода и находили на них другие ответы. Но никто из них, в том числе и Виллиброрд, не ощущал себя просто «используемым» франкскими властями. В Германии VIII в. проводилась самая разнообразная и активная миссионерская работа. Обратить на это внимание вовсе не значит преуменьшить вклад Виллиброрда. Он был крупным деятелем, как и Бонифаций, и оба они оказали на Европу более значительное влияние, чем кто-либо из англичан вообще.

СВ. БОНИФАЦИЙ

ST. BONIFACE, 675-754 – уроженец Уэссекса, «апостол Германии», архиепископ Майнца

В миру звался Винфрид и принял имя первохристианского мученика Бонифация по настоянию папы римского в 719 г., как Бископ принял имя Бенедикта, а Виллиброрд — Клемента. Род его происходил из Уэссекса, а местом рождения считается Кредитон. В юном возрасте он поступил в монастырь в Эксетере, а потом перешел в другой монастырь в Нерслинге (Саутгемптон), где вел примерную монашескую жизнь и приобрел известность как учитель грамматики и толкователь Святого Писания. Его краткий грамматический трактат, как и письма, по стилю схож со стилем Альдхельма, который он мог перенять от настоятеля Нерслинга Винберта, ученика и корреспондента Альдхельма.

В начале VIII в. Бонифаций был отправлен уэссекским королем Инэ с важным дипломатическим поручением в Кент; перед ним открывалась многообещающая церковная карьера — он мог бы стать преемником своего друга Даниэля, архиепископа Винчестерского. По смерти Винберта он был избран настоятелем Нерслинга, но отклонил этот пост. Вместо этого, в возрасте около сорока лет, Бонифаций избирает путь миссионерства. Можно лишь догадываться, что подтолкнуло его к этому — какое-нибудь впечатление детства или опыт общения, накопленный в монастырской среде, ибо морское побережье вблизи Нерслинга нередко посещалось фризскими купцами, от которых Бонифаций мог наслушаться рассказов о миссионерской деятельности Виллиброрда во Фризии. Нерслинг располагался всего в нескольких часах плавания от двух других монастырей, Бошэма

и Сэлси: в первом лелеяли ирландский идеал «паломничества Христа ради», а во втором бережно хранили воспоминания о миссионерских подвигах св. Вильфрида.

Какова бы ни была причина, Бонифаций избрал местом своего миссионерского служения Фризию и в 716 г. отправился туда через Ла-Манш. Однако фризы восстали в это время против франкского господства, страна бурлила, и не было подходящих условий для миссионерской деятельности, поэтому Бонифаций возвратился в Англию.

В 718 г. он сделал новую попытку, но на этот раз поменял тактику: вооружившись рекомендательным письмом от епископа Даниэля, он снова покинул Англию (на этот раз навсегда, хотя сам он об этом не знал) и направился прямо в Рим, как сделал в 690 г. Виллиброрд. В мае 719 г. папа Григорий II благословил его на проповедь среди язычников (по этому поводу ему и было присвоено новое христианское имя); он повернул на север и после краткой остановки в Тюрингии соединился с Виллибрордом, в самом тесном контакте с которым и проработал последующие три года (719-722 гг.) над восстановлением церковной общины во Фризии, пострадавшей от недавних беспорядков. Виллиброрд, которому уже перевалило за шестьдесят, желал сделать Бонифация своим преемником в Утрехте, но у Бонифация были другие планы: он оставил Фризию и направился вглубь континента, в Гессе. Затем он снова посетил Рим, где был рукоположен в епископа в ноябре 722 г. и получил от папы благословение проповедовать «в Германии к востоку от Рейна». По возвращении на север Бонифаций нанес визит королю франков, в 723 г. принял официальное покровительство Карла Мартелла и во всеоружии отправился в путешествие

по Рейну, чтобы приняться за работу, на которую уйдет у него двадцать лет жизни.

Миссионерская деятельность Бонифация протекала в районе Гессе и Тюрингии, то есть в нынешнем треугольнике «Франкфурт-Кассель-Эрфурт». В то время эта область не была уже целиком языческой как, например, Саксония на северо-востоке. Там и сям были разбросаны христианские общины подобно тем, что создал Виллиброрд во Фризии или другие миссионеры в Баварии и Алеманнии. Задачей Бонифация было искоренение языческих «гнездовий» и привитие христианства через окормление, обучение, организацию и обряд. Немного известно и о том, как это делалось: кое-где принятие христианства сопровождалось отдельными отчаянными шагами вроде валки священного дуба бога Одина в Гейсмаре, но большей частью это была более рутинная работа. Бонифаций не уставал спорить с неподдающимися (возможно, по тем пунктам, которые предлагает в своем знаменитом письме Даниэль Винчестерский), наставлять в вере и нравственности заблуждающихся, основывать храмы при миссиях во Фрицларе (где самая ранняя часовня была построена из древесины Гейсмарского дуба), Амёнебурге, Ордруфе, Китцингене и других местах. Где только возможно, он поставлял в эти храмы бенедиктинских монахов и монахинь, часто англосаксонского происхождения: например, Вигберт возглавил монастырь во Фрицларе, а Леоба, родственница Бонифация, стала настоятельницей монастыря в местечке Таубербишофсхайм во Франконии.

Вновь и вновь обращается он к своим друзьям в Англии за советом, молитвами, пополнением штата и книгами. Не может ли архиепископ Нотхельм дать ему совет по поводу канонического закона о браке? Не может ли аббатисса Эадбурга из монастыря на о-

ве Танет изготовить для него рукопись «Посланий св. Петра», выписанную золотыми буквами? — красочные книги впечатляют новоначальных, а за золото (добавляет он поспешно) он заплатит сам. Не может ли архиепископ Эгберт снабдить его творениями Бэды? И т.д., и т.п. Отдельно решались вопросы пополнения штата. Григорий, знатный франкский юноша из-под Трира, одним из первых вошел в состав клира, а впоследствии стал епископом Утрехта. Другой его ученик по имени Людигер, фриз по происхождению, был поставлен первым епископом Мюнстера. При всех затруднениях Бонифаций обращался к папе римскому: «Можно ли христианам есть идоложертвенную пищу, которая была освящена знаком креста?» На этот вопрос Григорий II дал в 726 г. отрицательный ответ. — “Что делать с христианами, которые продают своих рабов язычникам для человеческих жертвоприношений?” – вопрошал он в 732 г. – “Наказать виновных как за человекоубийство”, – отвечает Григорий III.

Связи Бонифация с Римом становились все более тесными: в 732 г. он получил сан архиепископа, в 738 г. нанес третий визит в Рим, в 739 г. по поручению папы реорганизовал церковь Баварии (наподобие того, что сделал в Англии Теодор в семидесятые годы VII в.), установив епископские кафедры в Пассау, Регенсбурге, Зальцбурге и Фрейзинге. Вскоре после этого, в 741-42 гг. он основал новые кафедры в регионе Гессе-Тюрингия-Франкония (в Бурабурге, Вюрцбурге и Эйхштатте) — все они были отданы его англосаксонским ученикам, причем последняя — много странствовавшему Виллибальду.

Некоторыми эти действия рассматривались как провокационные: для франкских епископов рейнской земли Бонифаций был захватчиком, который покушался на их исконные территории и

создавал нечто вроде церковной империи, высшие посты в которой приберегал для своих сородичей. Бонифаций, со своей стороны, никогда не скупился на презрительные слова в адрес этих епископов, называя их невеждами и ленивцами, непригодными к исполнению своих епископских обязанностей, которые живут жизнью аристократов, предаваясь пьянству, азартным играм и блуду. Картина эта, конечно, преувеличение: немногие вели себя так, и в целом франкское духовенство внушало больше доверия, чем желал это видеть Бонифаций.

Трения между обеими сторонами нарастали с самого начала англосаксонской миссии в 723 г. и вышли на поверхность после смерти Карла Мартелла в 741 г. Бонифаций, как и Виллиброрд, всегда болезненно сознавал, что успех его миссии во многом зависит от покровительства светских властей. Франкские епископы надеялись, что в сложной политической обстановке, которая сложилась после смерти Карла, им удастся выступить против Бонифация и его приверженцев. Однако они просчитались.

Франкское королевство поделили между собой сыновья Мартелла: Карломану досталась восточная часть (Австразия), а Пипину III — западная (Нейстрия). Карломан больше симпатизировал церковным идеалам Бонифация, чем его отец, и Бонифаций сумел этим воспользоваться. По его подсказке и с одобрения папы Карломан созвал соборы (742-744 гг.), которые утвердили указы о введении законодательства, позволявшего искоренить злоупотребления в церкви Австразии. Нейстрия поддержала это начинание — сам Пипин III председательствовал на подобных соборах нейстрийской церкви в 745-747 гг., а их отзвуки оказались слышны и за пределами континента: в 747 г. по инициативе

Бонифация архиепископ Кентерберийский Кутберт и король Мерсийский Этельбальд созвали собор, поставивший вопрос о преобразованиях в английской церкви. Соборы эти имели самые серьезные последствия. Разумеется, нельзя утверждать, как это иногда делают, что Бонифаций «реформировал франкскую церковь» — такая задача была бы ему не по плечу, но он действительно провозгласил более высокую церковную дисциплину, которая была санкционирована самыми крупными авторитетами того времени — франкскими правителями и папой римским. Бонифаций своей деятельностью ускорил те церковные преобразования во Франции, которые принесли плод в последующем столетии, в эпоху так называемого «Каролингского возрождения».

Реформаторские соборы 742-747 гг. сблизили Бонифация с правящей династией. В 744 г. он основал монастырь в Фульде, на землях, пожалованных ему Карломаном. Община этой обители состояла из наиболее преданных Бонифацию людей, так что он, вероятно, рассчитывал — а ему было около семидесяти — обрести здесь покой на старости лет. Около 746 г. при содействии Карломана он, так долго пребывавший епископом без кафедры, получил наконец епархию Майнца. После отставки Карломана власть в Австразии перешла в руки Пипина Нейстрийского. Четыре года спустя (751 г.) Пипин сместил с престола последнего безвольного представителя династии Меровингов и провозгласил себя королем франков. Позже возникло мнение, что Бонифаций помазал его на царство. Возможно, что и так, хотя вопрос этот долго и безрезультатно дебатируется историками. А вот что действительно трудно себе представить, так это то, чтобы Бонифаций совсем не участвовал в

дебатах, предшествовавших восхождению на престол новой династии.

В 753 г. Бонифаций передал кафедру Майнца своему ученику Лулу и снова отправился миссионером во Фризию. Во время миссионерских трудов в самой дальней области северо-восточной Фризии (около современного Доккума на севере Голландии) Бонифаций подвергся нападению пиратов и был убит вместе с пятьюдесятью тремя сподвижниками 5 июня 754 г. По преданию, он парировал удары нападавших книгой, которую держал в руках. Эта книга (ее поля иссечены ножевыми ударами) до сих пор хранится в монастыре Фульды, куда были привезены останки самого мученика и его учеников.

Личность Бонифация доступна для нас в значительно большей степени, чем личность любого из его предшественников благодаря сохранившейся обширной переписке, изданной Лулом вскоре после смерти учителя. Как всегда, весьма поучительно поразмышлять над тем, в какой мере оценка личности зависит от природы источников; при этом уместным представляется сравнение с Вильфридом. Фигура Вильфрида имела бы в глазах потомков совершенно иной вид, если бы сохранилась его переписка. Точно так же и Бонифаций выглядел бы иначе, если бы у него нашелся столь же страстный приверженец, каким оказался для Вильфрида его биограф Эддий, а не некто Виллибальд (не путать с епископом Эйхштатта!), оставивший довольно сдержанное и невыразительное жизнеописание Бонифация, да еще через четырнадцать лет после кончины.

Письма Бонифация освещают многие, но далеко не все стороны его богатой натуры: его энергию, властность, администраторские способности, страстное желание спасать чужие

души и глубокую преданность римскому церковному обычаю, его умение поддерживать дружеские отношения, особенно с женщинами. Что более всего поражает читателя, привыкшего видеть в нем титана дела и мысли — это необычайно тревожный тон всех его писем. Он мечтал обратить в свою веру континентальных саксов, но не добрался до Саксонии и навсегда сохранил чувство вины. Он ощущал неловкость в отношениях с франкскими светскими властями, сознавая свою зависимость от них и тревожась по поводу опасностей, которыми были чреваты для миссионерского дела слишком тесные ассоциации между христианством и политической экспансией франкских правителей. В его отношениях с нерадивыми франкскими епископами чистосердечный порыв смешивался с раздражением и разочарованием. Он беспокоился о том, что может случиться с его сподвижниками после его смерти. Но более всего он переживал по поводу того, исполнил ли он свой долг перед Богом — ноша, которую (что бы ни думали о ней мы, потомки) сам он ощущал как непосильное бремя. Вот таким видится он в лучах его писем: человечный, страдающий и одинокий — великая личность.

СВ. ЛУЛЛУС (ЛУЛ)

ST. LULLUS, умер в 786 г. — преемник Бонифация на епископской кафедре Майнца

Уроженец Уэссекса, Лул воспитывался в монастыре Мальмсбери. Вполне возможно, что он был дальним родственником Бонифация; во всяком случае, среди его родни немало тех, кто помогал Бонифацию и прославился на поприще миссионерской деятельности в Германии.

Лул был принят в общение Бонифацием примерно в 738-739 гг. Он быстро выдвинулся как человек необыкновенного таланта и стал любимым учеником состарившегося наставника. К 747 г. он был уже архидиаконом Бонифация, то есть первым приближенным епископа, в 751 г. ездил с поручением в Рим в качестве его представителя; в 752 г. был посвящен в епископский сан, чтобы официально выступать в роли его заместителя. В 753 г., когда Бонифаций предпринял свою последнюю миссионерскую поездку во Фризию, он сам назначил Лула своим преемником на епископской кафедре Майнца в нарушение церковного права, которым надлежало руководствоваться при избрании нового епископа. В следующем году, по смерти Бонифация, Лул стал епископом Майнца, очевидно, благодаря поддержке франкского короля Пипина III, и пребывал на этой кафедре до конца своей жизни.

Личность и достижения Лула меркнут в лучах славы его великого предшественника. Имя его отчасти пострадало из-за предвзятой интерпретации источников. Например, долгое время Лулу приписывали неподобающие ссоры со Стурми, настоятелем монастыря в Фульде, однако сам этот эпизод, может быть, несколько преувеличен. Утверждали, что папы не доверяли Лулу из-за не вполне канонического занятия им епископской кафедры — действительно, Лул получил из Рима свой “паллиум” (символ епископской власти) лишь в 781 г., но эта задержка вовсе не обязательно была вызвана какими-то подозрениями пап. Предполагали, что Лул не проявил должной активности как миссионер — но ведь именно он подсказал сыну Пипина (то есть будущему Карлу Великому) предпринять более решительные шаги по христианизации Саксонии, и Карл тотчас последовал его советам.

Деятельность Лула на континенте во многом остается покрытой туманом. Однако доподлинно известно, что он продолжал поддерживать контакты с друзьями на родине. Сохранившаяся корреспонденция Лула (около сорока писем) в еще большей мере, чем корреспонденция Бонифация, свидетельствует о том, что из Англии в Германию потоком шли книги: работы Альдхельма; труды Бэды, за которыми Лул обращался к Кутберту, настоятелю Ярроу, и и Альберту, архиепископу Йорка. Но Лула интересовали книги не только христианского содержания: так, он просит у Кюнехерда, епископа Винчестерского, книги светские, особенно по медицине. Вероятно, именно благодаря Лулу многие произведения античных авторов достигли Германии: например, малые творения Тацита (включая “Жизнь Агриколы”) дошли до нас в рукописи IX в. из монастыря Херсфельд, а ведь Херсфельд был основан Лулом. Письма Лула выказывают в нем деятельного покровителя образования и еще раз напоминают о том, до какой степени ученость каролингского возрождения базировалась на интеллектуальных достижениях англосаксонской Британии.

СВ. ВИЛЛИБАЛЬД

ST. WILLIBALD, 700-786 гг. – англосаксонский монах,
родственник Бонифация, известный путешественник
по Средиземноморью

Уроженец Уэссекса, Виллибальд воспитывался в монастыре Бишопс Уолтхэм (Хэмпшир). В 720 г. он по примеру уэссекских королей Кэдваллы и Инэ предпринял паломничество в Рим вместе с отцом и братом. Но одного Рима юному паломнику

показалось мало — там у него появилась мечта добраться до Святой Земли. В 722 г., после разнообразных приключений в Сицилии, Греции, на Кипре и в Сирии (в том числе взятия под стражу исламскими властями) он добрался наконец до Святой Земли. Объездив все святые места Палестины, Виллибальд на обратном пути остановился в Константинополе и провел там два года. В 729 г., после семилетнего путешествия возвратился в Италию и вступил в монашескую общину Монте Кассино, где пробыл более десяти лет. В 740 г. присоединился в Германии к своему родственнику Бонифацию и основал монастырь в Эйхштатте, после чего Бонифаций в 741 г. посвятил его в епископский сан в надежде создать общину в Эрфурте, которой, однако, не суждено было сбыться, и Виллибальд остался в основанном им монастыре, посвятив остаток жизни миссионерской деятельности на юге Германии.

С Германией связал свою судьбу и Виннибальд, родной брат Виллибальда: братья вместе основали монастырь в Хайденхайме — это был двойной монастырь, каких немало встречалось у них на родине (мужчины и женщины жили неподалеку). После смерти Виннибальда в 761 г. настоятельницей этого монастыря стала их сестра Вальбурга, которая по необъяснимой случайности дала имя так называемой «Вальпургиевой ночи”. Когда Виллибальд состарился, кто-то из насельников его монастыря записал его рассказы о путешествиях в молодости: так появилась книга под названием Hodoeporicon.

Виллибальд — самый ранний из известных английских путешественников того времени, кто добрался до Ближнего Востока. Hodoeporicon раскрывает его жажду риска, любознательность и наблюдательность, дар рассказчика и поразительную память на детали. Многие темы, которые позже

получили распространение в английской приключенческой литературе, были впервые введены Виллибальдом. Упрямый и эксцентричный, он пробовал взбираться на действующий вулкан; часто болел и страдал от заморской еды, которая вызывала у него подозрение и отвращение; как и более поздние английские скитальцы, не ладил с местными властями. Один из его самых занятных рассказов повествует о том, как он сумел обмануть таможню в одном мусульманском городе и незаметно провезти драгоценный бальзам.

СВ. ВИЛЛЕХАД

ST. WILLEHAD, умер в 789 г. — англосаксонский миссионер в северной Германии и первый епископ Бремена

Уроженец Нортумбрии, Виллехад, по-видимому, учился в школе Йорка вместе с Алкуином: во всяком случае, позже они определенно знали друг друга. Желая проповедовать христианство среди фризов по примеру своего соотечественника Виллиброрда, Виллехад около 770 г. переправился через Северное море по благословению нортумбрийского собора, созванного королем Альхредом (765-774 гг.), который сам был кровно заинтересован в расширении англосаксонской миссии за рубежом и переписывался по этому поводу с Лулом, преемником Бонифация на епископской кафедра Майнца.

В 780 г. Виллехад был послан королем франков Карлом Великим (768-814 гг.) к саксам, жившим по нижнему течению Эльбы и Везера — Карл в то время как раз предпринимал усилия по включению Саксонии в свое государство. Два года

спустя саксы под предводительством Видукинда восстали против франкского господства, некоторые из сподвижников Виллехада были убиты. Виллехаду удалось бежать и (после паломничества в Рим) поселиться в основанном Виллибрордом монастыре Эхтернаха, во главе которого стоял англосакс Беорнред, родственник основателя. Виллехад провел здесь два года (783-785 гг.), занимаясь преподаванием и писательской деятельностью. В 785 г. он вернулся в Саксонию, которая к тому времени была утихомирена Карлом (полагают, что именно Виллехад крестил покоренного Видукинда), а в 787 г. был возведен в сан епископа и возглавил учрежденную в Бремене епископскую кафедру, первую в Саксонии. Но ему не суждено было долго потрудиться на этом посту: он умер в 789 г., спустя несколько дней после освящения кафедрального собора.

АЛКУИН

ALCUIN, около 740-804 г. — ученый, учитель, поэт и интеллектуальное светило при дворе Карла Великого

Алкуин, уроженец Нортумбрии и родственник Виллиброрда, появился на свет около 740 г. Он получил образование в Йорке под руководством Альберта, которого он глубоко уважал как учителя. Альберт превратил школу в Йорке в самый выдающийся из образовательных центров Европы тех времен. В 767 г., когда Альберт стал архиепископом Йоркским, Алкуин сменил его на посту директора школы. В шестидесятые-семидесятые годы Алкуин несколько раз сопровождал Альберта в его путешествиях в Рим и подружился с представителями светской и

церковной элиты франкского королевства. Поворотным пунктом в его карьере стал 781 г., когда на обратном пути из Рима он встретил в Парме Карла Великого. Карл уговорил Алкуина стать его помощником в делах учености и пригласил ко двору. В 782 г. Алкуин покинул Англию и поселился в королевстве франков, где и провел остальные двадцать лет жизни, если не считать одного краткого визита на родину в 786 г. и другого, более продолжительного, в 790-793 гг. Заслуги Алкуина перед каролингской культурой трудно переоценить, но и вознаграждение было не меньше. Он окормлял аббатства Труа и Ферье, а в 796 г. получил должность настоятеля обители св. Мартина в Туре (должность, о которой мог лишь мечтать любой служитель франкской церкви). В этой обители, вдали от придворной суеты, он провел последние годы своей жизни и там же скончался в мае 804 г.

Этот ранний пример «утечки мозгов» дает величайший образец такого преуспеяния, которому мог бы и в наше время позавидовать любой из преемников Алкуина на ученом поприще. Но и награды его соответствовали заслугам. Карл Великий желал возродить образованность и глубже внедрить христианство на подвластных ему территориях. С этой целью он собрал со всего света маленькую группу интеллектуалов, которые были призваны вкладывать в проекты короля нечто вроде «идейного заряда». Алкуин был из них первым и самым влиятельным. Его влияние хорошо просматривается в циркуляре, известном под названием «Генеральная директива» (Admonitio Generalis), который представляет исчерпывающее изложение идеалов Карла, написанное в 789 г. Несколько лет спустя он отвечал также за составление “Обучения грамоте” — меморандума,

разосланного высшему духовенству с целью побудить его к созданию монастырских и епархиальных школ. Алкуин наставлял Карла как христианского государя, а в девяностые годы подсказал ему идею возрождения императорской власти, которая сначала воплотилась в знаменитой коронации 800 г., а впоследствии обрела формы Священной Римской Империи.

Алкуин был ведущей фигурой литературного и художественного движения, которое получило название Каролингского возрождения. Его литературное наследие достигает необычайных размеров: он оставил после себя богословские труды, комментарии к Священному Писанию, проповеди, жития святых, учебники, массу латинских стихов и более трехсот писем. Его наиболее выдающиеся достижения лежат в сфере литургики и текстологии. Как литургист он создал новую книгу для чтецов (lectionary) и собрание евхаристических молитв (sacramentary), которые вплоть до XX в. составляли основу католического богослужения. Как текстолог-критик он возглавил подготовку усовершенствованного издания Вульгаты, то есть латинского текста Библии, который считался на западе образцовым вплоть до XVI в. В каком-то смысле Алкуин внес вклад в формирование религиозного опыта миллионов христиан-католиков.

Самая изысканная поэма Алкуина посвящена месту, где сформировался его характер и интеллект — Йорку. В ней он восславил епископов, королей и святых, связанных с Йоркской церковью со времен Эдвина и Паулина вплоть до его времени, и особенно тех, под чьим крылом протекла его юность — архиепископа Эгберта, короля Эдберта и своего учителя Альберта. Алкуин написал огромное количество других стихов: посвящения большому

кругу друзей; гимны, молитвы и лирику; трогательную элегию о разграблении викингами Линдисфарна в 793 г. Сохранившиеся письма Алкуина превосходят числом переписку любого другого англичанина, жившего ранее XV в., и это позволяет узнать Алкуина лучше, чем, например, Бонифация. В них обнаруживает себя весьма обаятельная личность — веселая, общительная, преданная, гуманная, дружелюбная.

К О Р О Л И

КЕОЛЬВУЛЬФ

CEOLWULF — король Нортумбрии (729-737 гг.), покровитель учености, которому Бэда посвятил в 731 г. “Церковную историю рода англов”

Как и его предшественник Альдфрид, получил образование в Ирландии. Его царствование было беспокойным: в 731 г. он был низложен при неизвестных обстоятельствах, но сумел вернуться на престол. В 737 г. оставил трон и ушел в монастырь Линдисфарна, где и окончил свои дни в 764 г. Он оказывал щедрое покровительство этому монастырю. По преданию, ему удалось даже ослабить строгий монастырский пост — при нем якобы монахи стали пить вино и пиво вдобавок к молоку и воде, предписанным им основателем монастыря Айданом. Если в этом есть хоть крупица правды, то это указывает на начало постепенной секуляризации монашеского общежития уже в восьмом веке.

ЭДБЕРТ

EADBERT, умер в 768 г. — король Нортумбрии (737-758 гг.),

двоюродный брат короля Кеольвульфа и родной брат
архиепископа Эгберта Йоркского

О правлении Эдберта в деталях известно не больше, чем о правлении Этельбальда Мерсийского — и вместе с тем вполне достаточно для того, чтобы увидеть, сколь могущественным и деятельным правителем он был: оказывал достойное сопротивление мерсиям и пиктам и, как засвидетельствовал Алкуин, “расширял границы своего королевства, часто наводя ужас на вражеские ряды”. Алкуин, скорее всего, имел в виду войны Эдберта с бриттами королевства Стрэтчклайд, которые обеспечили Нортумбрии контроль над областью Киля (Эйршира) в 750 г. “То были счастливые времена для людей Нортумбрии”, — ностальгически вздыхал Алкуин в весьма несчастливые девяностые годы VIII в.

Хотя нортумбрийские короли и раньше выпускали монету, Эдберт был первым, кто занялся этим в больших масштабах. Это один признак экономического процветания страны в его царствование. Но были и другие. Находилось много богатых покровителей, которые умели ценить писательский талант Бэды и содействовали переписке его работ. Росла школа в Йорке и множилась продукция школы ваяния в Хексаме. Некий знатный нортубриец по имени Осхере, владелец великолепного шлема, откопанного в Йорке в 1982 г., был настолько богат, что смог воспользоваться услугами самых искусных мастеров. Неизвестный монастырь, чьих аббатов воспел латинскими стихами некто Этельвульф, владел большим состоянием: его настоятелль Сигбальд (умер в 771 г.) построил храм и покрыл его свинцовой крышей, алтарь его был украшен каменными барельефами и имел золотой потир, отделанный драгоценными камнями. Возможно, были

и другие храмы такого рода, о которых мы ничего не знаем. Нортумбрия VIII в. была богата: именно это привлекло в девяностые годы к ее берегам викингов.

К тому времени Нортумбрия стала уязвима и с политической точки зрения. Самому Эдберту, как и всем другим правителям VIII в., пришлось столкнуться с оппозицией. В правление Эдберта был зверски убит при посещении мощей св. Кутберта на Линдисфарне сын короля Альдфрида по имени Оффа, претендовавший на престол. В 758 г. Эдберту пришлось удалиться в монастырь, где он скончался десять лет спустя, после чего мощь Нортумбрии пошла на убыль из-за династических распрей среди аристократии. В борьбе за престол погибли сын и внук Эдберта. Распри между знатными родами были типичны для того времени (в Уэссексе наблюдалось нечто подобное), но подрывали экономику. В последней четверти VIII в. значительно снизился выпуск денег, культура приходила в упадок, и страна стала легкой добычей викингов. Алкуин был прав: никогда более не достигла Нортумбрия тех высот, на которых она пребывала в дни царствования короля Эдберта.

ЭТЕЛЬБАЛЬД

ETHELBALD — внучатый племянник короля Пенды, правитель Мерсии (716-757 гг.)

Как многие другие представители англосаксонских королевских династий, Этельбальд провел юность в изгнании, где много общался с отшельником св. Гутлаком. По смерти в 716 г. своего соперника короля Кеольреда сумел захватить власть в Мерсии.

Мерсийские правители VII в. — Пенда (632-655 гг.) и его сыновья Вульфхере (657-674 гг.) и

Этельред (674-704 гг.) — были могущественными вождями, которые угрожали гегемонии Нортумбрии, установленной такими королями, как Освальд и Озви. В начале VIII в. наиболее выдающимися правителями южной Англии были короли Уэссекса и Кента, соответственно Инэ и Вихтред. Этельбальд сумел воспользоваться их кончиной в 725-726 гг. и распространить свою власть на все английские королевства к югу от Хамбера. По свидетельству Бэды, он достиг превосходства Мерсии к 731 г. и удерживал его до конца правления — тому есть разнообразные свидетельства. Этельбальд распоряжался землей в таких уэссекских графствах, как Сомерсет и Уилтшир; неслучайно именно в его правление на кентерберийской кафедре сменилось три архиепископа мерсийского происхождения — Татвинэ, Нотхельм и Кутберт; именно в его время Лондон и Миддлсекс окончательно перешли под юрисдикцию Мерсии. В грамотах Этельбальд именовал себя «король не только Мерсии, но и всех провинций, объединяемых под названием Южной Англии» и подписывался Rex Britanniae «Владыка Британии».

Терминология грамот могла, конечно, и не соответствовать политическим реальностям VIII в. — вопрос этот долго находился в центре ученых споров. Одно можно сказать наверняка: Этельбальд поддерживал свое владычество в течение несравненно более долгого времени, нежели любой предыдущий правитель земель к югу от Хамбера. Как ему это удавалось? Частично, конечно, военной силой, как и любому другому англосаксонскому вождю: король Кутред Уэссекский (740-756 гг.) поднимал против него восстания, случались стычки с королем Нортумбрии Эдбертом и с бриттами Уэльса.

Большую роль играло также богатство Мерсии: грамоты сообщают о сборщиках дани и о процветающих соляных копях в Дройтвидже (Вустершир); нумизматы указывают на большое количество денег в обращении, археологи — на рост городов. Эта экономическая «надстройка», от которой получал большую прибыль сам король, поддерживалась солидной аграрной базой — плотно заселенными и хорошо обрабатываемыми земельными владениями. Богатые короли могли привлекать и оплачивать лучших ремесленников и лучших воинов. В этом одно из объяснений успеха Этельбальда. Другое заключается в развитии институтов государственного управления, хотя в этом вопросе многое остается до сих пор неясным. Весьма вероятно, что именно Этельбальд смог осуществить такие грандиозные проекты, как создание оборонительных укреплений в Херефорде и строительство земельного сооружения, известного под названием Wat's Dyke "Вал Уата» (протяженностью в сорок миль от устья реки Ди во Флинтшире и дальше на юг вплоть до р. Северн около Шрузбери). Если это допущение верно — хотя, как и многое другое в англосаксонской истории, оно все-таки остается допущением — то для осуществления этих работ Этельбальду приходилось привлекать массу рабочей силы под управлением королевских чиновников.

Средством оценки количества работ, возлагавшихся на население в пользу короля, выступал так называемый «гайд». Первоначально это была мера земли, но к данному периоду это была условная мера, соответствовавшая размеру повинностей, которые должны были выполнить королевские подданные — целый народ (племя) или отдельный землевладелец. Так, например, имение в Бэтсфорде (Глостершир), пожалованное

Этельбальдом епископу Вустерскому, было оценено в восемь гайдов. Самый поразительный документ англосаксонской администрации — это так называемый Tribal Hidage «Племенной поземельный налог». Это список подчиненных Мерсии племен, оцененных в гайдах (видимо, согласно численности населения и обрабатываемой ими земли), с целью взимания с них дани или привлечения к исполнению повинностей в пользу государства — например, южные саксы были оценены в семь тысяч гайдов, а люди маленького княжества Эльмет — всего в шестьсот гайдов. Хотя документ этот мог быть составлен в интервале примерно между 630-860 гг., но высока вероятность, что он принадлежит царствованию Этельбальда или его преемника Оффы. Он многое освещает в тех людских и материальных ресурсах, которыми распоряжались мерсийские короли.

Отношения Этельбальда с церковью освещены несравненно лучше. В 745-746 гг. Бонифаций и семь других епископов-миссионеров написали Этельбальду письмо, осуждающее его за образ жизни и характер правления. В частности, они обвинили его в нарушении церковных привилегий, присвоении церковных доходов и незаконном привлечении священства к государственным работам. Этельбальд попытался ответить на критику Бонифация: в 749 г. на соборе Гамли (Лестершир) был издан документ, определяющий пределы повинностей, которые клир обязан был нести в пользу государства (сюда относились сооружение и защита оборонительных сооружений). Этот документ, нелегкий для интерпретации, показывает, что Этельбальд действительно пытался использовать огромные ресурсы церкви при осуществлении своих светских планов, что, несомненно, увеличивало его власть.

Письмо Бонифация, в котором он открыто осуждает короля за блуд (особенно любовные связи с монахинями) и эксплуатацию церкви, наложило отпечаток на образ Этельбальда в памяти потомков. При этом как-то легко забывают о том, что сам Бонифаций хвалил Этельбальда за веру, и благотворительность, и поддержание прочного мира, который наступил в его царствование. Этельбальд жаловал земли недавно основанным монастырям, содействовал созыву собора в Кловешо и лично присутствовал на нем вместе с кентерберийским архиепископом Кутбертом (а собор этот едва ли мог быть созван без санкции короля). Возможно, Этельбальд не отвечал самому высокому идеалу христианского правителя, но ведь в лице Бонифация он столкнулся с человеком чрезвычайно строгих религиозных норм.

Несомненно, Этельбальд был очень сильным правителем и потому у него были враги (один из современников даже охарактеризовал его как тирана). Он умер насильственной смертью через сорок один год после начала правления: в 757 г. с ним расправились его приспешники (причины вражды остались неизвестны). Этельбальд похоронен в Рептоне, в склепе под монастырской церковью, который по всей видимости был сооружен при его содействии как усыпальница мерсийских королей.

ОФФА

OFFA — король Мерсии (757-796 гг.),
строитель самых крупных земляных сооружений
в раннесредневековой Европе (Вал Оффы)
и самый значительный англосаксонский правитель
до Альфреда

Подобно Этельбальду, своему предшественнику в Мерсии, Оффа состоял родстве с королем Пендой. В 757 г. ему пришлось бороться за мерсийский престол с соперником по имени Беорнред. Господство Мерсии в южной Англией пошатнулось после убийства Этельбальда — Оффа упорно восстанавливал его, подчинив Кент к 764 г. и Сассекс к 771 г. Беорхтрик Уэссекский (786-802 гг.) признал власть Оффы после женитьбы на одной из его дочерей в 789 г. Оффа властвовал над Восточной Англией, и даже Нортумбрия готова была подчиниться ему, так как ее король Этельред в 792 г. женился на другой дочери Оффы. С 774 г. Оффа часто именуется в грамотах «королем англов». Как и любой другой правитель того времени, Оффа вынужден был в жестоких битвах отстаивать свое первенство. Немало хлопот доставил ему Кент: в 776 г. армия Оффы потерпела поражение в Отфорде, и в течение девяти лет господство Мерсии над Кентом находилось под вопросом. Оффа изгнал Эгберта, антимерсийского претендента на престол в Уэссексе, а в 794 г. казнил Этельберта, короля восточных англов (позже был прославлен как святой), уничтожив также местные королевские династии в Сассексе и Линдси.

Оффа был способным и удачливым военачальником. Но не одним этим завоевал он себе славу. Возьмем Вал Оффы. Это огромное земляное сооружение определяет границы между Мерсией и Уэльсом и состоит из траншеи с западной стороны и насыпи высотой в двадцать пять футов с востока (общая ширина сооружения шестьдесят футов). Насыпь укреплена деревянным частоколом, а в некоторых местах — каменной стеной. Граница, которую этот вал должен был защищать, тянулась на сто пятьдесят миль, в два раза превышая

протяженность Вала Адриана. Это было поразительное сооружение, которое требовало не только материальных ресурсов, но и четкой организации труда. Спланировать и осуществить инженерную работу такого рода мог лишь человек весьма недюжинных способностей. Для сравнения: в 793 г. Карл Великий спланировал и начал претворять в жизнь проект по рытью канала, который должен был соединить реки Дунай и Майн, но оставил его, не успев продвинуться и на тысячу метров.

Другой пример — чеканка монет. В третьей четверти VIII в. короли Кента начали выпускать новые серебряные пенсы (denarii), частично по образцу новых франкских монет, отличавшиеся по весу, составу драгоценного металла и узору от прежних англосаксонских монет. Когда в 785 г. Оффа восстановил контроль над Кентом, он присвоил монетный двор в Кентербери и заставил чеканщиков выбивать свое имя на монетах (его другие монетные дворы находились в Мерсии, Восточной Англии и Уэссексе). Когда в начале девяностых годов Карл Великий слегка изменил вес франкского пенса, Оффа последовал его примеру. Свидетельством тому служат сохранившиеся монеты, которые неопровержимо доказывают твердый контроль короля над выпуском денег.

Существование в Кентербери монетного двора и было одной из причин, по которой Оффа стремился овладеть Кентом. Другой причиной была архиепископская кафедра. Архиепископ Иенберхт (765-792 гг.) возглавил оппозицию Оффе в семидесятые и восьмидесятые годы — в ответ Оффа принял самые решительные меры. Папский легат, прибывший в Англию в 776 г., санкционировал настоящую революцию в английской церковной жизни: в следующем году Оффа навязал

церковному собору (прозванному «бранчливым») постановление, согласно которому епископская кафедра в Личфильде превращалась в архиепископскую, что уменьшало права Кентербери на мерсийской территории. Архиепископская кафедра Личфильда недолго сохраняла свой новый статус, который был отнят у нее после смерти Оффы (в 801-803 гг.), однако пока статус сохранялся, он значительно увеличивал власть Оффы в церковных делах. Одним из первых плодов этой власти было помазание его сына Эгфрида на царство в 787 г. — это вообще было первое известное королевское миропомазание в Англии (Оффа, вероятно, следовал примеру Карла Великого, который помазал своих сыновей в 781 г.). Цель была ясна — посредством торжественного церковного обряда Оффа стремился сделать королевскую власть наследственной, то есть обеспечить ее передачу от отца к сыну. Любопытно, что примерно к тому же времени относится первая письменная фиксация генеалогии мерсийского королевского дома.

Желание Оффы обеспечить Мерсии собственную архиепископскую кафедру имело под собой не только политические основания. Увеличением числа кафедр были озабочены во времена Карла Великого церковные реформаторы на континенте (и среди них Алкуин, который сопровождал папского легата в Мерсию), ибо оно отвечало их стремлению улучшить попечение пастырей о своей пастве. Оффа сознавал всю ответственность, которая лежала на нем как на христианском правителе. Собор, который он проводил совместно с папскими легатами, принял решение об изменении церковного законодательства. Оффа основал несколько монастырей, среди них монастырь в Сент-Олбане (носивший имя британского первомученика). Он

украсил раку св. Освальда, и примечателен сам его интерес к культу этого воина-святого. Известно, что Оффа владел экземпляром рукописи «Церковной истории рода англов», и это произведение Бэды, возможно, повлияло на его представления об обязанностях короля. Судя по некоторым косвенным свидетельствам, Мерсия VIII-IX вв. имела процветающую христианскую культуру: нетрудно себе представить, насколько по-иному выглядела бы для нас картина монастырской жизни Мерсии, если бы в Рептоне или ином месте нашелся бы продолжатель дела Бэды. Но если он и в самом деле нашелся, труд его погиб в результате разрушения мерсийской культуры викингами.

Итак, Оффа — не просто могущественный вождь, пирующий со своей дружиной в «медовом зале». Оффа — правитель с истинно государственным мышлением, трезвый политик и тонкий дипломат, который умел поддерживать отношения с Карлом Великим. Несомненно, англо-франкские контакты были более интенсивными, чем это отражают источники. Торговля через Ла-Манш играла в дни Оффы более значительную роль, чем в дни Инэ или Этельбальда. Если к 790 г. в Англии циркулировало около пяти миллионов серебряных пенсов, естественно задаться вопросом, откуда брался драгоценный металл, ибо залежи серебра в стране были ничтожны: серебро должно было поступать из-за границы в обмен на товары.

К счастью, сохранилось письмо Карла Великого от 796 г., адресованное Оффе, в котором упоминается экспорт английских текстильных товаров во Францию. Это первое упоминание той продукции, которая в дальнейшем составит главный предмет английского экспорта — шерстяные ткани и шерсть английских овец. И если торговля могла явиться темой переписки двух монархов, то это

подчеркивает ее значение для обоих. Разумеется, в письме обсуждались и другие вопросы: заключение брачных союзов, предоставление политического убежища во Франции анлийским изгнанникам, обмен подарками, проход направлявшихся в Рим паломников по территории Франции, и т.п. Представители франкской церкви присутствовали на английском соборе в 786 г., а духовные лица из Англии посетили в 794 г. собор во Франкфурте, на котором председательствовал Карл Великий. Франция Карла значительно превосходила Мерсию Оффы по своему политическому весу — но не по сложности стоявших перед ней задач. Как правители, Оффа и Карл были сделаны из одного теста.

Глава 5

ЗАЩИТНИКИ АНГЛИИ

//////////////////////

1. НАБЕГИ ВИКИНГОВ: КОНФЛИКТ ПОРЯДКА И ХАОСА

Девятый век открывает новую страницу в истории Англии: англосаксам пришлось первыми столкнуться с такими грозными и опасными противниками, какими оказались на европейской арене скандинавские викинги. Разорение Линдисфарнского монастыря в 793 г. служит началом тех бедствий, которые предстояло перенести на Британских островах наследникам Августина и Бэды. В таком контексте понятными становятся сто лет спустя сетования Альфреда — победителя датчан! — по поводу упадка грамотности и образованности в Англии (как по ту, так и по эту сторону Хамбера). Вместе с тем, как это ни парадоксально на первый взгляд, именно подобная культурно-политическая ситуация в конечном итоге способствовала объединению страны вокруг королевства Альфреда и создала предпосылки для дальнейшего взлета культуры и государственности не только в Уэссексе, но и по всей Англии.

Понятно, однако, что в связи с этим уходят в прошлое все те конфликты, религиозные и светские, которые волновали Англию до IX в. — им на смену приходит элементарный конфликт порядка и хаоса, за которым маячит и другой, почти гамлетовский

вопрос: «Быть или не быть Англии как культурно-политическому целому?». Вся острота этого вопроса, понятная и значимая с позиций европейского сообщества XXI в., вовсе не была столь же очевидной для современников Альфреда: некоторые из них все еще осознавали себя «мерсиями» или «уэссексцами» более, чем «англосаксами», а некоторые и вовсе были готовы принять скандинавское владычество.

Эпоха «защитников Англии», членов уэссекской королевской династии, которая достигает расцвета в лице Альфреда Великого и подготавливает мирное царствование его правнука Эдгара, может быть в свою очередь поделена на три периода — предшественников, современников и наследников Альфреда. Это деление позволяет выявить, соответственно, предпосылки, развитие и разрешение конфликта между правителями Уэссекса и их скандинавскими противниками. Однако при описании типов конфликтов можно и отказаться от этого условного деления. Борьба с внешним врагом оказалась для того времени важнее внутренних столкновений между знатными родами или противоречий культурного плана, тем не менее последние не исчезают из жизни английского общества насовсем — они лишь приобретают скрытый характер.

Дед Альфреда приходит к власти после продолжительных военно-политических конфликтов с правителями Мерсии, в результате которых ему подчиняется вся южная Англия (Сассекс, Эссекс, Кент), господство же его в самой Мерсии и Нортумбрии оказывается непродолжительным. Отзвуком конфликтов внутри мерсийской знати служит убийство принца Вигстана, канонизованного как святого — его культ используется последующими правителями Англии для увеличения своего

авторитета, как и культ св. Свидуна, одного из ранних епископов Винчестера (города, которому предстояло стать столицей Уэссекса). Эгберт и сын его Этельвульф, отец Альфреда, не щадили сил и для налаживания добрых отношений с архиепископами Кентерберийскими — власть церкви рано была осознана как средство, способное залечить раны, наносимые внутригосударственными конфликтами.

Этельвульф, сын Эгберта, принял особые меры для поддержания мира и порядка среди своего многочисленного потомства: преимущественное право распоряжаться отцовским наследством получал наследник престола, при передаче которого между братьями должен был строго соблюдаться принцип старшинства. Принцип сработал, хотя случайность (большинство из братьев умерли рано) играла в гармонии этого семейства едва ли не большую роль, чем уважение к воле отца. Во всяком случае, отдельные попытки узурпации власти не имели успеха внутри этой династии и в дальнейшем, хотя и здесь значительная доля принадлежит случаю (ситуация ранней смерти была характерна и для внуков Альфреда). Вместе с тем нельзя сбрасывать со счета и преданность знати своему уэссекскому правителю (которая явно ослабевает в дальнейшем, к концу X-XI вв.): ярким примером служит преданность мерсийского правителя Этельреда Эдварду, сыну Альфреда, или преданность «Почти-короля» Этельстана (прозвище свидетельствует о его необычайном могуществе), правителя Восточной Англии, своему царственному тезке Этельстану (старшему внуку Альфреда) и его братьям. Проблема деления власти между братьями мало характерна для эпохи «защитников Англии» — напротив, со всей остротой она встанет перед будущими поколениями «строителей» английской государственности (достаточно указать на

внутрисемейный конфликт «Эдвиг — Эдгар» и «Эдвард — Этельред» при передаче престола во второй половине X в., не говоря уже об открытой борьбе наследников Этельреда и Кнута в XI в.). «Хаос» вносили в общественную жизнь пиратские набеги скандинавов — внутренние дела государства были еще в «порядке», основание которому положила законодательная деятельность Альфреда.

В центре событий IX-первой половины X в. стоит беспрерывно возобновляющийся военный конфликт между скандинавами и англосаксами, который, однако, на протяжении полутора столетий постепенно меняет свой характер. В первой половине IX в. викинги атакуют, англосаксы обороняются, причем стычки носят спорадический характер. Во второй половине IX в. отдельные столкновения приобрели характер национального кризиса и едва не стоили Уэссексу потери независимости (королевские династии других областей Англии пали под ударами врага). Разрешением этого конфликта Англия обязана Альфреду Великому, которого с тех пор она почитает как первого «стража порядка», который не только отбил атаки викингов, но и сумел договориться с ними, заключив знаменитый Уэдморский мир.

Но Альфред был не только умелым тактиком и дальновидным стратегом — он одним из первых поднял проблему управления государством на почти философский уровень, поставив во главу угла образованность и «законопослушность» своих граждан. Просветительская деятельность Альфреда, которая ориентировала Англию на освоение книжной культуры континента и поддержание христианских оснований власти правителя, выступает не менее мощным орудием в его борьбе со скандинавами. Альфред был первым из

английских королей (не побоимся присвоить ему столь широкий для данной эпохи титул), который вменил в обязанность компетентному правителю союз «воинственности и мудрости» (wig ond wisdom, по его собственному выражению). Однако последовательное проведение подобной политики было чревато новыми внутригосударственными конфликтами, которые впервые зарождаются в правление Альфреда. Не все из его подданных были довольны его жесткой политикой по строительству оборонительных сооружений, реорганизации армии, увеличением меры ответственности за уголовные и государственные преступления; так же как не все из церковных деятелей одобряли его посягательства на церковную собственность в целях укрепления государства или его проекты по возрождению монастырей (вспомним покушение на Джона Сакса после его назначения аббатом Этельни).

Однако Альфреду весьма повезло на панегиристов — источники мало отражают эти подспудно назревавшие конфликты, которым суждено было в полную силу развиться лишь к концу англосаксонского периода. На поверхности политической жизни конца IX в. мы видим короля, окруженного преданными ему учеными друзьями и церковными администраторами (ничего похожего на противостояние «Вильфрид — Эгфрид» в эпоху христианского просвещения Англии), которые поддерживают своего патрона во всех его начинаниях и принимают непосредственное участие в решении государственных вопросов (вплоть до планировки городов).

В первой половине X в., в период правления наследников Альфреда, ситуация резко меняется: теперь уже скандинавским правителям северной Англии приходится выдерживать атаки уэссекских королей и в конце концов уступить им власть на

завоеванных территориях. Успех был достигнут не сразу — его апогеем выступает воспетая англосаксонским поэтом «битва при Брунанбурге» (во время которой Этельстан с Эдмундом одержали блестящую победу над объединенными силами скандинавских и кельтских правителей британского Севера), однако лишь в правление Эдреда, когда был низложен последний скандинавский правитель Йорка Эйрик Кровавая Секира, вся Англия была объединена под эгидой Уэссекса. В сущности, Эйрик выступал уже более как приглашенный военный вождь, нежели подлинный правитель Нортумбрии, и погиб изгнанником.

С течением времени меняется и характер проблем, которые вставали в Англии перед чужеземными захватчиками, и сам образ последних. Если Эгберту приходилось отстаивать свою власть перед почти легендарной фигурой Рагнара Кожаные Штаны, который искал лишь приключений и добычи, то Этельвульфу и Альфреду пришлось столкнуться с его более организованными и решительными потомками, которые стали на английской земле поселенцами и правителями. Конфликт со скандинавскими поселенцами не мог быть разрешен одной лишь силой (как пытались разделаться на западе с потомками Ингимунда) — после отвоевания севера встала проблема их интеграции в англосаксонское общество. И если военные столкновения усугублялись религиозными конфликтами (англосаксонские летописцы с особым ужасом отмечают поругание язычниками-викингами церковных святынь), то сглаживанию этнических различий между англосаксами и скандинавами служила христианизация последних, начало которой было положено крещением самого Гутрума по настоянию Альфреда (Гутрум впоследствии немало способствовал

распространению в Восточной Англии культа св. Эдмунда, убитого викингами).

Наконец, благотворный вклад в разрешение англо-скандинавского конфликта внесла деятельность выходцев из скандинавских слоев на пользу английского государства: так, Ода, сын одного из сподвижников Хальвдана, сделал блестящую церковную карьеру, получив звание архиепископа Кентерберийского, и немало способствовал подготовке монастырского возрождения в эпоху Эдгара Миротворца.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АЛЬФРЕДА

ЭГБЕРТ

EGBERT— король Уэссекса (802-839 гг.), дед Альфреда Великого, первый правитель, при котором произошло возвышение Уэссекса в IX в.

Эгберт претендовал на родство с Ингельдом, братом Инэ Уэссекского. Его отец Эльмунд на короткое время захватил власть в Кенте в 784 г., возглавив оппозицию против мерсийского короля Оффы. Когда в 786 г. умер король Кента Кюневульф, Эгберт вместе с Беорхтриком оспаривал право на престол. Беорхтрик, ставленник Оффы, победил, а Эгберт отправился в ссылку во Францию, но в 802 г., по смерти Беорхтрика, возвратился и в результате успешного переворота стал королем Уэссекса.

В течение следующих двадцати трех лет Эгберт мирно правил независимым Уэссексом, но о

них почти не сохранилось сведений. Затем последовал бурный период. В 825 г. он нанес поражение Беорнвульфу, королю Мерсии, в битве при Эллендуне (ныне Ротон в Уилтшире), а вслед за тем отправил своего сына Этельвульфа на восток отвоевывать у Мерсии Кент, Сарри, Сассекс и Эссекс. К нему за помощью обратились также восточные англы, которые восстали против мерсийского господства. В течение нескольких лет мерсийский престол переходил из рук в руки, и могущественная мерсийская держава начинала разваливаться. В 829 г. Эгберт завоевал Мерсию, опустошил часть Нортумбрии и наложил дань на короля Эанреда. В течение короткого времени он господствовал над всеми английскими королевствами. Но в 830 г. Мерсия сбросила уэссекское господство, и в конце царствования власть Эгберта была ограничена Уэссексом и юго-востоком Англии.

Иногда Эгберта называют “королем всей Англии”. Это мнение базируется на трактовке событий в “Англосаксонской хронике”, которая была сложена во времена правления внука Эгберта Альфреда и нацелена на прославление уэсссекской королевской династии. Превосходство Мерсии не кончилось вместе с Оффой. Мерсия IX в. могла страдать от династической нестабильности, но она дала и такие внушительные фигуры королей, как Кенвульф (796-821 гг.), Виглаф (827-840 гг.) и Беорхтвульф (840-852 гг.). Далее, на севере, нортумбрийский король Эанред продолжал управлять обширным королевством, которое простиралось от Хамбера до Ферт-оф-Форта: подчинение его Эгберту в 829 г. было непродолжительным.

Тем не менее, правление Эгберта имело все же очень важные последствия. Во-первых, он утвердил

превосходство Уэссекса над королями бриттов на юго-западе благодаря целой серии военных походов (815, 825, 830 и 838 гг.). Во-вторых, его аннексия юго-восточной Англии в 825 г. стала окончательной. Кент был превращен королями Уэссекса в испытательную площадку для постижения науки государственного управления: Эгберт доверил Кент своему сыну Этельвульфу, а тот передал его своему сыну Этельстану. Эгберт и Этельвульф не щадили сил для того, чтобы наладить добрые отношения с архиепископами Кентерберийскими — они хорошо усвоили уроки Оффы. В частности, они стремились сформировать благосклонное отношение кентерберийской кафедры не только к отдельным членам уэссекской династии, но и ко всей династии в целом, чтобы (выражаясь их собственными словами) “мы и наши наследники могли и впредь поддерживать нерушимую дружбу с вашим архиепископом и всеми его преемниками”. Они пытались избежать ловушки династической нестабильности, в которую часто попадали Мерсия, Нортумбрия и их франкские соседи за морем. Своим преуспеванием в этом отношении они были обязаны не только удаче, но и прозоливости. Наконец — и это не менее важно — Эгберт показал, что он умеет справляться с новыми врагами, викингами. В 835 г. викинги опустошили о-в Шеппи, а в 836 г. нанесли Эгберту поражение при Кархэмптоне. Но когда в 838 г. они объединились с юго-западными бриттами, Эгберт нанес им сокрушительный удар при Хингстон Дуне в Корнуолле. Своей последней битвой Эгберт доказал, что даны уязвимы.

СВ. КЮНЕХЕЛЬМ (КЕНЕЛЬМ)

ST. CYNEHELM, KENELM, умер около 812 г. — сын короля Кенвульфа (796-821), убиенный мерсийский принц, прославлен как святой

Историческая реальность Кенельма подтверждается его собственноручными подписями под грамотами, составленными в 803-811 гг. Обстоятельства его гибели неясны. По-видимому, он был похоронен в монастыре Винчкомб (Глостершир), который был основан королем Оффой и находился под покровительством Кенвульфа. Жизнь монашеской общины Винчкомба замерла на грани IX-X вв., но возродилась около 970 г. благодаря усилиям Освальда, епископа Вустерского. Мартиролог, составленный около 980 г., определенно причисляет Кенельма к разряду мучеников, и это первое свидетельство его культа. Культ Кенельма процветал в XI в.: около 1050 г. было сочинено описание его смерти, во многом легендарное. Другим подтверждением культа служит изготовленная в Винчкомбе во второй четверти XI в. великолепная рукопись Псалтири, ныне пребывающая в Кембридже. Мощи Кенельма служили предметом поклонения в Винчкомбе вплоть до конца средневековья.

СВ. ВИГСТАН

ST. WIGSTAN (WYSTAN), мерсийский принц, убиенный в 849 г. и канонизованный как святой

Вигстан был убит дальним родственником в династическом конфликте 849 г. и впоследствии объявлен святым. Местный культ его сложился в Рептоне, где он был похоронен. Недавние раскопки в Рептоне позволили обнаружить сооружение целой

системы проходов, облегчавших доступ к раке, где покоилось тело Вигстана, что свидетельствует о широком поклонении его мощам. В правление Кнута мощи перенесены для еще более широкого поклонения в монастырь Эвеншем, где культ святого процветал на протяжении всего средневековья.

СВ. СВИДУН

ST. SWITHUN — епископ Винчестерский (852-862 гг.)

Очень мало известно о Свидуне за пределами его епископского правления. Пост в Винчестере указывает на тесные связи с королевской семьей. Сложившееся уже после смерти предание говорит о том, что он был воспитателем короля Этельвульфа и его ближайшим советником. Посвященная ему поэма (сложена столетие спустя после его кончины) приписывает ему заслугу сооружения каменного моста через реку Итчен неподалеку от Винчестера. На его епископское правление приходится сильнейшая атака данов на Винчестер. В сущности, немного можно сказать о Свидуне кроме того, что он вел себя достойно в трудные времена.

Местный культ Свидуна как святого, возможно, расцвел в Винчестере вскоре после его смерти. Но настоящую посмертную славу подарил Свидуну в X в. его наследник на Винчестерской кафедре, епископ Этельвольд. В 971 г. по инициативе Этельвольда мощи Свидуна были перенесены в новую великолепную раку, заказанную самим королем Эдгаром для Винчестерского собора, где начали совершаться чудеса, так что на поклонение стали стекаться паломники не только со всей Англии, но и из северной Франции. В девяностые годы X в. святость и чудеса Свидуна прославили латинскими стихами и

прозой два винчестерских писателя — Вульфстан и Лантфрид, а также Эльфрик в его «Житиях святых». Это мощное развитие культа святого было связано со стремлением Эдгара и Этельвольда увеличить славу и величие Винчестера как королевской резиденции и центра английского благочестия.

Культ Свидуна процветал в течение всех средних веков. Сейчас о нем напоминает разве что поговорка насчет погоды, сложившаяся в XVI в.: «коль дождь пойдет в Свидунов день (15 июля), то сорок дней подряд ему идти не лень». Что же, столь капризный элемент английского климата и впрямь иногда повинуется этой поговорке.

РАГНАР КОЖАНЫЕ ШТАНЫ

RAGNAR LOTHBROK, умер в 852-56 гг. – вождь викингов,
известный своей грабительской деятельностью
во второй четверти IX в.

Большинство историков верят, что Рагнар на самом деле жил в это время, но его жизнь и деятельность едва ли когда-либо получат достоверное описание. И дело не в скудости материалов, а скорее в обилии легендарных сведений, имеющих к тому же позднее происхождение. Те немногие, что относят к самым ранним, весьма лапидарны и нелегко поддаются интерпретации. Поэтому всему, что написано о Рагнаре, можно верить лишь с той или иной долей вероятности.

Рагнар был вождем датско-норвежской военной элиты. Сфера его влияния простиралась во все стороны от Зеландии и других островов в проливе Каттегат, который отделяет Данию от южной Швеции. Основу его мощи составлял флот и

господство на море. Молодые воины, что шли к нему на службу, искали приключений и добычи — эти награды были условием их верности, которая подтверждалась в грабительских походах. Подобные дружинные отряды существовали прежде и у англосаксов в Британии — предводителем такого отряда был, вероятно, св. Гутлак до его обращения. Викинги, по сути дела, паразитировали на грабеже богатых побережий Северного моря, куда они имели доступ благодаря своему превосходному флоту. Следы Рагнара находят на Оркнейских и Гебридских островах. Возможно, он скрывается под именем Регинхеруса, который, согласно современным франкским источникам, поднялся вверх по Сене и в 845 г. ограбил Париж. В 851-52 гг. он сражался в Ирландии с норвежцами, которые основали Дублин в 841 г. Вскоре Рагнар погиб, скорее всего во время похода на Англси и северный Уэльс.

Рагнар получил свое прозвище по своим волшебным кожаным штанам, которые якобы были выварены в дегте и делали его неуязвимым. Согласно легенде, он погиб от руки короля Элле из Нортумбрии, который открыл секрет его штанов, раздел его и бросил в змеиный ров, где тот скончался. Легенда эта была скорее всего создана сыновьями Рагнара в оправдание их завоевательного похода в Нортумбрию в 866 г. Весьма вероятно, однако, что и Рагнар прежде побывал в Нортумбрии.

Первая достоверная дата появления викингов у берегов Англии — это 793 г., когда был разграблен монастырь Линдисфарна, хотя весьма вероятно, что спорадические набеги, о которых не сохранилось сведений, случались и ранее. Заморские походы викингов были вызваны целым рядом взаимосвязанных причин. Богатые залежи

железной руды в Скандинавии способствовали распространению железных орудий, что сделало возможной более интенсивную обработку земли и вызвало демографический взрыв, который не мог быть разрешен ограниченными природными ресурсами Скандинавского полуострова. Технические достижения вызвали к жизни такие чудеса кораблестроительного искусства, как Гокстадская ладья (около 880 г.) и открыли пути по Северному морю и Атлантике. Наплыв серебряных слитков из исламских стран Востока, хорошо подтверждаемый археологическими данными, в обмен на рабов и древесину, создал новые возможности для развития кораблестроения, оружейного дела и торговли и привел к возникновению богатой элиты, предприимчивой и жаждущей наживы. Усиление власти военных вождей в Дании и Норвегии, обладателей этого нового богатства, приводило к бесконечным распрям внутри страны и вызывало отъезд воинственных и знатных людей за море.

Вот с такого клубка противоречий внутри древнескандинавского общества начинались походы викингов на запад. И запад предоставлял им такие возможности, о которых они могли только мечтать: английские, франкские и ирландские королевства были богаты, но мало защищены, и тем привлекательны для мародеров. Кто станет селиться на Оркнейских островах или в Исландии, когда Линкольншир, Лейнстер или Нормандия были открыты для завоевателей? Кто посягнет на скромные молельни на Гебридах, когда богатейшие обители Ярроу или Келля легко открывали ворота перед захватчиками? Естественной реакцией на эти возможности и было появление в западных водах тысяч хорошо экипированных судов под предводительством настроенных на грабеж знатных

людей. Рагнар был одним из них. Его потомки пойдут дальше, предъявляя уже территориальные претензии.

ЭТЕЛЬВУЛЬФ

ETHELWULF – сын Эгберта, отец Альфреда Великого
и король Уэссекса (839-858 гг.)

Во времена правления Этельреда датские набеги на Уэссекс стали более многочисленными и частыми: Саутгемптон и Дорсет были атакованы в 840 г., Кент в 841 г, Лондон и Рочестер в 842 г., Сомерсет в 843 и 845 гг., Девон в 850 г., и в том же году армия данов в первый раз перезимовала на о-ве Танет. В 851 г. они обрушились на Лондон и Кентербери, потерпели поражение в Сарри, но вновь атаковали Кент в 853 г. В 854-855 гг. датское войско снова перезимовало в Англии, на этот раз в Шеппи.

Пострадали и другие части Англии. В 841 г. атакованы Линдсей и Восточная Англия, в 844 г. погиб король Нортумбрии, а мерсийский король Беорхтвульф потерпел поражение в 851 г., и датская армия начала опустошать внутренние районы Мерсии.

Этельвульф и его подданные оказали данам достойное сопротивление. Но трудно было эффективно противостоять врагу столь многочисленному, вооруженному и мобильному. Другие правители западной Европы столкнулись с той же проблемой, поэтому поучительно взглянуть на английский опыт в континентальной перспективе: зеркальным отражением норманнских баз на Танете и Шеппи были базы в Дублине и Нуармутье; атаки на такие торговые точки как Саутгемптон и Лондон были аналогичны набегам на

Дорштадт, Квентовик и Руан; после зимовки в Англии викинги пересекли Ла Манш и зазимовали во Франции в 851-52 гг.

Уэссекские короли IX в. имели тесные контакты со своими франкскими соседями: франкский аббат Лупус из Ферье (ученик ученика Алкуина) сообщает, что у короля Этельвульфа был секретарь из Франции по имени Феликс; второй супругой Этельвульфа в 856 г. стала Юдифь, дочь Карла Лысого, короля западных франков. Второй брак Этельвульфа был заключен в 855 г., во время его путешествия в Рим, куда его сопровождал младший сын Альфред. Биограф и современник папы Бенедикта III (855-858 гг.) дает перечень даров, которые Этельвульф возложил у мощей св. Петра: кроме всего прочего, там была золотая корона, отделанный золотом меч, золоттоканые облачения и завесы. Ассер сообщает в своем «Жизнеописании Альфреда», что Этельвульф предложил Риму ежегодную выплату трехсот золотых монет, что было «большой суммой денег», по выражению Ассера. Паломничество и приношения демонстрируют набожность и щедрость Этельвульфа, но они также обнаруживают его богатство. То же впечатление создают и другие источники. Лупус Ферьерский просит в письме короля Этельвульфа пожаловать его монастырю средства для новой свинцовой крыши монастырского храма: Ферье был известной обителью, связанной с именем Алкуина, и крыша его храма, просторного и вместительного, требовала, конечно, очень много свинца для покрытия.

Дома, в Англии, Этельвульф не менее щедро расточал пожалования монастырям, как о том свидетельствует целая серия дарений земли и привилегий уэссекским церквям в 854 г. Связанные

с этими пожалованиями документы трудны для истолкования, и между учеными до сих пор нет полного согласия относительно того, что же на самом деле там происходило. Ясно одно: Этельвульф мог позволить себе быть расточительным в отношении королевских земель, и по причинам, вполне понятным историку.

Ассер рассказывает, что Этельвульф еще при жизни принял меры, чтобы его сыновья наследовали друг другу королевский престол по старшинству, причем вступающему на престол разрешалось иметь свою долю в наследстве младших братьев. Таким образом должна была сохраняться гармония между фамильной собственностью королевского дома и королевским служением. Царствующий монарх мог быть обеспечен значительным королевским доменом, то есть материальными ресурсами для эффективного правления. Конституционные импликации этой схемы, возможно, не вполне осознавались ясно и самим Этельвульфом: он просто стремился распутать возникшую перед ним новую конфликтную ситуацию, которая требовала безотлагательного разрешения ради сохранения сильной власти в момент национального бедствия, каковым были набеги викингов (в отличие от своего отца Эгберта, который передал ему престол как единственному наследнику, Этельвульф был родителем пяти сыновей). Этельвульфу достаточно было взглянуть на своих франкских соседей, чтобы понять, какими родовыми распрями грозил неразрешенный конфликт. А его схема требовала лишь некоторого взаимного терпения со стороны временно лишавшихся наследства младших сыновей и потомков старших.

Гармония внутри семейства была, вероятно, все же более хрупкой и ненадежной, чем можно

было достигнуть путем самой большой предусмотрительности. В 855-56 гг. Этельвульф пребывал в отъезде, и его старший сын Этельбальд вместе с епископом Шерборнским и ольдерменом Сомерсета составили против него заговор. Неясно, боялся ли Этельбальд появления потомства во втором браке отца, или просто не одобрял введенного им порядка наследования, но последствия были самыми серьезными. Когда Этельвульф вернулся, его власть была ограничена Кентом и юго-востоком, а Уэссексом правил старший сын. Однако после смерти Этельвульфа в 858 г. задуманная им схема сработала: ему наследовал старший сын, а его младший брат Этельберт сел править в Кенте. По смерти бездетного Этельбальда (860 г.) на престол взошел Этельберт, после смерти которого стал править следующий брат Этельред (865 г.); по смерти же Этельреда ему наследовал в 871 г. самый младший из братьев — Альфред. Но у Этельреда остался сын Этельвольд, который позднее, уже после смерти Альфреда, пытался сместить своего двоюродного брата Эдварда, сына Альфреда.

Несомненно, однако, что успех плана Этельвульфа был обеспечен благодаря случайности: один из его сыновей умер ранее отца, трое других умерли довольно молодыми, и двое из них — бездетными. И все же тот факт, что Этельвульф смог выявить источник династической нестабильности и попытался принять против нее меры, показывает его высокий ум и политическую смелость. Один историк англосаксонского периода дал двусмысленную характеристику Этельвульфа, оценив его как «весьма набожного и лишенного честолюбия человека, которому приходилось заниматься войной и политикой лишь в силу своего звания короля». Это суждение серьезно

недооценивает его — он был сильным и способным правителем, чьи достижения послужили необходимой основой для подвигов его более знаменитого сына Альфреда.

ХАЛЬВДАН

HALFDAN, умер в 877 г. — вождь викингов, завоеватель северной Англии, правитель скандинавского королевства Йорка

Хальвдан был среди вождей тех крупных сил датчан («великого войска», по выражению летописца), которые высадились осенью 865 г. в Восточной Англии. Его предшественники, несмотря на многолетние усилия ученых пролить свет на это темное место истории, остаются неизвестными. Он мог быть сыном Рагнара Кожаные Штаны. У него были два брата, которые вместе с ним совершали походы в Британию, один из них фигура более легендарная, чем историческая — это Ивар Бескостый (именно с ним связывается предание о смерти Рагнара в змеином рву — мотив, который имеет аналогии в героических песнях «Старшей Эдды»).

«Великое войство» покорило три из четырех англосаксонских королевств за девять лет своего пребывания в Англии: первой пала Нортумбрия (в 866 г. был захвачен Йорк), потом пришла очередь Мерсии (868 г.), а в 869-70 гг. покорилась Восточная Англия (король Эдмунд погиб мученической смертью). И тогда даны двинулись на Уэссекс. Перезимовав в Рединге в 870-871 гг., они принудили короля Этельреда I к пяти тяжелым сражениям, окончательный исход которых был неопределенным. После этого армия Хальвдана получила подкрепление благодаря прибытию еще одного

датского войска, возможно под предводительством Гутрума. В Уилтоне соединенные силы датчан нанесли поражение королю Альфреду, который только что занял престол после смерти брата, и навязали ему унизительный мир. Они снова перезимовали в Рединге, а в 872 г. двинулись на Лондон, где вынудили мерсийцев на столь же позорный мир.

Однако в 873 г. наступила перемена. В Нортумбрии в тому времени правил скандинавский ставленник Эгберт. Годом ранее нортумбрийцы восстали и прогнали его. И вот в следующем году объединенные датские силы двинулись на Йорк, чтобы утвердить свою власть там, и назначили нового ставленника Риксига. Зиму 873-74 гг. они провели в Линкольншире, а летом напали на Мерсию, свергли ее короля и тоже поставили своего марионеточного правителя. Следующую зиму они провели в Рептоне (Дарбишир), самом древнем центре королевской власти в Мерсии. Так к концу 874 г. все три королевства — Нортумбрия, Мерсия и Восточная Англия — попали под власть датчан.

В 875 г. силы датчан разделились. Хальвдан повел свою армию назад в Нортумбрию, а Гутрум в Восточную Англию. Для Хальвдана 875 г. был весьма бурным: он опустошил Бернициию, северную часть Нортумбрии (именно тогда монахи Линдисфарна начали свои скитания по стране с мощами своего небесного покровителя, св. Кутберта); атаковал бриттов Стрэтчклайда и разорил пиктов, чтобы опеспечить себе господство на северо-востоке. Затем он сделал краткую остановку в Дублине и убил там норвежского правителя, а потом вернулся и зазимовал в долине р. Тайн. Однако желание утвердить свою власть в Ирландии не давало ему покоя, и по весне 877 г. он возвращается в Дублин, чтобы окончательно разгромить своих норвежских соперников. Он

потерпел поражение и был убит в морской схватке при Стрэнгфорде-Лох в Каунти-Даун.

В знаменитом отрывке из «Англосаксонской хроники», современной эпохе викингов, летописец отмечает, что в 876 г. Хальвдан «раздал землю в Нортумбрии, с тем чтобы они (то есть его датские приспешники) пахали и содержали себя сами». Вопрос о скандинавских поселениях в Англии (как и в Нормандии) вызывает много споров вследствие природы источников. Расположение, язык, археология и искусство англо-скандинавской Британии не могут дать удовлетворительно ответа по поводу хронологии, размеров и интенсивности скандинавского расселения и его долговременных последствий для структуры английского общества. Долговременные занятия проблемами сельского хозяйства, роста городов и тонкостями юридического характера привели к пренебрежению более крупными вопросами касательно интеграции иммигрантов в культуру англосаксонского мира. Например, не получили еще достойного истолкования вопросы о том, насколько быстро, в каких обстоятельствах, через чье посредство и с какими результатами скандинавские поселенцы приняли христианскую веру. Весьма примечателен тот факт, что сын одного из воинов Хальвдана (по-видимому, язычника), известный архиепископ Кентерберийский Ода, получил свой пост в 941 г. Этот факт может свидетельствовать о том, что иммигранты были готовы к вхождению в новую среду, а англосаксы — к их принятию.

СВ. ЭДМУНД

ST. EDMUND — король Восточной Англии (855-870 гг.),
мученически погибший от руки датских завоевателей

Ничего не известно о его жизни и правлении, кроме его мученического конца. Потерпев поражение от Хальвдана, он был убит, причем неясно, каким именно образом — он мог просто пасть в битве, но более вероятно, что он был казнен как датский пленник, и это позволило создать вокруг него ореол мученика за христианскую веру. Иногда предполагают, хотя и на довольно шатких основаниях, что он был принесен в жертву скандинавскому богу Одину.

В течение одного поколения после его смерти была выпущена монета с надписью «о, святой король Эдмунд!» — значит, установился культ поклонения ему. Эта серия монет, известная под названием «мемориальная чеканка короля Эдмунда», появилась в Восточной Англии, причем самые ранние выпуски были сделаны, по-видимому, датским королем Гутрумом. Этих монет было выпущено очень много: одна тысяча восемьсот была обнаружена при раскопках клада в Ланкашире в 1840, зарытого около 903 г. Надпись на монетах интерпретируется как способ распространения культа святого: монеты были не только средством обмена, но и орудием пропаганды.

Каким образом развивался культ Эдмунда в течение следующих трех поколений, до конца не известно. Описание кончины Эдмунда и последовавших за тем чудес составил в 985-87 гг. Аббо, крупный церковный деятель Франции и позже настоятель Флерийского монастыря, во время своего пребывания в монастыре Рамзи в Болотах (Fenland). Рамзи был незадолго до того основан Освальдом, архиепископом Йоркским. Возможно, он желал привить культ какого-нибудь святого в Восточной Англии наподобие того, как его современник Этельвольд распространил культ св. Свидуна в Винчестере. Аббо посвятил свой труд

Дунстану, архиепископу Кентерберийскому — в юности Дунстан встретил при дворе короля Этельстана очень пожилого человека, оруженосца Эдмунда, который был при короле Эдмунде в день его смерти. Ко временам Аббо мощи св. Эдмунда были перенесены в некое место под названием Беодриксворт, где о них заботилась сложившаяся вокруг христианская община. В двадцатые годы XI в. к ней проявили интерес король Кнут и королева Эмма. Они щедро наградили ее землей и привилегиями, так что эта община выросла в один из самых прославленных средневековых английских монастырей. Город вокруг этого монастыря до сих пор носит его имя.

А Л Ь Ф Р Е Д И Е Г О О К Р У Ж Е Н И Е

АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ

ALFRED THE GREAT, 849-899 гг. — король-просветитель Уэссекса (871-899 гг.), отстоявший независимость англосаксов в борьбе с викингами; самый прославленный из всех англосаксонских правителей

Альфред был младшим сыном уэссекского короля Этельвульфа. Двадцати двух лет он вступил на трон после преждевременной смерти своих старших братьев, поочередно сменявших друг друга на престоле: Этельбальда (858-60 гг.), Этельберта (860-65 гг.) и Этельреда (865-71 гг.).

Правление Альфреда пришлось на трудное время датского завоевания Британии. В период с 865 по 870 гг. датчане захватили Восточную Англию и Нортумбрию и вынудили к подчинению Мерсию. В 870 г. они расположились на зимовку в Рединге,

намереваясь двинуться на Уэссекс. Из пяти сражений зимой 870 г. и ранней весной 871 г. только битва при Эшдауне оказалась победой Уэссекса, однако его успех был поставлен под угрозу из-за прибывшего к викингам подкрепления. Ко времени восшествия Альфреда на престол в апреле 871 г. перевес сил был явно на стороне норманнов. В мае Альфред потерпел еще одно поражение в Уилтоне, после чего решил сложить оружие подобно мерсийцам. Согласно одной из версий, Альфред просто откупился от норманнов, в чем предвосхитил политику своего менее удачливого потомка Этельреда Неразумного. На несколько лет датчане действительно оставили Уэссекс в покое, занимаясь грабежами в Нортумбрии и Мерсии, но в 876-877 гг. под предводительством Гутрума сумели еще глубже проникнуть на территорию Уэссекса и утвердились вначале в Дорсете, а затем в Эксетере. Альфреду пришлось вновь откупаться от них, и летом 877 г. они удалились на мерсийскую границу, на свою новую базу в Глостере. Однако вскоре последовало новое вторжение, после чего в январе 878 г. датчане поселились в Чиппенхэме и подчинили себе значительные части королевства. Альфред был застигнут врасплох и не смог оказать сопротивления. С маленькой кучкой защитников он бежал на запад и нашел убежище в болотистых низинах Сомерсета. Именно к этому периоду относится некий легендарный эпизод его биографии, сообщающий о том, как король-воин недоглядел за подгоревшими в печи хлебцами. Однако сам этот эпизод мог сохраниться лишь как дань умиления, предвосхищающего будущие заслуги короля – умри Альфред в тот момент, в памяти потомков он остался бы лишь слабой тенью своего невезучего преемника.

Но Альфред выжил и выстоял. Весной 878 г. он подтянул войска и из крепости, сооруженной в Этельни, обрушился на датчан партизанской войной. К маю он был уже готов сражаться с ними в открытую. Он продвинулся на восток, получая помощь от местного населения, нанес сокрушительное поражение армии Гутрума и преследовал ее остатки до самого Чиппенхэма. Через две недели Чиппенхэм сдался, а Гутрум принял крещение и пообещал уйти из Уэссекса с миром, что и выполнил в том же году. К концу 884 г. армия викингов с территории Франции высадилась в Кенте и окружила Рочестер. Альфред освободил город, прогнал захватчиков, а в 885 г. выслал войско в Восточную Англию против поселенцев Гутрума, которые пытались помогать своим товарищам с континента. В 886 г. он занял Лондон и заключил договор с Гутрумом, после чего норманны не тревожили Уэссекс вплоть до 892 г. В эти мирные годы Альфред сумел провести военную реформу и приступить к культурной программе, благодаря которой вошел в историю как король-просветитель.

В 892 г. датчане вернулись, и обороноспособность Уэссекса была вновь подвергнута испытанию. Однако на этот раз норманны не смогли проникнуть глубоко на территорию Уэссекса и быстро получили отпор со стороны Эдварда, сына Альфреда. Хотя их тактика по-прежнему строилась на захвате укреплений, откуда они наносили удары по англосаксам, последним удавалось соревноваться с ними в мобильности, преследовать и выслеживать их, выбивая из укреплений и загоняя втупик, и с равным успехом оказывать им сопротивление на море. К лету 896 г. датские предводители осознали, что Уэссекс был слишком хорошо защищен для них, и армия их рассеялась – в Восточную Англию,

Нортумбрию и — через Ла Манш — во Францию. Последние три года жизни Альфред мог наслаждаться миром. Он скончался 26 октября 899 г. в возрасте около пятидесяти лет и был похоронен в Винчестере.

Военная реформа коснулась многих сторон жизни государства. В девяностые годы датчанам стало гораздо труднее проникать на территорию Уэссекса, ибо королевство было теперь окружено цепью крепостей-бургов, разбросанных по побережью от восточного Эссекса до северного Девона, в поддержании и защите которых были задействованы двадцать семь тысяч человек. Бурги, числом не менее тридцати, были разного типа – прежние римские форты (Чичестер), укрепленные королевские имения (Уилтон), застройки природных фортификаций (Лидфорд), искусственные сооружения на уязвимых открытых площадках (Линг). Однако крепости, рассчитанные на долговременную оборону, могли быть эффективным средством защиты лишь в соединении с мобильной армией. Нужна была ударная сила, не обязательно большая, но с хорошим снаряжением и на ходу. Старый «фюрд» – ополчение, поставляемое землевладельцами согласно размерам земельного участка – очевидно, не удовлетворял новым потребностям. Известное сообщение «Англосаксонской хроники» (под 893 г.) о том, что «король поделил свое войско надвое, так что половина его людей оставалась дома, а половина была на службе», как оказалось, допускает разную интерпретацию. Ясно, однако, что несмотря на сокращение размеров армии Альфреду удалось сделать ее более профессиональной и подготовленной, в достаточной мере экипированной вооружением, конницей и припасами.

Альфред также смог соревноваться с датчанами там, где они прежде господствовали – на море. Под 896 г. «Англосаксонская хроника» сообщает, что король «приказал построить длинные корабли, которые могли противостоять военным кораблям викингов. Они были почти вдвое длиннее прежних. На некоторых было шестьдесят весел, а на некоторых больше. И они были быстроходнее, устойчивее и выше прежних». Нельзя, конечно, назвать Альфреда основателем английского флота, но именно с его времен флот стал основой обороноспособности страны, что сыграло решающую роль в военных успехах его сына Эдварда. Биограф Альфреда Ассер и «Англосаксонская хроника» отмечают появление в королевском флоте фризских моряков, и это не единственное континентальное влияние в реформах Альфреда, на что косвенно намекает военная реформа IX в. в королевстве франков.

Возможно, именно этим служилым людям из Фризии обязана древнеанглийская поэзия столь проникновенными (и необычными на фоне возвышенных эпических тем) строками о фризской жене, которая встречает из плавания мужа-кормильца:

«Гвоздье — ладье укрепа,
а дереву щитовому —
обод железный,
а жене желанен,
супруге фризской,
корабль на якоре,
челн причаленный, –
встречает долгожданного
мужа-кормильца,
домой приводит,
сымет платье с него просоленное

отстирать и несет ему
новое…
Челн, морехода радость,
деньги от богатея,
от государя – жилище
будут корабельщику,
прибывшему из-за моря».[34]

Связи Альфреда с континентом имеют длительную предшествующую историю. Мальчиком он посетил Рим вместе со своим отцом, а в дальнейшем регулярно посылал туда пожертвования и получил по крайней мере одно письмо от папы Иоанна VIII. Сестра его Этельсвита, супруга мерсийского короля Бургреда, низложенного данами в 874 г., провела последние годы жизни в Италии, где и скончалась в 888 г. Отец Альфреда Этельвульф имел франкского секретаря, его второй женой была франкская принцесса, а дочь его от первого брака, Эльфтрита, была замужем за правителем Фландрии Бальдуином II. Альфред состоял в переписке с Фальком, архиепископом Реймсским, и пригласил к себе ученых из Франции, таких как Гримбальд и Иоанн. Составитель «Англосаксонской хроники» был хорошо осведомлен о делах франков. Все это позволяет нащупать более густую сеть связей с континентом, нежели прямые указания источников.

И не в одной только военной сфере был обязан Альфред достижениям своих франкских соседей. Во-первых, около 890 г. был составлен свод законов. Неизвестно, занимался ли подобной деятельностью кто-либо из англосаксонских правителей после Инэ, короля Уэссекса, жившего во второй половине VII в. (версия о законодательстве мерсийского короля Оффы поддерживается теперь далеко не всеми). Напротив, правители Франции в

[34] Цит. по: Древнеанглийская поэзия… С. 29-30.

то время, особенно Карл Лысый (умер в 877 г.), при чьем дворе побывал Альфред, беспрерывно издавали законы. Их влияние прослеживается хотя бы в той личной присяге, которой требовал Альфред от своих подданных. Во-вторых, франкская ювелирная техника отличает подвеску из драгоценного камня, надпись на которой гласит: «Альфред повелел меня сделать». Это драгоценное украшение найдено в 1693 г. в Сомерсете, недалеко от Альфредова монастыря Этельни. Его принадлежность Альфреду подтверждается сообщением Ассера, биографа Альфреда, о том, что «король собрал несметное число искусных мастеров со всех сторон». В-третьих, частичное франкское влияние заметно также в новой грандиозной застройке Винчестера – излюбленной резиденции короля, которая вмещала наряду с королевским дворцом собор, мужской и женский монастыри, монетный двор и обиталища придворных советников и купцов. Во времена Альфреда Винчестер был неким подобием Аахена в королевстве Карла Великого.

Подобно Карлу, Альфред был покровителем науки, но не в пример Каролингам он внес также огромный личный вклад в развитие просвещения – не только как администратор, но и как ученый. Альфред рассматривал свои усилия по восстановлению образования в обществе как необходимое условие выполнения своих королевских обязанностей по отношению к народу. Связь эта, не всегда понятная нам, была ясна Альфреду: вторжения датчан, несомненный знак гнева Божия, можно было одолеть не столько силой, сколько верой, а просвещение рассматривалось как самый верный путь к праведности. Сам Альфред выразился об этом так: «Вспомним, какая кара постигла нас в этом мире оттого, что мы не

пестовали свою образованность и не передавали ее другим»[35].

Забота о просвещении рассматривалась как первейшая задача христианского правителя. Для этого Альфред привлек целую команду ученых людей из разных стран: Плегмунд, архиепископ Кентерберийский с 890 г., был уроженцем Мерсии; оттуда же происходил епископ Вэрферт; Ассер, епископ Шерборнский, был родом из Уэльса; из Фландрии, из монастыря Св. Бертина, прибыл монах Гримбальд, а настоятелем Альфредова монастыря в Этельни был сделан Иоанн (Джон), уроженец континентальной Саксонии. Невольно напрашивается сравнение с деятелями «каролингского возрождения» во главе с Алкуином. Окружение Альфреда не в меньшей степени, чем окружение Карла, способствовало подготовке почвы, на которой вырастали интеллектуальные достижения последующих веков.

Личным вкладом Альфреда в возрождение учености был перевод «неких книг», по его собственным словам, «которые надо знать всем людям». Ребенком он овладел грамотой на родном языке, а взрослым выучился читать по-латыни и достаточно продвинулся в этом к 887 г. Альфред перевел три книги. Самым ранним (ок. 890 г.) был перевод «Заботы пастыря» папы Григория Великого, где описывался круг обязанностей епископа, который, однако, к тому времени (не без влияния франкской ученой традиции) осмысливался также и как круг обязанностей любого правителя, в том числе короля. Этой работе Альфред предпослал обширное введение, в котором обрисовал свой интеллектуальный и просветительский идеал. Другими двумя переводами были «Монологи» Св. Августина, епископа Гиппонского, и «Утешение

[35] Цит. по: *R. Fletcher.* Who is who… P. 132.

философией» Боэция. Последняя давала классический образец стойкости перед превратностями судьбы и мудрости как средства исцеления от земных невзгод, а первая говорила о бессмертии души. Свободный пересказ Альфредом этого текста позволил ему в ходе рассуждения на эту тему создать нечто вроде духовного автопортрета. Вдобавок к этим трем работам король начал (но не успел закончить) перевод «Псалтири» на древнеанглийский. В этих переводах Альфреду помогали другие члены его команды. Они перевели и другие книги, важнейшей из которых была «Церковная история рода англов» Бэды Досточтимого.

Книги эти были выбраны не случайно. Вместе они составляли нечто вроде энциклопедии, призванной возвратить не только знание, но и благочестие обществу, разоренному набегами викингов. Опять, как и во времена Бэды, истинное знание мыслилось как понимание работы Провидения в истории, внушение ответственности правителям и христианских устремлений – всему человечеству. Препринятые Альфредом переводы, вместе с единым сводом «Англосаксонской хроники» и «Законами», послужили тем «хлебом насущным», который содействовал духовному выживанию нации.

Впервые Альфред был назван «Великим» несколько столетий спустя, в хронике XIII в. Новое время создало нечто вроде культа «совершенной личности», перед которой склонялись владыки «Великой Британии» (достаточно вспомнить, что у королевы Виктории был сын по имени Альфред). Викторианская эпоха (разумеется, по следам Ассера) нарисовала идеальный портрет безупречно нравственного человека, заботливого семьянина,

стойко переносившего недуги и беспрестанно стремившегося к самосовершенствованию.

Трудно выйти сейчас за рамки этого идеала в оценке характера и деятельности Альфреда. Тем не менее реальность была сложнее образа. Некоторые косвенные свидетельства позволяют предположить, что Альфред был человеком своего времени, не столь еще далеким от своих суровых германских предков – завоевателем, который должен был искать способов расплатиться с дружиной, чтобы сохранить репутацию щедрого «кольцедробителя» — а не только кабинетным ученым и искателем истины. В самом деле, король, посылающий в 885 г. в Восточную Англию корабли, «полные воинов в поисках добычи», ведет себя скорее как викинг, чем образцовый государственный деятель. Письмо папы Иоанна VIII Этельреду, архиепископу Кентерберийскому, равно как и память об Альфреде в Абингдонском аббатстве, свидетельствуют о его посягательствах на церковную собственность. А обширная программа принудительных работ для населения по строительству бургов, как и драконовские меры против тех, кто осмеливался покушаться на жизнь короля, характеризуют его как жесткого политика, который не останавливался ни перед чем в осуществлении своих целей. Его достижения в известной мере покоились на основаниях, заложенных его отцом Этельвульфом, и на опыте его франкских соседей. По сравнению с другими английскими монархами ему чрезвычайно повезло на панегиристов.

Все это, однако, нисколько не умаляет его заслуг перед нацией, и Альфред несомненно остается самой интересной личностью своей эпохи. У него была страсть к порядку и практическим изобретениям (от новой конструкции кораблей до переносных фонарей), но вместе с тем он был

наделен незаурядным интеллектом и способностью к философским спекуляциям. Да и кто еще из королей занимался в возрасте тридцати восьми лет латынью? Его труды приоткрывают его необычайную любознательность и способность самозабвенно восхищаться всем новым (а как иначе могла прийти ему в голову мысль записать рассказы купцов о странствиях до самого Ледовитого океана!), но также и талант рассудительной саморефлексии по поводу своих христианских обязанностей как государя. Этим оправдывается мнение о нем одного англо-нормандского историка XII в.: «Он стоит на голову выше всех английских королей и до, и после него». Этого мнения не оспаривают и историки нашего времени.

ГУТРУМ

GUTHRUM, умер в 890 — вождь датских викингов, правитель Восточной Англии

Впервые появился в роли предводителя датских отрядов, обозначенных в “Англосаксонской хронике” как “великое летнее войско”, которое прибыло в Англию в 871 г., соединилось с силами Хальвдана и начало военную кампанию против Уэссекса. Гутрум и Хальвдан вместе ходили походами на Уэсссекс, Нортумбрию и Мерсию. В 875 г. силы датчан разделились: Хальвдан вернулся со свими приспешниками в Нортумбрию, а Гутрум повел свои войска в Восточную Англию, где они обосновались в Кембридже.

В 876 г. Гутрум нанес удар Уэссексу, совершив решительный бросок мимо уэссекских войск и проникнув в Уорхэм, сердце Англии. Альфред, оказавшийся в беспомощном положении, был вынужден купить мир. Но от Гутрума нельзя было

откупиться. Он проник еще дальше, в самую глубь Уэссекса, тщетно преследуемый Альфредом, и зазимовал в Эксетере. В августе 877 г. Гутрум вывел свои войска из Девона и вернулся в Мерсию, зазимовав в Глостере, однако в самом начале января 878 г. снова появился в Уэссексе и оккупировал Чиппенхэм. Это был бесстрашный налет, да к тому же предпринятый в середине зимы, когда военные действия обычно прекращались, и уэссексцы были застигнуты врасплох. Альфред бежал на запад в Этельни и нашел убежище в непроходимых болотах северного Сомерсета. Весь Уэссекс, казалось, лежал теперь у ног Гутрума. Однако Альфред нашел силы оправиться, получил подкрепление в Этельни и начал партизанскую войну против данов. В начале мая он двинулся на восток, собирая армию по пути. Решающее сражение состоялось в Уилтшире около середины мая: Гутрум потерпел поражение, и его армия бежала в Чиппенхэм. Две недели спустя даны согласились на перемирие, условием которого было крещение Гутрума, причем в роли крестного отца выступал сам король Альфред. Церемония состоялась в июне недалеко от Этельни, и Гутрум принял христианство вместе с англосаксонским именем Этельстан.

Гутрум вместе с армией мирно пребывал в Мерсии вплоть до 880 г., а потом датчане вернулись в Восточную Англию. По словам Ассера, биографа Альфреда, они “поделили землю и начали селиться там”, как поступили в Нортумбрии сподвижники Хальвдана в 876 г. Гутрум правил Восточной Англией вплоть до своей смерти в 890 г. О его правлении известно очень мало. Его войско оставалось потенциальной угрозой для короля Альфреда: например, в 884 г. оно присоединилось к армии викингов, которая высадилась в Кенте. Но сам Гутрум как будто всерьез воспринял свою новую

роль христианского короля. Он выпускал монету по образцу Альфреда, на которой было высечено его крестное имя Этельстан (именно в это время была выпущена также монета в честь погибшего от руки датчан в 870 г. и объявленного святым короля Эдмунда); он сотрудничал с Альфредом в 886-890 гг. по поводу составления договора, который определял их общую границу и был направлен на облегчение мирных сношений между англосаксами и скандинавами.

Договор Альфреда с Гутрумом показывает, что между англичанами и датчанами в то время уже существовали торговые связи. Письменные и археологические свидетельства обнаруживают экономический рост и процветание таких городов, как Норидж, Тэтфорд и Стэмфорд, с конца IX в. по XI в. Также процветали и другие города, где селились викинги — Йорк, Линкольн, Дублин и Руан. Торговля и грабеж не мешали одно другому. В этом состоит вклад скандинавов в раннюю средневековую экономику и социальную жизнь Англии.

АССЕР

ASSER, умер в 909 или 910 г. – ученый сподвижник короля Альфреда и автор его биографии

Родственник местного епископа, Ассер был уроженцем Уэльса и воспитывался в монастыре св. Давида, где стал монахом и принял священнический (а возможно и епископский) сан. В 885 г. король пригласил Ассера ко двору под впечатлением его необыкновенной учености. Ассер не сразу оставил родной монастырь и вначале делил свое время между Уэльсом и Уэссексом. Однако уже в 886 г. он сообщает о том, что «читал королю вслух те книги, которые тот желал и которые имелись под

рукой», а в 887 г. помогал ему совершенствоваться в латыни.

Поселившись в Уэссексе, он получает много земель, храмов, привилегий и богатств, среди последних были такие предметы роскоши, как упоминаемый им самим шелковый плащ. Около 894 г. король доверяет ему пост епископа Шерборнского – ответственный не только по размерам епархии (которая включала области Дорсета, Сомерсета, Девона и Корнуолла), но и по политическому значению (из памяти Альфреда еще не изгладился заговор, составленный одним из прежних епископов Шерборнских против его отца). Весьма вероятно, что придворное служение Ассера не ограничивалось сферой просвещения, но распространялось на все государственные дела – особую помощь мог оказать он королю в переговорах с правителями Уэльса, нередко поддерживавшими викингов.

Политическим целям отвечала, по-видимому, и написанная Ассером биография Альфреда, законченная к 893 г. Напыщенный тон и несуразная композиция, удивительные для произведения, прославлявшего короля при жизни, иногда заставляли исследователей считать ее более поздней подделкой. Несмотря на ее уникальность для англосаксонского общества той поры, легко различимы положенные в ее основу литературные образцы, а именно сочиненные в том же IX в. биографии Каролингов, особенно «Жизнь Карла Великого» Эйнхардта. Главной заботой Ассера было представить Альфреда как совершенного правителя – славного, милосердного, благочестивого, щедрого, справедливого, мудрого. Впрочем, основанием тому можно считать не только близкие по времени примеры, но и традиции дидактического историописания Бэды Досточтимого – автора,

весьма ценившегося при дворе Альфреда. Как и Бэда, Ассер не позволяет себе ни намека на внутригосударственные конфликты, умалчивая о спорных сторонах внутренней политики Альфреда. Впрочем, изредка они все же просвечивают сквозь выписанный в панегирических тонах портрет – в том случае, если служат назиданию несогласных с королевскими решениями. Примеры – печальная судьба тех, кто не желал участвовать в принудительных работах по строительству крепостей, или нелицеприятная характеристика племянника Альфреда, восставшего против своего кузена Эдварда черед год после смерти дяди.

Каковы бы ни были непосредственные мотивы написания биографического труда Ассера, ясно все же, что они выходили за рамки угождения обожаемому монарху и его семье. Скорее Ассер обращался ко всей правящей элите с целью поддержания в обществе идеалов государственного правления, работающих на достижение сплоченности нации. Нельзя не признать, что эти идеалы получили признание потомков.

ПЛЕГМУНД

PLEGMUND, умер в 923 г. — член ученой команды короля Альфреда

С именем этого уроженца Мерсии связывается топоним близ Честера, первоначальный смысл которого – «обитель Плегмунда». Согласно посмертной легенде, Плегмунд был отшельником, не позднее 887 г. оставившим свое уединение ради служения королю и получившим в 890 г. пост архиепископа Кентерберийского. Его длительное пребывание на этом посту заставляет историков сожалеть о недостаточном количестве материалов,

раскрывающих его деятельность, поскольку он был активной и творческой фигурой. По благословению папы, которого он посетил в 908 г., он начал реорганизацию приходов Уэссекса, которая продолжалась почти тысячу лет и благотворно сказалась на церковной жизни Англии. Некоторые исследователи полагают, что он следовал идеям архиепископа Теодора, старавшегося еще в VII в. привести число епархий в каждом королевстве в соответствие с плотностью населения и обеспечить качество духовного руководства епископами своей паствы.

Известны его начинания и в других сферах церковной жизни. В летописном отрывке X в. сохранилось упоминание о письменной похвале в адрес Плегмунда его современника архиепископа Фалька Реймсского (883-922 гг.), одобрявшего церковное постановление о запрещении брака для английского духовенства. Сохранился также текст письма папы Формоза (891-896 гг.) — которого, по-видимому, посетил в 896 г. Плегмунд — подтверждающий его миссионерскую деятельность по обращению в христианство скандинавских поселенцев на территории Англии.

Реформистские устремления Плегмунда, конечно, могли быть реализованы лишь при поддержке королей – Альфреда и его сына Эдварда Старшего. В своем «Предисловии» к переводу «Забот пастыря» Григория Великого Альфред высказывает благодарность четверым из своих сотрудников за их содействие его образовательной программе, и имя Плегмунда стоит в этом ряду первым. Осуществлявшиеся Плегмундом преобразования касались не только внутренней стороны церковной жизни, но явно затрагивали и государственные интересы. Королевские хартии, написанные в Кентербери в период примерно с 850

по 890 гг., отражают бедственное состояние даже простой грамотности, подтверждая сетования Альфреда в том же «Предисловии» по поводу того, что к моменту его восшествия на престол в Англии оставалось немного людей, способных вести церковную службу по книгам или перевести документ с латинского на английский. За время архиепископского служения Плегмунда ситуация в этой области заметно улучшилась, чем были заложены основы интеллектуального возрождения X в.

Плегмунд принимал участие и в других королевских проектах – проекте возрождения и обороны городов, как и издании законов. Так, в 898 г. он вместе с королевским семейством и епископом Вэрфертом из Вустера был членом собрания по поводу перепланировки Лондона, где получил земельный надел для собственного храма. Следы его образованности (а возможно, и языка) несет на себе подготовленный в девяностые годы свод королевских законов, отличающийся от предшествующих творений уэссекских королей как более высоким интеллектуальным уровнем, так и вкраплениями мерсийских форм.

Фигура Плегмунда начинает тот длинный ряд церковных деятелей X-XI вв., которые служили опорой нарождающегося государственного аппарата единой Англии.

ВЭРФЕРТ

WERFERTH, умер в 915 – член ученой команды короля Альфреда, епископ Вустерский

Будучи, как и Плегмунд, уроженцем Мерсии, Вэрферт занял должность епископа Вустерского к концу правления мерсийского короля Бургреда

(852-874 гг.), зятя Альфреда. После низвержения Бургреда викингами получил пожалования от марионеточного правителя Кеольвульфа, однако в первой половине восьмидесятых годов поступил на службу к Альфреду и к 893 г. перевел по заказу короля «Диалоги» Григория Великого. Не менее ученых занятий привлекала его общественная деятельность: в девяностые годы, после установления уэссекского влияния в Мерсии (в годы правления ольдермена Этельреда, женатого на дочери Альфреда) приложил немало усилий для создания укреплений вокруг города Вустера. Получив в 889 г. земли и привилегии в Лондоне, совместно с королевской семьей принимал участие в его перепланировке в 898 г. Труды Вэрферта были по заслугам вознаграждены королем: в завещании Альфреда ему была выделена большая сумма золотом. Позднее Вэрферт величал Альфреда своим «кольцедарителем… величайшим златоподателем из всех королей, о которых он когда-либо слышал». Подобные эпитеты, заимствованные из поэтического творчества англосаксов и намекающие на героический кодекс верности вождя и дружинника, свидетельствуют о тесной личной связи короля и его сотрудника. Сохранился экземпляр перевода «Забот пастыря» Григория Великого, подаренный Альфредом Вэрферту. Подобные взаимоотношения способствовали последующему культурному слиянию Уэссекса и Мерсии в единое государство.

ГРИМБАЛЬД

GRIMBALD, умер в 901г. — настоятель монастыря св. Бертина во Фландрии, впоследствии член ученой команды короля Альфреда

Гримбальд попал на службу к Альфреду в 886-7 гг. по рекомендации архиепископа Фалька Реймсского, своего бывшего патрона. Сохранился ответ архиепископа на запрос Альфреда, в котором Фальк весьма хвалит ученость и педагогический талант Гримбальда, намекая на его способность занять должность епископа. По-видимому, Гримбальд привез с собой немало книг (одна из рукописей находится теперь в Кембридже) и весьма помог королю с переводами, выступив важнейшим связующим звеном между Англией Альфреда и Германией Каролингов. Гримбальд так и не получил обещанного епископского сана – преполагают, что он уступил должность в Кентербери Плегмунду, взамен получив маленький монастырь в Винчестере, где был похоронен и долгое время почитался как святой.

ДЖОН СТАРЫЙ САКС

JOHN THE OLD SAXON, 887-904 гг. — монах и ученый, приглашенный королем Альфредом из Германии

По свидетельству Ассера, Джон Сакс был «человеком острого ума, необыкновенно образованным, отличающимся литературными и прочими дарованиями». Будучи уроженцем той «старой» Саксонии, где некогда обитали предки англосаксов (откуда и его прозвище), он возвратил в Британию элементы ранней англосаксонской культуры, которая распространялась на континенте полтора столетия ранее усилиями таких миссионеров, как Бонифаций, но впоследствии была утеряна на родине. Единственным сохранившимся свидетельством литературного творчества Джона Сакса остаются три короткие латинские поэмы, но его прибытию обязано, возможно, появление некоторых рукописей из Восточной Франции. Альфред назначил его аббатом обители Этельни и связывал с ним свои планы по возрождению

монастырей, однако этот проект не оказался удачным: двое франкских соотечественников-монахов предприняли покушение на его жизнь. Судьба его после покушения осталась неизвестной, а имя последний раз появляется в числе свидетелей в королевской грамоте за 904 г.

ЭТЕЛЬРЕД

ETHELRED, умер в 911 г. – ольдермен (правитель) западной Мерсии, супруг Этельфлед, дочери короля Альфреда

Ничего не известно о предках Этельреда, его ранней карьере или связи с мерсийскими королями. Он внезапно появляется в 883 г. как ставленник Уэссекса на отвоеванной у датчан территории, три года спустя получает в управление Лондон, а еще через год женится на дочери Альфреда. Его резиденция находилась попеременно в разных местах, в том числе в Глостере, где им был основан великолепный храм во имя св. Освальда, чьи мощи были перенесены туда из Линкольншира в 909 г. Церковные общины в долине реки Северн, среди них Вустерская, пользовались его пожертвованиями.

Непросто было удержать власть в Мерсии в то смутное время. Ассер восхищается «тиранической мощью» Этельреда, сумевшего подчинить себе князей юго-восточного Уэльса и распространить влияние Уэссекса дальше на запад. Этельред отважно защищался от викингов и прославился победой над датчанами в 893 г. Для усиления своей власти он пользовался как военными, так и финансовыми средствами: уделяя большое внимание строительству фортификаций «к северу от Темзы и к западу от Северна», как говорит летописец, он стремился и к расширению границ за

счет покупки земель на принадлежавших датчанам территориях (одна из грамот зафиксировала покупку неким Ухтредом значительного земельного участка в северном Дербишире «по приказу короля Эдварда и ольдермена Этельреда»). Мирное сотрудничество Этельреда с семьей Альфреда способствовало объединению английских земель вокруг Уэссекса.

ИНГИМУНД

INGIMUND, около 902-907 гг. — предводитель норманнских поселенцев в северо-западной Англии

Ингимунд был норвежским колонистом в Дублине. Изгнанный из Ирландии в 902 г., он сделал попытку поселиться в северном Уэльсе, но его прогнали. Тогда он направился дальше на восток, пока наконец ему не удалось поселиться вместе со своими спутниками в северном Чешире, на полуострове Уиррал. Это, вероятно, было мирное поселение согласно договору с английскими властями, Этельредом Мерсийским и его женой Этельфлед, подобное поселению скандинавов в Нормандии в 911 г., хотя и не такого масштаба. Однако вскоре между пришельцами и местным населением начались стычки. В какой-то момент скандинавы даже овладели Честером — возможно, именно этот эпизод имеет в виду “Англосаксонская хроника”, упоминая “возвращение” Честера в 907 г. Чуть более позднее сооружение английских крепостей на северо-западе Мерсии интерпретируется как успешная попытка остановить продвижение скандинавов с полуострова Уиррал.

Ингимунд — весьма загадочная фигура, но он символизирует норвежский вклад в скандинавское заселение Англии. К западу от Пеннин и на юго-

западе Шотландии есть много свидетельств норвежского присутствия в X-XI вв. Это прежде всего названия местностей, состоящие из норвежских корней, такие как Тингвалль, Амундернесс, Васдаль и Бекермет. Свои свидетельства дает и археология. Однако было бы непредусмотрительно называть всех этих переселенцев «норвежцами». По всей видимости, они происходили из разных мест поселения викингов, которые до того долго жили в Ирландии, на о-ве Мэн или на Западных островах Шотландии, и смешались с населением, говорившим по-гэльски. Неудивительно, что среди топонимов встречаются гибридные образования, состоящие из корней разного происхождения. Например, топоним Иреби (Кумберленд) состоит из скандинавского суффикса «би» со значением «поселение» и корня, указывающего на связь с ирами, местным населением Ирландии. Среди чеканщиков монет, которые работали на монетном дворе Честера в конце X в., встречались имена ирландского, скандинавского и англосаксонского происхождения. Эта смесь культур в регионах, омываемых Ирландским морем, породила великолепные произведения изобразительного искусства, такие как Госфортское Распятие, один из самых замечательных памятников эпохи викингов.

НАСЛЕДНИКИ АЛЬФРЕДА

ЭДВАРД

EDWARD, 872-924 — старший сын Альфреда, король Уэссекса (899-924 гг.)

Эдвард начал утверждать свои права еще при жизни отца доблестной защитой отечества от

викингов. Попытка отвоевать престол, предпринятая в 902 г. его кузеном Этельвольдом (вместе с союзниками из Данелага), закончилась гибелью последнего. Это не только укрепило традицию передачи прав на престол старшему сыну, но и показало непопулярность союза с викингами в среде уэссекской знати. Получив в детстве хорошее образование, Эдуард вынужден был в дальнейшем употреблять все свои силы на оборону и укрепление государства (хотя некоторые историки полагают, что он просто не нашел достойного биографа, который сумел бы отразить иные стороны его деятельности).

Наиболее крупным из его военных достижений было отвоевание всей южной области Данелага вплоть до реки Хамбер в серии кампаний 909-920 гг. В этом ему помогала его сестра Этельфлед, супруга мерсийского ольдермена и «хозяйка Мерсии». Его стратегия заключалась в строительстве крепостей-бургов в ключевых пунктах пограничных территорий. Их функция была одновременно оборонительная и наступательная: они служили и предотвращению датских набегов на английские земли, и обеспечению наступательных операций англичан. В 910-921 гг. было построено двадцать восемь бургов — значительный вклад в боеспособность страны.

Эдвард сознавал, что прежде чем наступать на южных данов, следует сконцентрировать усилия против данов Нортумбрии. Объединенная кампания Мерсии и Уэссекса против Нортумбрии, предпринятая в 909 г, вызвала ответный удар в 910 г. Нортумбрийская армия вторглась в Мерсию, но получила решительный отпор при Теттенхолле в Стаффордшире — нортумбрийские даны в течение нескольких лет не доставляли больше хлопот Эдварду. В 911 г. он построил крепость-бург в Хетфорде и в 912 г. двинулся против данов Эссекса

— в результате многие покорились ему, а он выстроил еще одну крепость в Уитхэме. Продвижение на восток было приостановлено в 913-914 гг., так как Эдварду пришлось отбивать пиратские набеги из Мидленда и еще более серьезную атаку с датских баз в Бретани, которая позволила противнику проникнуть по Бристольскому проливу в земли, граничащие с низовьями реки Северн. После этого уэссекский король возобновил военную активность на востоке. Его завоевания отмечены строительством крепостей в Бакингеме (914 г.), Бедфорде (915 г.) и Мэлдоне (916 г.).

Следующий 917 год особенно хорошо документирован записями в «Англосаксонской хронике» (по-видимому, современными событиям). К концу этого года Эдвард держал под контролем почти всю Восточную Англию вместе с графствами Кембридж, Хантингдон и Нортгемптон; строились и восстанавливались крепости в Тоучестере, Хантингдоне, Колчестере и в непонятном месте под названием Wigingamere. Тем временем Этельфлед отвоевала у данов Дарби. В 918 г. она заняла Лестер, а Эдвард продвинулся на восток и покорил Линкольншир и Ноттингемшир (эти победы отмечены «бургами» в Стэмфорде и Ноттингеме); в 919-920 гг. он укрепил свои северные границы крепостями в Тэтволе, Манчестере и Бейвелле — в результате власть Уэссекса распространилась до самого Хамбера. Знаменитый пассаж из «Англосаксонской хроники» сообщает, что в 920 г. правители материковой Британии — датский вождь в Йорке, вождь англов в Бамбурге, король бриттов в Стрэтчклайде и король скоттов — подчинились королю Эдварду и «выбрали его отцом и господином». Это уже означало мир с Эдвардом и, возможно, выплату дани — кажется, обещания выполнялись до конца его царствования.

Эдвард включил в состав своего государства не только южный Данелаг, но и английскую (то есть западную) Мерсию. По смерти в 911 г. ольдермена Этельреда Мерсийского Эдвард аннексировал Лондон и Оксфорд и «все их земли» в долине реки Темзы. Сразу после смерти сестры в 918 г. он занял Тэмворт, и тогда «все в мерсийской земле, кто прежде были подданными Этельфлед, покорились ему». Вскоре после этого Эльфвюн, дочь Этельфлед, была увезена из Мерсии в Уэссекс, и более о ней ничего не слышно. Включение Мерсии в состав Уэссекса было, возможно, и не таким уж мирным делом, как пытаются убедить нас уэссекские источники. Достоверно известно лишь одно: оно сопровождалось полной реорганизацией административной структуры Мерсии, на которую было распространено управление через систему графств (шайров), возглавлявшихся королевскими чиновниками — система, следы которой просматриваются во Уэссексе уже во времена правления короля Инэ.

Созданные в Мерсии графства, от Чешира на севере до Бедфордшира на юге были искуственными образованиями, чьи границы не совпадали с более древними племенными границами — уэссекское правительство не считалось с местными мнениями и традициями. Невозможно установить точно, когда произошла реорганизация (обычно указывают период 911-924 гг.), но она произошла по инициативе самого короля Эдварда. Напротив, в южном Данелаге Эдвард больше посчитался с более ранним делением страны. В Эссексе, древнем королевстве восточных саксов, его первоначальное деление на «северный народ» и «южный народ» было увековечено в графствах Норфольк и Саффольк (английское звучание этих названий — Norfolk and Suffolk, производное от North-folk and South-folk — до сих пор отчасти отражает их первоначальный смысл). В восточном Мидленде

даны к тому времени уже сами создали административные деления, не совпадавшие с прежними границами, и Эдварду пришлось их сохранить. Так, например, территория датской «армии Нортгемптона» стала английским графством Нортгемптон

Эдвард признается наиболее способным стратегом за весь англосаксонский период. Его кампании обнаруживают в нем цепкость и развитое воображение, а их проведение свидетельствует об организаторском таланте. Источники уделяют большое внимания его военным успехам. Но были и другие успехи. Крепости Эдварда с самого начала предназначались не только для войны, но и для мира — это гражданские поселения, города. Как и «бурги» Альфреда, они в некоторых случаях были очень большими: Стэмфорд около 28 акров, Стэффорд около 38, Варвик около 56. Археологи показали, что некоторые из них имели четкую планировку улиц. Как города, они должны были хотя бы в какой-то мере поддерживаться за счет торговли и промыслов. В этом убеждает история монетного дела. Во времена правления Этельстана, сына Эдварда, на английских монетах стали появляться названия городов, где они чеканились. В царствование Этельстана десять из «бургов» Эдварда имели монетные дворы (Честер, Дарби, Глостер, Херефорд, Мэлдон, Ноттингем, Оксфорд, Шрусбери, Стэффорд и Тэмворт). Вполне возможно, что некоторые из них чеканили монету еще в правление Эдварда. Свидетельством живой, развивающейся экономики служило также законодательство Эдварда. Один из дошедших до нас документов, связанный с продажей и покупкой скота, подтверждает, что сделки совершались в городах.

Эдвард продолжил начатое его родителями обустройство и украшение королевской резиденции — Винчестера. В начале своего правления он

основал там новый монастырь Нью Минстер, названный так в отличие от кафедрального, или старого монастыря (Оулд Минстер): его храм был освящен в 903 г. Он также завершил строительство женского монастыря в Винчестере (Наннаминстер) после смерти своей матери в 902 г. Его дочь Эдбурга (умерла ок. 951 г.) приняла там монашеский постриг и позже была канонизирована как святая. Через благотворительность Эдвард познакомился с монашескими общинами за рубежом и получил в дар мощи бретонского святого Юдока (VII в.) — скорее всего, из монастыря Доль в Бретани, ибо около 926 г. его настоятель сообщал в письме королю Этельстану, что Эдвард был связан обетами братства с насельниками обители Доль (доподлинно известно, что именно оттуда получил позже подобный дар и сам Этельстан). Возможно, посредством контактов такого рода в Англию попадали также книги и произведения искусства.

Тому же содействовали и дипломатические контакты с иностранными державами. Эльфтрют, сестра Эдварда, была замужем за правителем Фландрии, и в течение всего десятого века англо-фламандские контакты были весьма тесными. Между 917 и 919 гг. Эдвард выдал свою дочь Эдгиву замуж за Карла, короля западных франков (то есть Франции). Когда в 922 г. Карл был низложен, Эдгива вернулась в Англию вместе с сыном Луи. Мальчик воспитывался в Англии, пока в 936 г. не был приглашен обратно, чтобы занять французский престол. Не один Луи находил в Англии политическое убежище: достаточно вспомнить представителей бретонской знати, изгнанных из Бретани в 919 г. во время вторжения викингов. Двор Эдварда привлекал иностранных клириков. Теодред, епископ Лондонский (926-951 гг.) происходил, по всей видимости, из Германии: занятие им епископской кафедры вскоре после смерти Эдварда

указывает на его выдвижение еще при жизни короля. Ода, впоследствии архиепископ Кентерберийский, был еще одним иностранцем, который получил известность в правление Эдварда.

Наши знания об этих лицах и событиях фрагментарны, а допущения рискованны. И все же сохранившиеся свидетельства позволяют предположить, что Эдвард был много более, чем талантливый полководец — он стоял вровень с Альфредом и Этельстаном, хотя его репутация всегда как-то меркла в лучах славы его отца и сына. К несчастью, судьба просто не подарила ему своего Ассера, который передал бы его образ потомкам. Если же его биография и была сочинена (а в этом нет ничего невероятного), то она не дошла до нас.

В 924 г. подняли бунт люди Честера. Эдвард отправился на север и подавил его, но вскоре, по пути домой, скончался 17 июля в Фарндоне, чуть южнее Честера. Он похоронен в отстроенном им монастыре Нью Минстер в Винчестере.

ЭТЕЛЬСТАН

ATHELSTAN (894-939 гг.), старший сын короля Эдварда
и внук Альфреда, король Уэссекса (924-939 гг.)

Этельстан воспитывался в доме своей тетки Этельфлед, “хозяйки Мерсии”, и получил хорошее образование. Он был первым принцем уэссекской династии, который имел столь тесные связи с Мерсией. Несомненно, это помогло ему в дальнейшем управлении теми расширенными владениями, которые оставил ему отец — Уэссекс вместе с Мерсией. При восшествии на престол ему (как и многим другим английским королям X в.) пришлось бороться за свои права, которые были оспорены неким Альфредом (возможно, член королевского рода). Этот Альфред представлял,

вероятно, гораздо большую опасность, чем говорят источники, ибо коронация Этельстана состоялась лишь четырнадцать месяцев спустя после его восшествия на трон, в сентябре 925 г.

В начале 926 г. Этельстан выдал одну из своих сестер замуж за Сигтрика, правителя Йоркского королевства викингов — возможно, он хотел поддержать мирные отношения, которые установил его отец в 920 г. Однако в следующем году Сигтриг умер, и Этельстан пошел войной на его брата и наследника Гудфрида. Летом 927 г. он завоевал королевство викингов (причем добился признания своего господства перед тремя северными правителями Шотландии, Стрэтчклайда и Бамбурга), разрушил укрепления Йорка и роздал войску добычу. Впервые уэссекский король сам управлял Йорком. Зримым подтверждением власти Этельстана остается монета, которая чеканилась от его имени в Йорке. Там на него работало несколько чеканщиков, и не так давно при раскопках в Коппергейте (Йорк) был найден штемпель, которым пользовался один из них. Однако положение Этельстана на севере не было прочным. Вскоре ему стал угрожать король скоттов, ибо летом 934 г. Этельстану пришлось совершить карательную экспедицию в Шотландию. Более серьезная ситуация сложилась в 937 г. Олав, сын Гудфрида, претендент на престол в Йорке, вместе с королем скоттов Константином и Овеном, королем Стрэтчклайда, объединились и совершили вторжение в Англию. Этельстан дал им решительный отпор вместе со своим братом Эдмундом в битве, которая происходила при некоем Брунанбурге (местоположение его до сих пор не выявлено). Эта знаменитая победа была прославлена аллитерационным стихом в “Англосаксонский хронике”; соответствующий стихотворный отрывок

получил название “Битва при Брунанбурге” (опубликован как отдельная поэма) и начинается словами:

“В это лето
Этельстан державный,
кольцедробитель,
и брат его, наследник,
Эадмунд, в битве
добыли славу и честь
всевечную
мечами в сече
под Брунанбургом…”.[36]

С тех пор север не доставлял больше хлопот Этельстану.

Королю приходилось также заниматься защитой своих границ от бриттов на западе. В конце двадцатых годов ему удалось подчинить себе уэльских князей. Граница их общих владений была проведена по реке Уай, и Уэльс согласился платить ежегодную дань золотом, серебром, быками, соколами и гончими. Вскоре после этого Этельстан загнал бриттов на юго-западе назад за реку Тамарь в Корнуолл, укрепил Эксетер в ожидании будущих набегов и создал в 931 г. отдельную епископскую кафедру для Корнуолла в местечке Сент-Герман (к западу от Тамари), которая подчинялась Кентербери.

Этельстан поддерживал и расширял связи с европейскими правителями, которые были установлены уэссекской династией по крайней мере со времен короля Этельвульфа. О его зарубежных контактах мы знаем больше, чем о контактах любого прежнего правителя Англии. Ко времени его восшествия на престол его сводная сестра Эдгива, жена Карла, низложенного короля западных франков (то есть Франции), нашла пристанище дома в Англии

[36] Древнеанглийская поэзия… С. 133.

со своим сыном Луи. В 926 г. французский герцог Хью, противник Карла, постарался установить с Этельстаном семейный альянс и был вознагражден рукой сводной сестры короля Эдхильды. Десять лет спустя Луи был мирно восстановлен на французском престоле и правил вплоть до 954 г. А раньше, в 928 г., Генрих I, король восточных франков (то есть Германии) высватал английскую невесту для своего сына Отто (позже германский император Оттон I, умер в 973 г.), женив его на Эдите, еще одной сводной сестре Этельстана (для ее внучки Матильды сочинил потом свою знаменитую хронику Этельвард); четвертая же сводная сестра Этельстана Эльфгива была замужем за Конрадом, королем Бургундским. Таким образом, через династические браки Этельстан состоял в родстве почти со всеми ведущими правителями Западной Европы. У него были также тесные связи с графами Бретани и добрососедские отношения с королем Норвегии Харальдом Прекрасноволосым, чей сын Хакон воспитывался при его дворе. Итак, целая сеть оградительных союзов защищала Англию от атлантических побережий Бретани до фьордов Норвегии — из которой, однако, были исключены Дания и Нормандия.

Внешняя политика Этельстана была более чем успешна. Она принесла ему репутацию “великого правителя, превосходящего славой и заслугами всех земных королей своего времени”, как выразился в 925 г. один французский аббат. Конечно, при оценке таких комплиментов мы должны сделать скидку на “фактор Дизраэли”: “все любят лесть; но в адрес королевской особы ее нужно лить ковшами”.[37] Однако едва ли следует преуменьшать мнение об Этельстане как об образцовом короле, ибо это мнение повсеместно

[37] R. Fletcher. Who is Who… P. 155.

разделялось современниками. В 926 г. послы французского герцога подарили Этельстану, среди всего прочего, Константинов меч и копье Карла Великого (последнее отождествляли с копьем, считавшимся орудием прободения Христа на кресте): в этом подарке нельзя не разглядеть имперских обертонов.

Широкая дипломатическая деятельность Этельстана помогла ему привлечь ко двору образованных людей. О его ученой команде, в отличие от ученой команды его деда, почти ничего не известно, однако дошедшие от эпохи Этельстана рукописи свидетельствуют о ней. Эти люди сумели внести важный вклад в правление Этельстана: они в самом буквальном смысле слова спроэцировали образ короля на его подданных. В 934 г. Этельстан подарил богатую рукопись "Жития св. Кутберта" Бэды Досточтимого общине св. Кутберта в Честер-ле-Стрит. Эта книга (ныне в Кембридже) была сделана по особому заказу короля в Винчестере, и ее фронтиспис изображал короля, смиренно вручающего ее святому. Не одним благочестием был вызван этот жест: желая сделать свою шаткую власть на севере более надежной, король чувствовал необходимость привлечь на свою сторону тех, кто хранил память о самом любимом из северных святых. Не только солдаты, но ученые и художники служили основанием его авторитета.

Как любой другой король в раннем средневековье, Этельстан постоянно находился в движении. Так, в течение 931 г. он беспрестанно менял место своего пребывания: 23 марта был в Кольчестере (Эссекс), в конце мая или начале июня неподалеку от Винчестера, к 12 ноября уже переместился на запад и достиг Лифтона (Девон) — без сомнения, чтобы поохотиться со своими уэльскими

соколами и гончими на вересковых пустошах Дартмура и заодно присмотреть за строительством кафедрального собора в Сент-Германе. Свита, которою окружал себя король, была огромна: грамота, составленная в Лифтоне, подписана сотней высокопоставленных свидетелей, и цифра эта должна быть приумножена за счет домочадцев, телохранителей, грумов, слуг. Кстати, в число этих свидетелей входили два уэльских принца: задобрить их первоклассной охотой и впечатлить великолепием королевского двора составляло в некотором роде цель Этельстана — это было одно из средств сделать их послушными. Трудно представить себе, каким образом содержался королевский двор во время этих путешествий. Как обеспечивалось пропитание и размещение этих шестисот-семисот людей? Мы не знаем ответа, но можно быть уверенным, что для этого наверняка требовались многочисленые и грамотные королевские служители.

Тот же контингент нужен был для составления официальных документов. Сохранилось около пятидесяти грамот, некоторые в более поздних копиях, которые отражают подлинные записи пожалований Этельстаном земель или привилегий. Кто писал их? Этот вопрос до сих пор остается предметом спора, ибо за ним возникают другие проблемы более общего характера. Была ли у Этельстана “канцелярия” как постоянный состав клерков, регулярно посещавших его для исполнения секретарских обязанностей? Или король в случае необходимости обращался к местным писцам, которых можно было найти, скажем, в Кольчестере, Винчестере или Лифтоне? Иными словами, насколько организованным было его центральное управление? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно, и прежде всего по техническим причинам, проистекающим из природы свидетельств.

Весьма вероятно, что ответ лежит где-то посредине: вероятнее всего существовала маленькая группа клерков, вовсе не обязательно организованных в канцелярию, к которым Этельстан мог обратиться в случае нужды — зародыш государственной службы.

Те же самые люди были, вероятно, ответственны за составление проектов законодательств — от времен Этельреда их сохранилось немало. Например, однажды (неизвестно, когда именно) король собрался вместе со своими советниками в Грейтли (Хэмпшир) и принял законы по целому ряду вопросов, касающихся краж, торговли, пыток, монетного дела, меры ответственности родственников друг за друга (а лордов — за своих подопечных), наказаний за колдовство. Этот документ, как и ему подобные, обычно именуется “кодексом законов”. Однако термин этот может ввести в заблуждение — на самом деле это просто административные указы, подобные так называемым “капитуляриям” франкских королей IX-X вв. И в этом отношении английские монархи того времени многим были обязаны своим соседям на континенте.

Этельстан умер 27 октября 939 г. и был похоронен в Мальмсбери. Он никогда не был женат, ему наследовал его брат Эдмунд. Сохранился словесный портрет Этельстана, составленный одним из современников: он был среднего роста, худощавый и светловолосый. «Подданные очень любили его за храбрость и вместе с тем — смиренность, но мятежники как огня боялись его непобедимого упорства». И в войне, и в мире он оставался великим королем, который твердо и целенаправленно строил на основаниях, заложенных его отцом и дедом. И Англии весьма повезло, что ею семьдесят лет подряд управляли

три таких выдающихся правителя — Альфред, Эдвард, Этельстан.

ЭДМУНД

EDMUND, 928-946 гг. — сын короля Эдварда Старшего, который наследовал своему брату Этельстану и правил Уэссексом с 939 по 946 гг.

В политике Эдмунда преобладала борьба за сохранение завоеваний отца и брата. Олав, сын Гудфрида, жаждавший взять реванш за поражение в битве при Брунанбурге, возвратился в Англию и к концу 939 г. оккупировал Йорк, а в 940 г. повел свою армию на юг. Он был отброшен назад в Нортгемптоне, затем внезапно напал на Тэмфорд и стал ждать ответного удара Эдмунда в Лестере. Благодаря вмешательству архиепископа Кентерберийского Оды и архиепископа Йоркского Вульфстана I между противниками был заключен мир, однако не в пользу Эдмунда: ему пришлось уступить Олаву земли на северо-востоке Мерсии между Уотлинг Стрит и Хамбером (графства Дарби, Ноттингем, Линкольн, то есть весь регион, завоеванный его отцом в 918-920 гг.) В следующем году Олав Гудфридсон умер, а его преемником стал его двоюродный брат Олав Сигтриксон. Эдмунд выступил против этого второго Олава в 942 г. и возвратил территории, потерянные в 940 г. Это событие было запечатлено в возвышенных стихах, сохранившихся в «Англосаксонской хронике». В 943 г. Олав помирился с Эдмундом и крестился. В следующем году началась распря между Олавом и другим претендентом на йоркский престол. Эдмунд воспользовался этим, чтобы совершить вторжение в Нортумбрию и установить там свое господство. В

945 г. он укрепил свою власть на севере, совершив налет на королевство бриттов Стрэтчклайд и заключив договор с королем скоттов.

В управлении государством Эдмунд поддерживал традиции, установленные его братом. Он издает два кодекса законов и осуществляет контроль над чеканкой монет, а в управлении церковью мирно сотрудничает с архиепископом Одой. Он покровительствует монахиням и — по своей собственной инициативе, которая имела далеко идущие последствия — назначает Дунстана настоятелем монастыря в Гластонбери. Он проводит активную внешнюю политику, поддержав на французском престоле своего племянника Луи IV и приняв по меньшей мере одно посольство от своего зятя Оттона I из Германии.

Эдмунд был дважды женат. От первой жены Эльфгивы (умерла в 944 г.) он имел двоих сыновей, Эдвига и Эдгара, его вторая жена Этельфлед, на которой он женился незадолго до смерти, пережила его почти на тридцать лет.

Эдмунд умер насильственной смертью в возрасте всего двадцати пяти лет. Он был убит 26 мая 946 г. в Глостершире, пытаясь защитить своего вассала от нападения со стороны человека по имени Леова, который был объявлен вне закона.

ЭДРЕД

EADRED, 924-955 гг. — младший сын короля Эдварда Старшего, который наследовал своему брату Эдмунду и правил Уэссексом с 946 по 955 гг.

Правление Эдреда началось достаточно мирно — Нортумбрия приняла его авторитет. Но появление на сцене Эйрика Кровавая Секира в

947 г. полностью изменило ситуацию. В 948 г. Эдреду пришлось выступить в поход против Нортумбрии, которая приняла Эйрика как короля Йоркского. Опустошительный набег и битва при Каслфорде позволили Эдреду диктовать свои условия: Эйрик был изгнан и Нортумбрия возвращена под его подданство. Но в 949 г. Олав, сын Сигтрика (король Йоркский в 941-943 гг.) вернулся в Нортумбрию и утвердился там на три года. В 952 г. Олав был изгнан, а Эйрик возвращен на Йорский перстол. Однако два года спустя, в 954 г., Эйрика снова прогнали, и Эдред восстановил свою власть в Нортумбрии. Подробности этих бурных событий остались неизвестны. Полагают, что главным виновником падения Эйрика был Озвульф, который управлял Берницией из Бамбурга с 949 г. и после смерти Эйрика получил в награду пост правителя всей Нортумбрии, который он занимал вплоть до 965 г.

Принято считать 954 г. решающей вехой в объединении Англии: в этом году король Уэссекса впервые стал королем всего английского королевства. Однако едва ли легко было увидеть это современникам, в отличие от потомков: король не получил никакого иного титула кроме того, что зафиксирован на его грамотах или монетах. В своем завещании он оставил значительную сумму денег “с тем, чтобы его люди могли в случае нужды откупиться от армии язычников” (так именовали норманнов в Англии). Очевидно, он предвидел возможность новых наступлений викингов (в чем оказался прав). Правители уэссекской династии, так же как и их нормандские преемники, испытывали затруднения в управлении северной провинцией, отдаленной и мятежной.

Эдред продолжал политику своего брата в отношениях с церковью. Дунстан был его главным

советником, и именно в правление Эдреда, в период 953-954 гг., Этельвольду было пожаловано Абингдонское аббатство.

Мужчины уэссекской династии не отличались долгожительством; не составлял исключения и Эдред — он скончался 23 ноября 955 г. в возрасте около тридцати лет, так и не вступив в брак. Права наследства остались за малолетними сыновьями Эдмунда.

ЭЙРИК КРОВАВАЯ СЕКИРА

ERIC BLOODAXE, умер в 954 г. — последний из скандинавских правителей Йорка, сын норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого

Правление Эйрика в Норвегии было кратким и кровавым. Свое прозвище он получил за кровавые расправы над приближеными (вплоть до братоубийства). В 946 г. он был низложен, и престол перешел к его брату Хакону, человеку более мягкому, который получил христианское воспитание в Англии при дворе короля Этельстана. Эйрику пришлось отправиться в изгнание и добывать себе пропитание мародерством на Оркнейских и Западных Островах. В 947 г. он был приглашен на престол скандинавского Йорка. Его правление продолжалось около года. В 948 г. король Эдред Уэссекский вторгся в Нортумбрию, нортумбрийцы сбросили Эйрика, и он вынужден был вернуться на Острова, однако в 952 г. возвратился в Йорк и правил там еще два года. В 954 г. он снова был изгнан и снова удалился на северо-запад, после чего был предан в руки врагов и убит на мрачных вересковых пустошах Стэнмура на Пеннинских высотах между Йоркширом и Кумберлендом.

Поэт Эгиль Скаллагримссон (сын Грима Лысого) создал в своих стихах незабываемый образ Эйрика, покорителя Нортумбрии:

“Страх страну
Там стреножил.
Крут бывал
Конунг в Йорке.
Он царил
Нравом гордым,
Попирая
Сыру землю” (пер. С. Петрова).[38]

Влажная почва, на которой лежали заболоченные владения Эйрика, донесла до нас в целости и сохранности органические материалы (дерево, кожу и ткань) той поры, и позволила археологам в подробностях воссоздать экономическую и социальную жизнь Йорка десятого века. При этом обнаружилась картина совершенно противоположная той, которую можно было бы ожидать от эпохи правления этого жестокого тирана. Йорк в эпоху викингов был процветающим промышленным и торговым центром. Раскопки в Коппергейте 1976-1981 гг. свидетельствуют об обилии текстильной продукции, а также изделий из дерева, кожи, кости, металла и стекла. На монетном дворе на Эйрика работали по меньшей мере шесть чеканщиков, которые пускали деньги в свободное обращение. Эйрик и его приспешники пили вино из Германии и ели хлеб из тончайшей муки, которую мололи на привезенных с Рейна лавовых жерновах, а для украшений использовали янтарь из Скандинавии. Внешняя торговля простиралась и дальше: шелк везли из Византии, цветные ракушки с Красного моря, и даже монета из Самарканда достигала Йорка. Бюрхтферт Рамзейский, биограф

[38] Поэзия скальдов / Изд. подг. С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1979. С. 23.

архиепископа Освальда, занявшего Йоркскую кафедру в 872 г. (сама биография была составлена около 1000 г.), сообщает, что Йорк был “со всех сторон” наводнен купцами. По его подсчетам, в Йорке было около тридцати тысяч жителей; с этим согласны и современные исследователи. Недавние раскопки под Йоркским монастырем позволили обнаружить захоронения людей, прибывших из других мест, в том числе предпринимателей и торговцев.

Вошло в моду относить появление среднего класса в Англии чуть ли не к XVI-XVII вв. — однако городское население Йорка обнаруживает значительный средний слой зажиточных людей, промышлявших торговлей и ремеслами, уже в поздний англосаксонский период. И все они обязаны своим появлением викингам.

ОДА

ODA, умер в 958 г. — архиепископ Кентерберийский (941-958 гг.) англо-скандинавского происхождения

В биографии Освальда, племянника Оды, написанной Бюрхтфертом Рамзийским, рассказывается, что отец Оды прибыл в Англию с датским войском Хальвдана в третьей четверти IX в. Чрезвычайно любопытно, что иммигрант во втором поколении, чей отец был язычником, сумел достигнуть столь высокой церковной должности в Англии эпохи викингов — это многое говорит о природе английского общества того времени. Молодым человеком Ода вошел в число домочадцев некоего Этельхельма, который, по-видимому, представляет одно лицо с Этельхельмом, епископом Уэльским (909-923 гг.) и архиепископом Кентерберийским (923-926 гг.). Своим быстрым

восхождением по церковной иерархической лестнице Ода обязан покровительству этого выдающегося человека. Ода сопровождал Этельхельма в Рим в 923 г., а вскоре по возвращении получил от короля Этельстана епископскую кафедру в Рэмсбери. Как это и полагается епископам X в., Ода весьма ревностно служил своему королю. Свидетельские подписи в королевских грамотах показывают, что он часто бывал при дворе. В 936 г. ему была доверена трудная дипломатическая миссия во Франции. Возможно, он сопровождал английскую армию в сражении при Брунанбурге в 937 г. Король Эдмунд, преемник Этельстана, продолжал благоволить Оде. В 940 г. Ода выступал посредником в переговорах с датским правителем Йорка, а в следующем году был переведен Эдмундом на архиепископскую кафедру в Кентербери.

Не много известно об архиепископском правлении Оды, но сохранилось достаточно свидетельств, указывающих на его значение. Он возобновил практику проведения церковных соборов и церковного законодательства, что способствовало дальнейшему развитию английской церкви и повышению ее руководящей роли в жизни общества. Он восстановил епископскую кафедру в Восточной Англии, которая перестала существовать в связи с уничтожением там данами в шестидесятые годы IX в. церковных институтов (церковной жизнью региона ведал с тех пор Лондонский епископат): местом пребывания епископа стал сначала Эльмхэм, затем Тэтфорд и, наконец, Норидж. В Кентербери Ода перестроил кафедральный собор, подняв его своды на двадцать футов, чтобы освободить место для верхнего хора. Он значительно расширил собрание мощей в Кентербери: из Райпона были перенесены мощи св.

Вильфрида (около 948 г.), а из Руана (Нормандия) останки св. Уана (Одуана). Ода покровительствовал учености: в Кентербери осталась память о замечательном учителе, диаконе Фритегодусе, который восславил в стихах вышеупомянутых святых на весьма сложной латыни. Его немецкое имя позволяет предположить, что Ода, как и до него король Альфред, обращался на континент в поисках образованных людей, способных возродить ученость в Англии.

Ода весьма сочувствовал монашеству. Он сам усвоил монашеские привычки — в порядке личного благочестия, а не профессионального призвания — в знаменитом монастыре Флёри (теперь Сент-Бенуа на Луаре), возможно, во время своего посольства во Францию в 936 г. Позднее он отправил во Флёри своего племянника Освальда для подготовки к монашескому званию. Не случайно начало монастырского возрождения в Англии совпадает с архиепископским правлением Оды: это его друг король Эдмунд назначил Дунстана настоятелем Гластонбери, а Эдред, преемник Эдмунда, по примеру брата поставил Этельвольда во главе Абингдонского аббатства. Возможно, что Ода намеревался реформировать монастырь Эли: в 957 г. он получил там от короля Эдвига щедрое земельное пожертвование, достаточное для обеспечения обители. Но каковы бы ни были его планы в отношении Эли, они были разрушены его кончиной в 958 г. Три великих церковных реформатора во второй половине X в. — Дунстан, Этельвольд и Освальд — начинали не на пустом месте; они созидали на основаниях, заложенных прелатами предшествующего поколения, среди которых Ода был самым значительным.

ЭТЕЛЬСТАН ПОЧТИ-КОРОЛЬ

ATHELSTAN (умер после 956 г.) — крупнейший представитель одного из наиболее родовитых семейств Англии X в., тезка старшего сына короля Эдварда

Семья Этельстана по всей видимости происходила из Уэссекса. Его отец Этельфрид возвысился на службе правителю Мерсии Этельреду и его супруге Этельфлед, „хозяйке Мерсии“. Этельстан получил пост ольдермена (правителя) Восточной Англии в 932 г. и занимал его вплоть до 956 г. Двое из его братьев занимали соответствующие посты в Кенте (940-946 гг.) и центральном Уэссексе (942-949 гг.). Таким образом, в царствование Эдмунда и Эдреда эта семья занимала ответственные административные посты чуть ли не в половине английского королевства. Еще более важным знаком близости Этельстана к королевской семье служит тот факт, что король Эдмунд доверил ему воспитание своего младшего сына после смерти в 944 г. королевы, его первой жены — Эдгар воспитывался вместе с сыновьями Этельстана. Поэтому неудивительно, что двое из этих сыновей удерживали пост правителей Восточной Англии в царствование Эдгара и дальше, вплоть до 992 г. Этельстан был другом Дунстана. Вынужденный оставить свой пост в 956 г., он удалился в монастырь Гластонбери (Дунстан был там настоятелем), где и кончил свои дни. Для Гластонбери это было большой удачей, ибо он подарил монастырю значительную долю своих обширных земельных владений. Но Этельстан числился также среди благотворителей аббатства, заново основанного Этельвольдом в Абингдоне. Его сын Этельвине, тридцать лет правивший Восточной Англией (962-992 гг.), вместе с Освальдом участвовал в основании монастыря Рамзи-на-Болотах (Ramsay in

the Fens — наименование области Фенз буквально и значит „Болота“). Круг людей, которые что-то значили в Англии X в., был весьма тесен.

Прозвище „Почти-Король“, зафиксированное Бюрхтфертом в его биографии Освальда, указывает на необычайно высокую силу и власть Этельстана. Его карьера и связи дают поучительный пример тех возможностей, которые предоставляли английские короли X в. своим преданным вассалам. Отважные воеводы и опытные администраторы, эти правители обязаны были также владеть искусством попечительства и уметь привлекать к себе людей. Благодаря случайно сохранившимся документам мы знаем об Этельстане достаточно много. Что касается его успеха и репутации, он, по всей видимости, превосходил других представителей знати более степенью, нежели качеством — нам кое-что известно о других аристократических семьях подобного рода, например, Бюрхтнота или Вульфрика. Мы почти ничего не знаем о семьях не столь высокого ранга — нечто вроде джентри или эсквайров, и все же мы знаем достаточно, чтобы быть уверенным в их процветании, и притом по тем же самым причинам. Можно пойти в этом рискованном заключении и дальше: именно в ту пору начинала завязываться та английская земельная аристократия, которая даст пышный цвет много столетий спустя.

Глава 6

СТРОИТЕЛИ АНГЛИИ

//////////////////////

1. ИСТОРИЯ АНГЛИИ X-XI ВВ. КАК КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

Эпоха, которая начинается царствованием Эдгара Миротворца, сына Эдмунда и правнука Альфреда, а заканчивается восшествием на английский престол нормандского герцога Вильгельма после битвы при Гастингсе, представляет наиболее сложный и запутанный клубок конфликтов, ведущим в котором оказывается конфликт политических ориентаций страны, итог которому был подведен в 1066 г. нормандским завоеванием.

Эпоха эта отчетливо делится на три периода с точки зрения политических и культурных проблем.

Первый – наиболее «бесконфликтный» (в плане внешней политики) период правления Эдгара Миротворца, общепризнанного владыки Британии, который пожинает плоды военных и дипломатических успехов своих уэссекских предков, потомков Альфреда. Этот период дал знаменитое «трио» церковных деятелей (Дунстана, Этельвольда и Освальда), могущественых и дальновидных, которые принимали непосредственное участие в управлении государством и положили начало в Англии так называемому «бенедиктинскому возрождению», а точнее — реформе монастырей.

Реформа эта заложила основы культурного процветания монастырей в последующий период правления Этельреда, но сопровождалась при этом весьма крутыми мерами по изгнанию всех несогласных с ней. Поэтому в плане внутренней политики правление Эдгара чревато весьма острыми конфликтами между старой знатью и представителями нового монашества, которые восприняли новые религиозные и культурные веяния с континента. Однако источники того времени освещали ситуацию исключительно с позиций уверенных в своей правоте реформаторов, так что отзвуки этих конфликтов выйдут на поверхность лишь позже, после смерти Эдгара, в пору борьбы за власть его преемников.

Второй — период правления Этельреда, который получил прозвище Неразумного за свою неспособность принимать правительные решения в борьбе с новыми отрядами викингов. В этот период меняется характер и соотношение внешних и внутренних конфликтов в государстве. Если внешняя политика Эдгара вызывала полное одобрение современников, то внешняя политика Этельреда выглядит столь же полной неудачей; и наоборот, напряженному проведению церковной реформы при Эдгаре противостоит в пору правления Этельреда культурный расцвет новых монастырей, поддерживаемых представителями преданной королю знати (Бюрхтнот, Вульфрик, Этельвард, Бюрхтферт). Именно этот второй период дает образцы светского и духовного героизма, который осмысляется церковью как мученичество за Христа (Бюрхтнот и Эльфхех); и именно этот период дает плоды просвещения, которым мог бы позавидовать и сам король Альфред (латинская

проза Этельварда и древнеанглийская проза Эльфрика и Вульфстана).

Вместе с тем именно в этот второй период вызревают также те внутренние конфликты между королем и знатью, которые выходят на поверхность в момент завоевания Англии Свейном Вилобородым и завершаются военно-политическим противостоянием короля и знати (Ухтред, Эдрик Стреона), на стороне которой оказывается даже собственный сын короля (Эдмунд Железный Бок). В дальнейшем подобные конфликты со все силой и остротой развернутся в пору царствования Эдуарда Исповедника. Здесь же следует отметить, что за личностными конфликтами скрывается проблема политической ориентации английской элиты: ориентации на временное использование отдельных скандинавских правителей в целях завоевания и удержания политической власти в стране или ориентации на культурно-дипломатические связи с континентом, поддержку романской (или романизированной) элиты Запада.

Первая ориентация, хотя и могла выглядеть как борьба за полную автономию Англии по отношению к внешнему окружению, на самом деле была способна лишь ввергнуть страну в феодальную раздробленность и лишить ее авторитета на международной арене. Вторая ориентация, начатая еще при Эгберте Уэссекском, деде Альфреда, и закрепленная нормандским браком Этельреда II, в конечном итоге способствовала консолидации английского общества и формированию единого английского государства, которому предстояло сыграть важную роль в дальнейшем развитии Европы.

Характерным для этой второй ориентации стало появление на престоле “короля-чужака”, который противостоит местничеству англосаксонских князей. Поразительно, что в

данном случае неважным оказывается даже принадлежность этого “короля-чужака” к скандинавской или романской культуре. “Германоязычный” Кнут и “романоязычный” (со стороны матери) Эдуард представляют, на первый взгляд, противоположные культурные ориентации, однако в политическом плане оба они осуществляют “контроль сверху” над местной знатью (разумеется, с разной долей успеха). Причем ориентация страны на континент ничуть не ослабевает и в правление Кнута, который оказывается весьма дальновидным политиком, заключив брак с Эммой, нормандской принцессой и вдовой Этельреда Неразумного. Обособление в рамках традиций германских предков оказывается невыгодным ни для Англии, ни для Дании — Кнут не меньше, чем его английские предшественники, считался с мнением Рима.

Другое дело, что Кнут как правитель слишком обширной и ненадежной державы не мог до конца сдерживать аппетиты местной знати, поскольку из-за частого отсутствия вынужден был передавать власть своим ставленникам английского или скандинавского происхождения, которые стремились обосноваться на вновь пожалованных землях всерьез и надолго. Церковь же в лице своих лучших представителей (архиепископ Вульфстан) также не могла иметь на них достаточного влияния. Поэтому именно в правление Кнута созревает такая зловещая для дальнейшей судьбы государства фигура, как эрл Годвин, утверждение которого на политической арене заложило основы всех конфликтов в период правления Эдуарда Исповедника.

Этот третий период доводит конфликтную ситуацию в стране до завершающей ясности: местная знать (Годвин с сыновьями) против короля; англо-

скандинавская церковная элита, разделявшая интересы местной знати (Стиганд) против романских или романизированных сторонников Эдуарда, осуществлявших влияние римского Запада (Роберт Шампарт, Леофрик). Особое место занимает здесь фигура Эльдреда, архиепископа Йоркского, которая намечает и наиболее благоразумный путь разрешения указанных конфликтов. Уроженец и воспитанник уэссекского юго-запада (Винчестер), управитель церковных и прочих дел на хранившем следы скандинавского влияния севере (Йорк), он вместе с тем имел явное тяготение к духовной родине англосаксов — Риму, куда неоднократно отправлялся в паломнические поездки. Будучи по складу характера склонным к смягчению всяческих конфликтов как в светской, так и в церковной среде, он после смерти Эдуарда принял сторону Гарольда, сына Годвина, как единственную реальную перспективу, но после битвы при Гастингсе благословил на царство самого Вильгельма Завоевателя. Воспринятые духовные дары Рима не позволили ему ни повернуться лицом к скандинавскому северу (альтернатива Харальда Сурового), ни запутаться в клубке местных альтернатив. Ход истории подтвердил правильность его решения: Англия Вильгельма ничуть не потеряла своей германской индивидуальности, но зато оказалась вскоре в авангарде западноевропейского экономического и культурного развития.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ЭПОХА ЭДГАРА МИРОТВОРЦА

ЭДВИГ (ЭДВИ)

EADWIG (940-959 гг.) – старший брат Эдгара, король Англии (955-957 гг.), затем правитель Уэссекса

Старший сын короля Эдмунда, Эдвиг наследовал ему в возрасте пятнадцати лет. В 957 г. его младший брат Эдгар восстал против него и захватил власть в Мерсии и Нортумбрии: сферы влияния разделялись рекой Темзой. Недолгое правление Эдвига трудно поддается объяснению Ясно, что по смерти Эдреда в 955 г. начался спор о престолонаследии. И это неудивительно, если учесть отсутствие четких правил передачи королевской власти. Подобные споры случались и раньше, например, по смерти Эдуарда Старшего в 924 г., и были неизбежны в дальнейшем, после смерти Эдгара в 975 г. Ввиду юного возраста предендентов на престол, вполне можно допустить, что за их спиной стояли разные партии англосаксонской элиты. Партия, поддерживавшая Эдгара, может быть выявлена из действий Эдвига: он лишил прав собственности свою бабку, королеву Эдгиву, вдову Эдуарда Старшего, и отправил Дунстана, настоятеля монастыря Гластонбери, в ссылку во Франдрию. Эти двое были, по-видимому, лидерами оппозиции, выступавшей против Эдвига. К той же партии мог принадлежать также Этельстан Почти-король, который ушел из политики в том же году, и едва ли добровольно.

Сложнее выявить сторонников Эдвига. К ним, должно быть, принадлежали родственники его жены Эдгивы, с которой он сочетался браком вскоре после восшествия на престол. Полагают, что ей обязан изгнанием Дунстан. Вполне вероятно, что она была сестрой Этельварда Хрониста. Этельвард состоял в родстве с Этельредом, старшим братом короля Альфреда, то есть Эдгива приходилась дальней родственницей своему мужу. В 957 г. Ода, архиепископ Кентерберийский, объявил их брак недействительным. Трудно сказать, действовал ли Ода в интересах партии Эдгара или просто радел о соблюдении церковного закона. Какова бы ни была причина, развод нарушил единство партии Эдвига. Другим из его сторонников был Этельвольд, настоятель монастыря в Абингдоне и по всей видимости, воспитатель короля. Однако вскоре после смерти Эдвига Этельвольд достиг высот на службе у короля Эдгара, что показывает, насколько неустойчивы были придворные коалиции того времени.

ЭДГАР МИРОТВОРЕЦ

EDGAR (943-975 гг.) — английский король (957-975 гг.),
второй сын короля Эдмунда

В юности Эдгар восстал против своего брата Эдвига и захватил власть в Мерсии и Нортумбрии. По смерти Эдвига в 959 г. стал правителем всего английского королевства, которым управлял вплоть до кончины (8 июля 975 г.). Воспитывался при дворе Этельстана Почти-короля, самого могущественного земельного магната в Англии середины X в., и состоял в близких отношениях с Дунстаном, которого назначил епископом Вустерским после

своего восхождения на престол. Дальнешее продвижение Дунстана (архиепископ Лондонский в 959 г. и Кентерберийский в 961 г.) и назначение епископа Освальда в Винчестер положили начало самому замечальному достижению царствования Эдгара — возрождению бенедиктинского монашества и реформе церкви. По существу, каждым своим шагом реформаторы были обязаны королю, который раздавал колоссальные пожертвования монастырям, поддерживал все их начинания (вплоть до изгнания непослушной братии из Винчестера в 964 г.) и придал их реформам статус закона (например, сделал обязательной выплату церковной десятины).

Всем этим король обеспечил себе преуспевание в царстве земном и небесном (последнее было для человека его времени не менее важно, чем первое). Вот как оценивал его царствование епископ Этельвольд: «Воистину всемогущий Господь, всеведущий Промыслитель, который провидел, каким благотворителем будет наш король, был всегда к нему щедр и многомилостив; как будто всеправедный и всечестной Всеподатель вознаграждал его не словами, но делами, и при том рек: «Вот ты ревностно служишь и споспешествуешь Моему имени и Моим владениям — и в награду за это Я прославлю твое имя и дам преуспеяние твоему королевству, которое ты держишь под Моею властью». В мирском отношении король создал когорту преданных служителей короны: епископы и аббаты X в. распоряжались значительными земельными и людскими ресурсами и занимали административные посты; в отличие от родовой знати, они не вступали в брак и потому не могли основывать новые династии — церковными должностями распоряжался король. Освальд,

королевский ставленник на посту епископа Вустерского и архиепископа Йоркского, служил опорой центральной власти в северо-западных областях королевства, где авторитет короля был не столь высок, как в Уэссексе.

Эдгар «нес свое служение как Пастырь Добрый» — так восхваляет короля Этельвольд во введении к документу, известному под названием Concordia Regularis («Соглашение о Правиле»). Такой образ короля создавали его идеологи в сознании подданных, стремясь возвеличить монарха в глазах народа. Еще не померкло воспоминание о насильственной смерти отца Эдгара, и в этом ненадежном мире всегда стоило оградить царственную особу от посягательств на жизнь ореолом святости. Специалисты по обрядности и церемониалу устроили ему в 973 г. зрелищную коронацию — событие столь же загадочное, сколь и знаменитое. В самом деле, Эдгар был миропомазан на царство, подобно другим английским королям, еще в начале своего правления — значит, коронация 973 г. была чем-то иным. Вопрос в том, чем же именно? В поисках ответа не лишне обратиться к международным связям Эдгара. Церковные писатели Эльфрик и Вульфстан, младшие современники короля, засвидетельствовали, что Эдгар получил превосходство над другими правителями Британских островов мирным путем: «И так укрепил его Господь, что короли и знать охотно подчинялись ему и выполняли его волю. Без битв доставалось ему все, чего бы он ни пожелал».

Возможно, правление Эдгара не было таким мирным, каким рисует его эта цитата. К нему прилагались эпитеты «отважный в сраженьи» и «даритель сокровищ воинам». Известно, что в 969 г. он опустошил о-в Танет в наказание за

злоупотребления в отношении йоркских купцов. Как Альфред и Этельстан, он держал большой флот и ежегодно объезжал на нем весь остров, демонстрируя свою мощь. Описание современниками коронационных торжеств сохранило воспоминание о подобном эпизоде: «И тут же король собрал все свои морские силы у Честера, и шесть королей выехали ему навстречу и поклялись, что будут его союзниками на суше и на море». Согласно другому источнику, восемь вождей проехали цепочкой во главе с королем по реке в знак своего подчинения. Точный перечень их не сохранился, но он наверняка включал правителей Шотландии, Стрэтчклайда, о-ва Мэн и королевства Гвинедд, а также кого-то из норвежских правителей Ирландии. Имперская идея подчинения меньших правителей главному утверждалась в это время на континенте: так, в 962 г. германским императором объявил себя Оттон I, дядя Эдгара. Нельзя сбросить со счета и то, что инаугурационные празднества 973 г. проходили в городах с римским имперским прошлым. Объявил ли Эдгар себя «Владыкой Британии»? Вполне возможно.

В 973 г. имело место и другое важное событие — упорядочивание чеканки монет. Все наличные монеты изымались из обращения и переплавлялись согласно новому образцу. На два века вперед все мероприятия по выпуску денег были поставлены под контроль государственной власти. Суть реформы заключалась в том, что каждые шесть лет все владельцы денежного состояния обязаны были сдавать его на переплавку королевским чеканщикам. При Эдгаре было около сорока монетных дворов, при Эдуарде Исповеднике их число выросло до семидесяти. Чеканщики пользовались штемпелями, которые они закупали у государства. Таким образом правительство

осуществляло контроль над образцом, весом и пробой металлических денег и обогащалось за этот счет. Аналог этому изобретению в Западной Европе тех пор отсутствовал. За редкими исключениями, в период с 973 по 1066 гг. преобладали серебряные пенсы. На одной стороне обозначался бюст и имя царствующего короля, на другой — название монетного двора, имя чеканщика и какой-нибудь рисунок, который время от времени менялся. Правительство не допускало безответственного вмешательства в содержание драгоценного металла, изготовители штемпелей были мастерами с художественным чутьем, а чеканщики – точнее, наемные ремесленники, ибо сами чеканщики были скорее владельцами больших капиталов — делали ясные и четкие оттиски. В обращении находилось огромное количество монет: в правление Эдгара не менее десяти миллионов, а в XI вв. и того больше. Поскольку в самой Англии совсем немного залежей серебра, слитки ввозились из-за границы в обмен на английские товары, среди которых уже тогда преобладала шерсть или шерстяные изделия. Данные нумизматики преподают историку немало уроков. Они свидетельствуют о компетентности королевской администрации и о процветании и разнообразии экономики задолго до нормандского завоевания. Монета выступала также сильным орудием пропаганды королевской власти среди населения: перед глазами продавцов и покупателей всегда присутствовал образ короля.

Конечно, сам образ Эдгара как правителя «золотого века», добившегося в стране мира и процветания, создан преимущественно писателями последующей эпохи, которым его царствование виделось как бы в «обратной перспективе» мрачных дней правления его сына Этельреда. При том, что о личности Эдгара известно не так уж много, эту

оценку историки признают вполне справедливой, хотя и по разным причинам.

В правление Эдгара пожинались плоды предшествующего столетия, когда закладывались основы социальных институтов Англии, составлявшие ее гордость много веков спустя, причем денежная система (продержавшаяся два столетия) и монастыри (продержавшиеся шесть веков) среди них еще не самые главные. Границы английских графств едва ли меняли свои очертания со времен Эдгара вплоть до их изменения в 1974 г., которое многим англичанам до сих пор представляется неоправданным. В третьей четверти X в. впервые ясно обозначаются такие более мелкие подразделения графств, как сотни и округа. Принудительная выплата церковной десятины способствовала формированию церковных приходов, которые и до сих пор играют важную роль в жизни местного общества. Включение области датского права в английское государство, достигнутое при внуках Альфреда, в правление Эдгара начало становиться фактом английского национального самосознания. Неслучайно именно Эдгар окончательно заменил прежнее название страны Britania на новое Engla-land “страна англов”. По его собственным словам, он издавал законы “для всей нации — англичан, данов и бриттов”. К 973 г. англо-шотландская граница на северо-востоке страны оформилась наконец в тех пределах, где она проходит сейчас. Из некогда враждовавших между собой и разрозненных внешними врагами областей англосаксонской Британии формировалось нечто целое, именуемое отныне “королевство Англия”.

Эдгар был дважды женат. От первой жены Этельфлед, дочери ольдермена Ордмэра, родился недолго правивший Эдвард Мученик. Вторая жена Эльфтрюд (дочь ольдермена Ордгара из Девона и

вдова Этельвольда, сына “почти-короля” Этельстана) дала Англии будущего короля Этельреда Неразумного. От связи с некоей Вульфтрюд, ставшей затем настоятельницей монастыря в Уилтоне, у Эдгара была дочь по имени Эдгива, возглавившая монастырь в Винчестере. Позже обе канонизованы как святые.

СВ. ДУНСТАН

ST. DUNSTAN, 910-988 гг. — архиепископ Кентерберийский (960-988 гг.), вдохновитель монастырского возрождения X в. и советник английских королей

Дунстан происходил из знатной семьи Сомерсета, получил образование в Гластонбери, в юности вращался в придворных кругах короля Этельстана, под влиянием своего родственника епископа Эльфхеха Винчестерского (934-951 гг.) принял монашество. В 940 г. король Эдмунд сделал его настоятелем монастыря в Гластонбери. В правление Эдмунда и его брата Эдреда Дунстан оставался важной фигурой при дворе; в 955 г., после смерти Эдреда, в момент конфликта между братьями-наследниками (точнее, их фракциями, ибо сами братья были еще несовершеннолетними) принял сторону младшего, Эдгара, а после победы старшего, Эдвига, на короткое время отправился в ссылку во Фландрию. Однако в 957 г. Эдгар вызвал его из ссылки и дал ему епископскую кафедру в Вустере. По смерти Эдвига в 959 г., когда Эдгар стал единовластным правителем Англии, началось продвижение Дунстана по служебной лестнице: в 959 г. епископ Лондона, в 960 г. архиепископ Кентерберийский.

Назначение Дунстана главой монастыря Гластонбери исследователи справедливо считают

судьбоносным для истории английской церкви. С 940 г. вплоть до правления Генриха VIII (который распустил монастыри) — то есть на протяжении более шестисот лет — английские монастыри непрерывно возрастали, крепли и в конечном итоге наложили неизгладимый отпечаток на жизнь английского общества. Означает ли это, что в конце IX-начале X в. жизнь в монастырях замерла почти на целое столетие? Ответ зависит от того, что мы понимаем под «монастырской жизнью». Христианские общины существовали (примером может служить тот же Гластонбери или Кредитон), особенно в местах пребывания мощей: например, община св. Кутберта в Честер-ле-Стрит (до перенесения мощей в Дарэм в 995 г.) или община св. Фридесвиды в Оксфорде, которая группировалась вокруг old minster, то есть «старой обители» — так именовались храмы, хранившие память о пребывании в тех местах ранних англосаксонских святых. Но с точки зрения Дунстана и его последователей жизнь этих общин не была истинно монашеской. Монашеская жизнь означала для них неукоснительное следование правилу св. Бенедикта. Именно этой стороне настоятельской деятельности Дунстана в Гластонбери уделил внимание один из его первых биографов, который писал около 1000 г.

Толчок к возрождению истинного монашества исходил из-за рубежа — следует вспомнить при этом попытку Альфреда основать монастырь в Этельни и поставить настоятелем Джона Сакса, или интерес, который проявлял к прославленному французскому монастырю Флери архиепископ Ода. Он также был связан с ностальгией по золотому веку ранних англосаксонских монастырей, которая была унаследована от Альфредовой эпохи интеллектуального возрождения. Желание

реформировать монастырские общины подогревалось отвоеванием Данелага, где оставались разоренные викингами монастыри времен Бэды. В Гластонбери была хорошая библиотека, и не исключено, что реформаторсий пыл Дунстана был отчасти навеян «Церковной историей рода англов», экземпляр которой имелся в библиотеке короля Этельстана.

В своем продвижении Дунстан опирался на покровительство короля. Однако неверно было бы представлять его себе отрешенным от мира. Его придворная деятельность носила светский характер — он был королевским советником и исполнял важные финансовые обязанности. Ему была привычна бурная жизнь королевского двора, физически выматывающая (поскольку он часто бывал в разъездах), наполненная борьбой политических группировок и изнурительная во многих других отношениях. Конечно, доступ к высоким должностям он во многом получил благодаря своему высокому происхождению, но чтобы добиться того, что добился он, требовалось честолюбие, жесткость, готовность без страха смотреть в лицо врагам и опасности — в этой игре ставки были не менее высоки, чем награды. Восхождение по церковной иерархической лестнице досталось Дунстану нелегко, и чем-то его духовная карьера напоминает светскую карьеру его старшего современника Этельстана по прозвищу Почти-король.

Можно быть уверенным, что в продвижении наверх Дунстану помогла и какая-то родня при дворе Этельстана, о которой, к сожалению, мало что известно. Зато могут быть с достоверностью названы духовные лица, состоявшие с ним в родстве: Этельхельм, епископ Уэльский (909-923 гг.) и архиепископ Кентерберийский (923-926 гг.);

Эльфхех, епископ Винчестерский; Кюнезиг, епископ Личфилдский — целая когорта священнослужителей. Около Гластонбери жила некая его родственница по имени Этельфлед, которая часто бывала при дворе. У него был также брат по имени Вульфрик, очевидно, близкий королевской семье, ибо он получил от Эдмунда и Эдреда много земельных пожалований в Сомерсете, которые позже подарил аббатству Гластонбери. Дунстану достались хорошие связи в узком кругу людей, которые немало значили в Уэссексе середины X в.

Монастырское возрождение получило сильную поддержку от короля Эдгара — король и епископ действовали в гармоническом согласии. По совету Дунстана был назначен на пост епископа Вустерского Освальд (961 г.), а Этельвольд удостоен продвижения на кафедру Винчестера (963 г.). Это трио прелатов управляло церковной жизнью Англии на протяжении целого поколения. Хотя нелегко различить индивидуальный вклад каждого, влияние Дунстана заметно в следующих областях. Во-первых, в период 959-965 гг. было основано, восстановлено или реформировано много монастырей в Вестминстере, Этельни, Бате, Мильтоне и Мальмсбери; Тависток, основанный в 975 г. ольдерменом Ордульфом, зятем короля Эдгара, был укомплектован насельниками из Гластонбери. Во-вторых, Дунстан установил некую преемственность между аббатством Гластонбери и епископской кафедрой Кентербери, которая поддерживалась долгое время спустя. Это была попытка обеспечить назначение епископов из числа монашествующих лиц: в период 968-1038 гг. любой епископ Кентерберийский проходил предварительную подготовку в Гластонбери. К середине XI в. монахи из реформированных

обителей составляли наибольшую часть английского епископата — «однокашники» высочайшего уровня. В-третьих, придворная деятельность Дунстана принесла плоды не только в сфере церковной организации — он оказался чем-то вроде «премьер-министра» при дворе Эдгара и его сына Эдварда Мученика (лишь в правление Этельреда II авторитет его несколько уменьшился). Влияние Дунстана ощутимо в законах Эдгара и в коронации 973 г. Учитывая компетентность Дунстана в финансовом деле, так и хочется допустить его участие в денежной реформе, однако тому нет подтверждений.

Этим не исчерпываются достижения этого замечательного человека. Один из его первых биографов рассказывает, что Дунстан был одаренным музыкантом и художником — ему приписывают рисунок в одной из рукописей, созданных в Гластонбери (ныне в Бодлеанской библиотеке Оксфорда). Он был истинным ученым, который поднимался на рассвете, чтобы править рукописи, и умел сочинять весьма изысканные латинские стихи. Он был талантливый учитель и покровитель образования в Гластонбери и Кентербери. Он путешествовал с аристократическим размахом и с тем же размахом щедро одаривал нищих в Риме, что шокировано его скаредного слугу. Он был истинным «гражданином мира», который переписывался с друзьями из Франции и Нидерландов.

Дунстан был не только крупным церковным деятелем, хотя это первым бросается в нем в глаза. Он был человеком разносторонних дарований, и на нем была печать святости. По выражению его биографа, он говорил с Богом «лицом к лицу». День его рождения в жизнь вечную — 19 мая 988 г.

ЭТЕЛЬВОЛЬД

ETHELWOLD, 910-984 гг. — один из трех вдохновителей монастырского возрождения X в., аббат Абингдона и епископ Вустерский

Этельвольд, настоятель монастыря в Абингдоне и с 963 г. до самой смерти епископ Вустера, был самым деятельным в том триумвирате церковных реформаторов (наряду с Дунстаном и Освальдом), которые преобразили английскую церковную жизнь во второй половине X в. Его родители, уроженцы Винчестера, по-видимому обладали хорошими связями, ибо сумели устроить юношу при дворе короля Этельстана. Подобно другими многообещающим молодым людям, он тяготел к кругу епископа Эльфхеха Винчестерского (934-951 гг.) и был рукоположен им в священнический сан в один день с Дунстаном. После того как в 940 г. Дунстан быз назначен настоятелем монастыря в Гластонбери, Этельвольд стал там монахом. Несколько лет спустя он задумал отправиться заграницу, чтобы продолжить образование и познакомиться с монастырскими обычаями на континенте, но ему помешала в этом королева-долгожительница Эдгива, вдова Эдварда Старшего и мать короля Эдреда. В начале пятидесятых годов Эдгива уговорила Эдреда отдать Этельвольду Абингдон, где в еще VII в. был основан монастырь, но потом заброшен. По приказу короля Этельвольд сделался там настоятелем и принялся за возрождение монашеского общежития с группой монахов из Гластонбери. Один из них, Озгар, который позднее стал преемником Этельвольда в роли настоятеля Абингдона, был отправлен для обучения монашеским правилам во Флери, где пребывал в то время и Освальд.

Восхождение на престол короля Эдгара послужило толчком к монастырскому возрождению. В 963 г. Этельвольд получил епископскую кафедру в Винчестере. Уже в следующем году он изгнал белое духовенство, из которого состоял кафедральный капитул, и заменил их монахами из Абингдона. Таким образом Винчестер стал первой английской «монашеской кафедрой» и с течением времени – примером для других английских епископатов, а именно Кентербери, Вустера, Дарэма и Нориджа. Подобно Дунстану и Освальду, Этельвольд основал (или реформировал) целый ряд монашеских общин, который включали Питерборо, Сент-Олбан, Эли, Торни и Сент-Неот. Многочисленные документы из Эли представляют Этельвольда как деятеля, быстро завоевывавшего пожалования для общины: к 1066 г. по земельному богатству монастырь Эли занимал второе место после Гластонбери. Как и другие реформированные обители X в., учреждения Этельвольда служили питомником для людей, составивших английский епископат в следующем поколении. Например, первый настоятель Питерборо продолжил свою карьеру как епископ Вустера и архиепископ Йорка, а его преемник дослужился до должности епископа Винчестера. Такие люди составляли опору не только церкви, но и государства.

Организаторские способности Этельвольда явствуют также из документа, известного под названием «Соглашение о Правиле» (Regularis Concordia), который был составлен под его руководством около 970 г. как дополнение к «Правилу св. Бенедикта» и создан ради упорядочивания жизни монашеских общин. Это хорошо разработанный документ, который проясняет многие важные особенности реформистского движения X в. Этельвольд во многом опирался на

обычаи реформированных континентальных общин, в том числе Флери, Гента, Трира, Вердена и Айнзидельна, в чем обнаруживается сильное иностранное влияние на английское реформистское движение. Необычайно тесные связи между королевским домом Уэссекса и монастырским возрождением отражаются и в других особенностях «Соглашения о Правиле». Этельвольд требовал от английских монахов молиться за королевскую семью не менее семи раз в сутки и придавал особое значение необходимости возглашать эти молитвы медленно и отчетливо. Рисунок в одной из ранних рукописей «Соглашения о Правиле» изображает короля Эдгара в окружении Дунстана и Этельвольда. Стиль и украшения «Соглашения о Правиле» также напоминают о том, что Этельвольд был покровителем образования и искусства, в чем он был подобен Дунстану и Освальду.

Первый биограф Этельвольда подчеркивал его образованность и одаренность как учителя. Это был Эльфрик, сам ученик Этельвольда и одна из ведущих фигур английского интеллектуального возрождения, которое выросло из монастырских реформ. Другая ведущая фигура, архиепископ Вульфстан из Йорка, был, вероятно, учеником ученика Этельвольда – если верно, что он был монахом в Эли при первом настоятеле Брихтноте, которого учил Этельвольд. Эльфрик сообщает, что Этельвольд с удовольствием объяснял книги своим ученикам по-английски. Несомненно, в значительной мере использование родного языка для литературных целей стало столь примечательной чертой поздней английской интеллектуальной жизни именно благодаря влиянию Этельвольда. Этельвольд сам перевел «Правило» св. Бенедикта на древнеанглийский и составил древнеанглийское описание участия

короля Эдгара в монастырском возрождении. В руках Эльфрика и Вульфстана родному языку было суждено превратиться в действенный литературный инструмент. Этельвольд не пренебрегал и латынью, традиционным языком религии и учености. Вдобавок к «Соглашению о Правиле» он, возможно, сочинял латинские стихи. Он определенно приветствовал написание латинских работ. Его ученик Вульфстан, регент Винчестерского собора (не смешивать с Вульфстаном Йоркским!) сочинил стихи в честь св. Свидуна Винчестерского, еще одну биографию Этельвольда и (по-видимому, утерянную) работу по музыке.

Возродившаяся монастырская жизнь и образование требовали большого количества книг. До сих пор число книг, сохранившихся в Кентербери от X в., превышает таковое в других местах. В этом можно усматривать элемент случайности, однако число книг, созданных в то время в Винчестере, Питерборо, Абингдоне, Торни и других местах вполне достаточно, чтобы свидетельствовать о том, насколько влиятельной фигурой был Этельвольд в производстве книг. Он, вероятно, играл самую большую роль в распространении в Англии каролингского минускула – аккуратного письма, буквы которого напоминают современные (первый засвидетельствованный пример в Абингдоне в 961 г.). Он поддерживал художников, которые украшали рукописи в стиле «Винчестерской школы» (наиболее ранний пример 966 г.). Вскоре после этого самый роскошный образец богатых рисунками рукописей был создан для личного пользования Этельвольда – знаменитый «Молитвослов св. Этельвольда» (теперь в Британской Библиотеке). Его автором был Годеман, монах из Винчестера, а позже настоятель Торни.

Этим не исчерпывается список культурных начинаний Этельвольда. Он много строил – в Абингдоне, Эли, Торне и прежде всего в Винчестере. Хотя не сохранилось ни одной из его построек в Винчестере, историки архитектуры смогли достаточно точно установить, что именно он строил, благодаря тщательному изучению письменных источников и посредством раскопок, которые проводились в 1961-1970 гг. В 971 г. мощи св. Свидуна были перенесены в новую гробницу, и началась капитальная перестройка кафедрального собора, который украсился монументальной скульптурой и керамической плиткой. Там, вероятно, были настенные росписи, тканевые завесы и множество золотых и серебряных канделябров, а также, возможно, кое-что наподобие тех любопытных антикварных изделий, которые век спустя оставил своему собору в Эксетере епископ Леофрик.

Покровительство, которое оказывал Этельвольд искусству, вызывалось, вероятно, не только прославлением Бога. Оно могло иметь разнообразные мотивы. Перестройка собора в Винчестере могла быть вызвана новыми литургическими нуждами. Например, Regularis Concordia дает первое в западном христианстве свидетельство о пасхальных представлениях – значительный эпизод в предыстории современной драмы – которые и могли вызвать перестройку собора. В некотором смысле постройки Этельвольда были чем-то вроде архитектурного манифеста реформаторского движения: великолепный новый собор и впечатляющий епископский дворец в королевском городе Винчестере намекают на значение в английской церкви совместного авторитета короля и епископа.

ОСВАЛЬД

OSWALD, умер в 992 г. — епископ Вустерский и архиепископ Йоркский, один из церковных реформаторов английского монашества во второй половине X в., уроженец Восточного Данелага

Как и два других реформатора, Освальд был человек со связями: его дядей был Ода, архиепископ Кентерберийский, через чье покровительство он получил хорошее образование и приобрел (таков был обычай до реформ монастырской жизни!) монастырский храм в Винчестере, став членом клира. Скорее всего, именно здесь, в столице королевства, познакомился он с Дунстаном и Этельвольдом, которые часто бывали при дворе и пользовались покровительством Эльфхеха, епископа Винчестерского. Некоторое время спустя (вероятно, в пятидесятые годы, когда ему было лет тридцать), Освальд отправился за границу, чтобы приобщиться к истинно монашеской жизни. Ода посоветовал ему поехать во Флери на Луаре, где он сам когда-то дал монашеские обеты. Обитель Флери, недавно реформированная под влиянием Клюнийской обители, находилась в зените своей славы и считалась образцовой монастырской общиной, которая следовала правилу св. Бенедикта, чьи мощи еще в VII в. были перенесены туда из Монте Кассино и привлекали много паломников. Проведя несколько лет во Флери, Освальд решил вернуться в Англию и заняться там реформацией монастырских уставов. Архиепископ Ода к тому времени уже умер, и Освальду пришлось обратиться к другому родственнику, архиепископу Йоркскому Оскютелю, который свел его с Дунстаном. А тот в 961 г.

передал Освальду только что освободившуюся кафедру в Вустере.

Освальд оставался епископом Вустерским до конца своей жизни, но с 972 г. занимал одновременно пост архиепископа Йоркского. Больше всего энергии вложил он в строительство монастырей. Первый построенный им в 963 г. монастырь находился на самом юге его епархии (Вестбери-на-Триме), за ним последовало несколько других (Эвеншэм, Першор, Винчком и Дерхерст), и даже в самом Вустере он, по примеру Этельвольда в Винчестере, постепенно превратил свою кафедру в аббатство. За пределами Вустерской епархии его самым знаменитым детищем является основанный в 968 г. монастырь в Рамзи-на-Болотах (пожертвования вкладывал с 962 по 992 гг. Этельвине, правитель Восточной Англии, один из сыновей Этельстана Почти-короля). Вероятно, Освальд принимал также участие в восстановлении монастыря в Кроуленде (где некогда подвизался знаменитый отшельник св. Гутлак), чей настоятель также приходился Освальду родней. Возможно, он пытался, хотя и безуспешно, восстановить монастырскую жизнь Райпона (Нортумбрия). Влияние Флери заметно в целом ряде монастырей: так, англосакс Герман, который побывал во Флери вместе с Освальдом, был первым настоятелем в Рамзи, а потом — первым настоятелем Винчкомба. Аббо, выдающийся монастырский реформатор и интеллектуал, два года (985-987 гг.) провел за преподавательской деятельностью в Рамзи, где он составил свое «Житие св. Эдмунда», короля восточных англов, убитого данами в 870 г. (сам Аббо был потом убит монахами монастыря Ла Реоль в Гасконии, которые не пожелали следовать его реформе). Монахи из Флери принимали участие в составлении документа, заказанного Этельвольдом

Винчестерским и известного под названием «Соглашение о Правиле» (Concordia Regularis), которое сформулировало устав реформированных монастырей.

Сохранилось большое число составленных Освальдом документов, преимущественно по поводу сдачи в аренду земли, которые приоткрывают не только особенности пользования землей в то время, но и деловые способности самого Освальда в распоряжении монастырскими земельными фондами. От Йоркской епархии не осталось подобных документов, но несколько описаний имений и писем о пожалованиях позволяют предположить, что Освальд с тем же тщанием заботился о своих подопечных на севере. Бюрхтферт Рамзийский, его первый биограф, подчеркивал энергию, с которой Освальд управлял епархиями.

Освальд был человеком аристократического склада. По пути в Рим в 971 г. он раздавал щедрые дары, как и Дунстан десять лет до него. Он одаривал свои собственные обители книгами, церковными облачениями, утварью. В Рамзи он устраивал пиры, сравнимые разве что с королевскими пирами, на которых виночерпии раздавали вино в золотых и серебряных рогах. Мало что сохранилось от этих предметов роскоши, украшавших жизнь знаменитого прелата: так, возможно, по его заказу была изготовлена великолепная «Рамзийская Псалтирь» (ныне в Британском музее), причем один из ее мастеров был насельником Флери. В душе реформаторы X в. могли оставаться смиренными и преданными служителями Божиими, но внешняя сторона их жизни была истинно княжеской.

Неудивительно, что карьера Освальда во многих чертах напоминала карьеры Дунстана и Этельвольда. За его спиной чувствуется присутствие

высокопоставленной родни, которая оказывала ему поддержку (архиепископ Ода, архиепископ Оскютель, настоятель Кроуленда Туркютель и другие из тех, что ставили свои подписи под Вустерскими документами в качестве бенефициариев или свидетелей), и поддержка эта была взаимной: создается ощущение, что высшие слои церкви и государства представляли единый, сплоченный круг людей: Дунстан, Этельвольд, ольдермен Этельвине и, конечно, сам король Эдгар, который назначил Освальда в Вустер и Йорк и активно содействовал созданию обителей нового типа.

Богатство, власть и великолепие; тесные семейные кланы; опека со стороны короля: вот что прочитывается между строчками источников. Эти источники представляли деятельность реформаторов в благоприятном свете. Но всегда полезно задаться вопросом, о чем же они умалчивают. Ведь изредка и в них появляются намеки на то, что реформа не была плаванием в безбурных водах: возможно, она встречала с чьей-то стороны оппозицию. Легко увидеть, кто оказывался от нее в выигрыше. Но кто проигрывал?

Важно понять, что реформа X в. касалась не только монастырского устава, но и прав собственности. Прежние, нереформированные обители были плотью от плоти местного аристократического общества, их насельники принадлежали местной знати, которая была юридически заинтересована в монастырских земельных фондах и для которой реформа была наступлением на права собственности, фамильные традиции и чувства. Изгнание Этельвольдом светской верхушки Винчестерского кафедрального собора в 964 г. было актом незаконным. Созданная Дунстаном система контроля за раздачей

должностей и привилегий обманула ожидания не только церковной администрации, но и всех, кто прежде получал от этого материальную прибыль. Родня Освальда из Восточной Англии, получившая земли на западе в Вустерских имениях, вытеснила землевладельцев из числа местных знатных родов. Много людей пострадало от монастырских реформ, и после смерти Эдгара не могла не наступить антимонастырская реакция. Но ее инициаторы оказались долгожителями — им не угрожала жестокая судьба Аббо Флерийского. Освальд пережил двух других и умер 29 февраля 992 г.

ЭПОХА ЭТЕЛЬРЕДА И КНУТА

ЭДВАРД МУЧЕНИК

EDWARD THE MARTYR, 963-978 гг.— английский король (975-978 гг.), старший сын короля Эдгара

По смерти Эдгара осталось два сына от разных матерей — Эдвард в возрасте двенадцати лет и Этельред в возрасти девяти. Как и по смерти короля Эдреда в 955 г., последовал спор о престоле. Сторонников младшего сына Эдгара возглавляла его мать, вдовствующая королева (ее, по всей видимости, поддерживал Винчестерский епископ Этельвольд), но на стороне старшего, Эдварда, оказался еще более влиятельный Дунстан, архиепископ Кентерберийский, который и решил спор.

Короткое правление Эдварда освещено мало, немногие источники оставляют впечатление начавшихся беспорядков. На севере восстал и был изгнан эрл Озлак из Дейры. В Мерсии ольдермен

Эльфхере разорил несколько монастырей, бывших проводниками политики покойного Эдгара, но их защитили знатные покровители. Между родовитыми семьями разгорались военные конфликты, предвещавшие гражданскую войну. В 976 г. разразился голод, усугубивший всеобщее недовольство. А юный король тем временем развивался в весьма непривлекательную личность, подверженную вспышкам беспричинного гнева, и терроризировал домочадцев. Ситуация усугубилась после смерти в 977 г. воспитателя Эдварда, епископа Сидемана из Кредитона, который один умел сдерживать приступы гнева юного монарха.

18 марта 978 г. Эдвард был убит охранниками Этельреда во время своего пребывания у своей мачехи Эльфтрюд, причем виновные не были наказаны. Самые ранние источники ничего не говорят о том, чтобы убийство было совершено с согласия королевы в интересах собственного сына — возможно, дружинники действовали по личной инициативе. Однако тень этого загадочного убийства навсегда омрачила дальнейшее царствование Этельреда, ибо вскоре началось быстрое распространение культа убиенного как христианского мученика. В 979 г. по инициативе мерсийского ольдермена Эльфхере останки были перенесены в женский монаст ырь Шафтсбери. В 1001 г. мощи положены в удобную для поклонения раку внутри монастырской церкви. Бюрхтферт Рамзейский, составивший около 1000 г. биографию архиепископа Освальда, был уверен в святости Эдварда, так же как и Аделард из Гента, написавший около того же времени житие Дунстана. Неизвестный составитель «Англосаксонской хроники» назвал Эдварда «небесным святым», от 1001 г. сохранились известия о чудесах, совершавшихся у мощей. Вскоре по заказу

насельниц монастыря Шафтсбери было составлено подобающее описание мученической кончины Эдварда, день которой в правление Кнута Могучего внесен в церковный календарь (имя Эдварда представлено, например, в роскошном требнике Робера Юмьежского, изготовленного в Винчестере около 1023 г.); к тому же времени относятся первые гимны, молитвы и мессы в честь святого.

ЭТЕЛЬРЕД НЕРАЗУМНЫЙ

ETHELRED THE UNREADY, 966-1016 гг. — король Англии (978-1016 гг.), младший сын Эдгара

Этельред вступивший на престол двенадцатилетним отроком после загадочного убийства его брата Эдварда. Современникам правление Этельреда запомнилось как время национальных бедствий и беспрерывных конфликтов, ответственность за которые они возлагали на короля. Несмотря на то, что его причастность убийству брата не была доказана, верхушка английского общества отнеслась к юному королю с подозрительностью, которая в дальнейшем только усугублялась его поведением.

Письменные источники того времени пестрят сообщениями о датских набегах на Англию, которые возобновились вскоре после вступления Этельреда на престол, достигли пика в 1009-1013 гг. и завершились завоеванием страны в 1013-1016 гг. правителями Дании Свейном Вилобородым и его сыном Кнутом Могучим. В 980 г. датский флот атаковал Хэмпшир, Кент и Чешир, в 981 г. — Девон и Корнуолл, в 982 г. — Дорсет, в 988 г. — снова Девон, в 991 г. наступил черед Кента, Саффолка и Эссекса. В том же 991 г. произошло важное событие — по совету архиепископа Кентерберийского было

принято решение откупиться от данов суммой в десять тысяч фунтов, которое положило начало регулярному сбору денег с населения, известному под названием «датские деньги».

Инициатива эта была не без прецедента. Таким способом покупали у викингов временный мир и короли IX в., включая Альфреда; в 955 г. король Эдред все еще завещал на это большую сумму денег. На этот раз датчане были еще более многочисленны и прекрасно оснащены, на море они чувствовали себя полными хозяевами, и обширное побережье страны было весьма уязвимо для их внезапных набегов. Одолеть столь подвижного, безжалостного и непредсказуемого врага, весьма напоминающего нынешних террористов, было нелегко, поэтому едва ли стоит сомневаться в правильности принятого Этельредом решения. И лишь время показало, что, как гласят известные стихи Редьярда Киплинга, «кто деньги данам сдал без боя, не может ждать от них покоя».

Выплаченная сумма столь высока для своего времени, что служит еще одним подтверждением компетентности тогдашней английской администрации. Датские деньги собирались в виде налога на землю через административно-территориальные подразделения — сотни и графства, которые распределяли налоги среди землевладельцев согласно количеству «гайдов» (земельных наделов). Размер налога на один гайд колебался между двумя и двадцатью шиллингами. Система оценки была подвижной: временное снижение налога получали люди, чьи наделы пострадали от набегов, но также и придворные-фавориты. За неуплату налагались строгие взыскания. При самых приблизительных подсчетах в современной валюте, «датские деньги», собранные с налогоплательщиков за период с 991 по 1018 гг.,

приближаются к сотням миллионов фунтов — от этой цифры может захватить дух у любого налогового инспектора.

Подобная сумма могла быть собрана лишь в обществе с высокоразвитыми социальными связями и институтами. Тем не менее сам процесс сбора и подсчета датских денег почти неизвестен. По всей видимости, этим занимались местные королевские чиновники — шериф и его подручные. Трудно допустить отсутствие при этом хоть какого-то подобия бухгалтерского учета, хотя историки относятся к этой идее с большой осторожностью из-за отсутствия прямых свидетельств. И все же подобная система в любом случае предполагает наличие немалого числа грамотных людей. Как и чеканка монет, сбор датских денег способствовал развитию английской бюрократии в самом высоком смысле этого слова, то есть как инструмента по укреплению гражданской дисциплины, основы того «всеобщего благосостояния» (Common Wealth), которое впоследствии позволило Британии стать лидером социального прогресса.

Однако именно достигнутое к эпохе Этельреда благосостояние оказалось для Англии роковым — в 992 г. датчане вернулись. Впечатляет уже простой перечень дат и мест набегов, а также полученных сумм, которые беспрерывно росли. В 993 г. даны атаковали побережье Нортумбрии, в 994 г. нападению поочередно подвергались Лондон, Эссекс, Кент, Сассекс и Хэмпшир (в том же году даны перезимовали в Англии, получив дань в размере 16 тыс. фунтов). В 997 г. они опустошили земли по обе стороны Бристольского канала и южное побережье Девона и Корнуолла, в 998 г. повернули к Дорсету и захватили о-в Уайт; в 999 г, перед отправкой в дружественную Нормандию, опустошили Кент. В 1001 г. вернулись в Сассекс и

Девон, после чего в 1002 г. взяли дань в 24 тыс. фунтов. В 1003 г. разграблен Эксетер и обширные области Уилтшира, в 1004 г. были опустошены и сожжены города Восточной Англии, после чего в 1005 г. грабители отправились домой в Данию. Однако уже в следующем 1006 г. они заняли Сэндвич, зазимовали на о-ве Уайт, а к Рождеству отправились через Хэмпшир в Беркшир. Результатом явилась очередная выплата датских денег на сумму в 36 тыс. фунтов. 1008 г. был мирным, но в 1009 г. датский конунг Свейн вместе с Торкелем Длинным снарядили еще более крупное войско и атаковали поочередно Сассекс, Хэмпшир, Беркшир, Кент, Эссекс, Оксфордшир. В 1010 г. от него пострадала Восточная Англия, и грабительским набегам подверглись даже внутренние территории Уэссекса, такие как Уилтшир. В 1011 г. захвачен Кентербери и взят заложником архиепископ Эльфхех, убитый следующей весной. В 1012 г. выплачено 48 тыс. фунтов, но в 1013 г. конунг Свейн появляется снова с целью окончательного завоевания страны. Военный поход в центральные области доставил ему все, чего он добивался. К концу года он чувствовал себя господином по всей стране. Король Этельред, который до того укрывалсся в Лондоне, переправился на о-в Уайт и бежал за море в Нормандию.

Современный событиям летописец сетует по поводу унижения английского народа в таких выражениях, за которыми явно скрывается упрек в бездействии королю и его военачальникам: «И когда они были на востоке, английская армия пребывала на западе; а когда они были на юге, наша армия находилась на севере». Однако в перспективе дальнейшего исторического развития ситуация представляется не столь однозначной. Этельред не был таким уж плохим стратегом: он умел делать

шаги, которые, хотя и не сразу, позволили поставить под контроль действия скандинавских вождей и сохранить ориентацию Англии на континент, то есть страны с более высокой романской культурой.

В 1002 г. овдовевший король женился на нормандской принцессе Эмме с целью лишить викингов морских стоянок в Нормандии. За два года до этого он предпринял успешный поход в Стрэтчклайд, чтобы предотвратить угрозу со стороны кельтских вождей, объединявшихся со скандинавами. К 1009 г. король завершил строительство нового флота, «более многочисленного, чем какой-либо флот в Англии при прежних королях». Как показали раскопки в Сомерсете, он продолжил укрепление «бургов» – традиционных средств национальной обороны со времен Альфреда. Едва ли можно назвать неумелым правителя, который строил города, расширял вооружение, собирал налоги, имел в обращении много денег и вел разумную внешнюю политику.

Что же неразумного было в царствовании Этельреда? Древнеанглийский эпитет Unræd̄ig, который король получил, по всей видимости, еще при жизни, обыгрывает значение слова ræd «совет, совещание»: человек, который, согласно буквальному смыслу его имени, должен был служить образцом «благородного совета», оказался вообще «не-советчиком» (буквальный смысл прозвища) своим подданным, то есть обнаружил недостаток рассудительности. Так, «датские деньги» и особенно несправедливое распределение налогов вызывали протесты, о которых упоминает в своих обличительных проповедях знаменитый церковный писатель Вульфстан, архиепископ Йоркский. О том, что Этельред мог грубо попирать права собственности, свидетельствует подписанная

им в 998 г. грамота о возвращении земли Рочестерской епархии, которую, как заявляет о себе король, «я отнял во времена моей юности по наущению неких людей». Есть и другие документы, которыми король утверждает свое право распоряжаться чужими владениями. Но у него были и более тяжкие грехи. В 1002 г. по приказу Этельреда были незаконно убиты несколько знатных датчан, проживавших в Англии. В 1006 г. он подготовил убийство правителя Нортумбрии и ослепление его сыновей, а 1015 г. – убийство еще двух представителей знати. Этельред жестоко расправлялся со своими врагами, и неудивительно, что приближенные не отвечали ему преданностью: источники той поры полны упоминаниями предательств и обманов, вокруг короля царила атмосфера недоверия. Внутренняя политика Этельреда оказалось еще менее успешной, чем внешняя.

Данный исторический контекст помогает понять тон королевского законодательства. Этельред издал несколько «кодексов законов», однако данный термин едва ли до конца подходит к ним — это скорее политические манифесты, к тому же пропитанные христиански-назидательным, почти проповедническим духом. Это неудивительно, ибо добрая половина из них скорее всего принадлежит перу Вульфстана, архиепископа Йоркского, а остальные — его сподвижникам. Самая их многочисленность и обилие в них повторений скорее свидетельствуют о том, насколько этот король не отвечал ожиданиям церкви и не умел найти с церковными деятелями (как, впрочем, и со всеми другими) общего языка. Церковь была столь же мало удовлетворена стилем правления Этельреда, как и знать.

Самым убедительным подтверждением тому служит один эпизод в конце его царствования. Вскоре после бегства Этельреда его противник Свейн умер (февраль 1014 г.). В Нормандию тотчас же прибыла депутация от мирян и клириков, которые пригласили Этельреда вновь занять престол — но на определенных условиях. Ему пришлось пообещать «править людьми более справедливо, чем он это делал прежде... быть для них милостивым господином и отменить все то, что они ненавидели». В этом уже слышится нечто вроде конституционного соглашения между королем и народом, которому предстояло в Англии столь долгое и славное будущее. Однако восстановление Этельреда в правах законного монарха едва ли имело удачные последствия. Есть свидетельства, что король не выполнил своих обещаний, в семье его царил разлад, и не было конца грабительским набегам датчан. Весной 1015 г. Эдмунд Железный Бок, сын его от первого брака, восстал против отца и захватил власть в северной Англии. Летом вернулся Кнут, сын Свейна, овладел Уэссексом и заключил союз с предателем Эдриком Стреоной, правителем Мерсии. К тому времени Этельред чуствовал себя уже совершенно больным и разбитым. Зиму 1015-1016 гг. он провел в Лондоне, чьи граждане сохранили ему преданность, и умер там 23 апреля 1016 г.

Царствование Этельреда выглядит чуть ли не плачевно. И все же в нем есть и свои позитивные стороны. Для его подданных датские деньги оказались тяжелым бременем, однако именно они заложили основания налоговой системы, которая привела к более совершенному управлению государством. Да и в культурном плане эпоха Этельреда дала немало, особенно для развития родной словесности и художеств: стилистически

отточенную прозу Эльфрика; замечательную героическую поэму «Битва при Мэлдоне»; великолепную архитектуру храма в Брэдфорде на Эйвоне; роскошно иллюстрированные рукописи Босвортской Псалтири, Шерборнского Молитвослова и Евангелия из Эдви; Брюссельское Распятие и резной епископский посох из слоновой кости (ныне в Музее Виктории и Альберта). Царствование Этельреда совпадает с тем золотым веком англосаксонского изобразительного искусства, которое столь обильно представлено в Британском музее. Утешительно думать, что политические конфликты и национальные бедствия могут стимулировать расцвет искусства в обществе.

БЮРХТНОТ

BYRHTNOT, умер в 991г. – герой битвы при Мэлдоне (991 г),
павший смертью храбрых, верный слуга
английского королевского дома

Бюрхтнот происходил из богатого аристократического семейства, вероятно, состоявшего в родстве с королевской династией, которая некогда правила независимой Мерсией. Он родился между 925-930 гг., был женат на женщине по имени Эльффлед, дочери Эльфгара, правителя Эссекса (сестра которой Этельфлед была второй женой короля Эдмунда), и в 956 г. сам занял пост правителя Эссекса, который держал до самой смерти. Но сфера его влияния распространялась дальше Эссекса, вплоть до самых северных границ. Сохранившиеся документы показывают, что Бюрхтнот владел большим земельным состоянием, которое досталось ему отчасти по наследству, отчасти через женитьбу, а отчасти через королевские пожалования. Наибольшая часть его

земельных владений была сосредоточена в восточных графствах Эссекса — Саффолке и Кэмбридже, другие же простирались вплоть до Оксфорда и Вустера. Богатством он, вероятно, превосходил своего современника Вульфрика. Короли, которым служил Бюрхтнот, высоко ценили его: в 964 г. Эдгар обращался к нему “мой возлюбленный эрл”. Он одобрял политику Эдгара по возрождению монашества и щедро одаривал монастыри в Эли и Рамзи, основанные Этельвольдом и Освальдом в шестидесятые годы X в. Первый настоятель реформированной обители Эли был тезкой и, по-видимому, родственником Бюрхтнота. Бюрхтнот оказал сильную поддержку монастырям во время так называемой «анти-монашеской реакции» в правление Эдварда Мученика.

Бюрхтнот погиб в битве с датчанами при Мэлдоне в 991 г. Эта битва увековечена в знаменитой поэме, написанной аллитерационным стихом на древнеанглийском языке. И сама битва, и поэма породили среди историков и литературоведов самые противоречивые мнения. Утверждалось, что были две битвы вместо одной; что место сражения никак не связано с Мэлдоном; что поэма была написана много лет спустя, а не сразу после сражения; что поэма представляет надежный источник информации и вместе с тем — что она совсем лишена достоверных сведений; что поэма превозносит архаическую этику германского героического прошлого и вместе с тем — что ее автор был убежденным христианином, скорее всего ученым монахом, и воплотил в своем произведении патриотизм нового христианского типа; и т.д., и т.п. Следует сказать, что поэма выше всех этих педантичных оценок и заслуживает внимания сама по себе.

Древнеанглийская поэма «Битва при Мэлдоне» – выдающийся памятник

позднедревнеанглийской эпохи – описывает поражение англичан в сражении со скандинавами и гибель Бюрхтнота. Речь идет о второй волне нашествий викингов, которые происходили во время правления короля Этельреда Неразумного (979—1016 гг.), получившего свое прозвище за неспособность организовать отпор норманнам. Эта битва представляет исторически засвидетельствованное событие (большинство рукописей «Англосаксонской хроники» относят ее к 991 г.), о котором в Паркеровской рукописи сообщается так: «В тот год Анлаф пришел с 93 кораблями к Фолькестану и разграбил всю округу, а затем направился в Сандрик и оттуда в Ипсвик и, опустошив их, двинулся в Мэлдон. Ольдермен Брихтнот выступил против них с войском и дал им бой, и они убили там ольдермена и оставили за собой поле битвы». Эти набеги отражены и в других источниках – скандинавских сагах и скальдической поэзии. Упомянутого Анлафа одни исследователи отождествляют с Олавом Трюггвасоном, знаменитым норвежским конунгом (994—1000 гг.), другие же полагают, что в сражении принимал участие не столь значительный предводитель викингов.

Тем более замечательным представляется то освещение, которое получает этот по-видимому рядовой англо-скандинавский конфликт в поэме. Краткое сообщение летописи разворачивается в крупномасштабную картину объемом в триста двадцать пять поэтических строк, важное место в которой занимают речи героев. Поэма интересна прежде всего тем, что историческая правдивость описания военного конфликта (почти протокольное сообщение об исторических фактах) сочетается в ней с героическим пафосом, имеющим целью восстановить пошатнувшиеся во времена Этельреда героические идеалы.

Достоверность исторического материала подтверждается прежде всего обилием имен собственных, включающих патронимы, этнонимы и топонимы. В поэме упоминается король Этельред, около тридцати знатных мужей (некоторые из них, как ольдермен Бюрхтнот или Эльфрик, засвидетельствованы другими источниками) и даже один простолюдин (что нарушает традицию героической поэзии, среди персонажей которой не бывает людей незнатного происхождения). Встречающиеся традиционные эпитеты не противоречат историческим фактам: так, эпитет «седовласый» указывает, по-видимому, на реальный возраст главного героя (исследователи высчитали, что Бюрхтноту было в битве при Мэлдоне около шестидесяти пяти лет). В поэме особо акцентируются родословные персонажей, которые включают не только имя предка, но и местность, откуда происходит род (Мерсия или Нортумбрия). Отмечено устройство социально-военной иерархии: так, проводится различие между войском и личной дружиной вождя, его «гридью».

Описание сражения (строки 134—168) позволяет точно восстановить последовательность действий сражающихся: викинг ранит Бюрхтнота, тот поражает его ответным ударом копья и убивает еще одного врага, но вскоре и сам получает смертельную рану, юный Вульфмар вырывает копье из раны Бюрхтнота и поражает им убийцу, выполняя тем самым долг мести; Бюрхтнот пытается отразить новое нападение, но один из викингов отрубает ему руку, лишая его возможности обороняться. Описание гибели противников, выдержанное в духе саг, поражает обилием деталей.

Некоторые топонимические подробности (в том числе название реки Панта, упоминаемый в поэме «брод» и намек на морские приливы и отливы)

дают возможность оценить тактику поведения противников. Полагают, что викинги вошли в устье реки Панта (совр. Blackwater) и высадились с кораблей на островке в ее дельте (совр. Northey); островок соединяется с большой землей, где стояло войско Бюрхтнота, каменной грядой, отходящей от его юго-западной оконечности и открываемой во время отлива. Просчет Бюрхтнота состоял в том, что он переоценил свои силы и позволил викингам обмануть себя, уступив им «брод», чем поставил под удар свое войско. Сторонники полной исторической правдивости поэмы видят ее недостаток в том, что поэт все же не объясняет, в чем именно состояла хитрость викингов, отчего дальнейшие действия Бюрхтнота представляются слабо мотивированными. Однако ориентация повествования на древние эпические образцы заведомо исключает необходимость подобной мотивировки: в действиях Бюрхтнота находит выражение его героический дух. Самонадеянность, с которой он уступает противнику удобную позицию, не требует «житейских» оправданий, но должна измеряться соответствием героическому идеалу. Как отмечает О.А.Смирницкая, события местного значения вырастают в поэме до эпических масштабов, и Бюрхтнот в ней – не просто воевода, совершивший непоправимую ошибку, а герой, под знаменем которого собралась «вся Англия»[39]. Однако наличие в поэме художественного вымысла (в качестве примера чаще всего ссылаются на речи «Битвы») не исключало ее правдивости в глазах читателей.

Несмотря на отсутствие начала и конца (рукопись сгорела во время пожара, а сохранившаяся транскрипция не полностью воспроизводит текст), поэма представляет законченное целое и распадается на две части — до

[39] *О.А.Смирницкая.* Примечания / Древнеанглийская поэзия… С. 309.

и после гибели Бюрхтнота (строки 1—184 и 185—325). Не менее Бюрхтнота прославляются в поэме дружинники, принявшие смерть вместе с вождем. Но поэт идет дальше: он воспевает не только отдельного вождя, но весь кодекс героического поведения, требующий от дружинника безграничной преданности своему господину. В контексте этих представлений становится особо заметен позор тех воинов, которые не пожелали вступиться за вождя и бежали с поля боя. Напротив, последняя строка поэмы восхваляет бесстрашного Бюрхтвольда, который, укрепляя мужество соратников павшего Бюрхтнота (отметим значимую перекличку имен), произносит свой знаменитый афоризм, перекликающийся с подобными афоризмами «Беовульфа»:

«Духом владейте,
доблестью укрепитесь,
сила иссякла —
сердцем мужайтесь!».[40]
(Пер. В. Тихомирова)

Борьба со скандинавами вызвала подъем патриотических чувств в обществе, средством укрепления которых и служили героические идеалы англосаксонских переселенцев в Британию, принесенные в V-VI вв. с континента. Вместе с тем поэма не лишена и христианского осмысления гибели героя, который встречает свою кончину словами, достойными христианского мученика:

«…и теперь я, Господь вседобрый,
в помочи Твоей нуждаюсь:
огради благодатью
дух мой отлетающий..».[41]
(Пер. В.Тихомирова)

Подобная трактовка имеет исторические основания: из латинских сочинений известно, что

[40] Древнеанглийская поэзия… С. 155.
[41] Древнеанглийская поэзия… С. 175.

Бюрхтнот оказывал покровительство монастырю в Эли, который, возможно, и заказал эту поэму. Характерно, что викинги, ни разу не названные по имени, называются в поэме «язычниками».

ВУЛЬФРИК

WULFRIC, умер около 1004 г. – основатель монастыря в Бертоне-на-Тренте, самой северной обители, созданной за время монастырского возрождения X в.

Вульфрик принадлежал к северной мерсийской знати, богатой, набожной и преданной королевскому дому Уэссекса. Лояльность по отношению к власти уэссекской династии подтверждается появлением его подписей в королевских грамотах в период 970-1002 гг. Подобные подписи обычно свидетельствуют о том, что их автор заседал в королевском суде и принадлежал к членам королевского совета «витена-гемот», именовавшихся witan «мудрецы». В 995 г. король Этельред пожаловал ему земельный надел «за самую верную службу королю». На Вульфрика король мог положиться.

В награду за свою преданность он получил большие земельные наделы и как следствие — влияние и власть. Их размеры можно оценить по сохранившемуся завещанию, составленному между 1002 и 1004 гг. Он был владельцем более восьмидесяти имений, разбросанных в пределах дюжины графств — от Йоркшира на севере до Глостершира на юге и от Чешира на западе до Линкольншира на востоке. Некоторые были небольшими, а другие достигали огромных размеров, как, например, Конисбро в Йоркшире. Это название

значит «королевская крепость». Здесь до сих пор возвышается величественный замок XII в., напоминая о стратегическом значении этого места. Это был оплот уэссекских королей в борьбе с нортумбрийскими данами во второй четверти X в. Нет ничего невероятного в том, что Конисбро мог быть пожалован семейству Вульфрика одним из королей Уэссекса. Некоторыми из своих имений Вульфрик был действительно обязан королевским дарениям. Но основную массу он унаследовал от отца, чье имя осталось неизвестным, и матери по имени Вульфрун.

Вульфрик не оставил сына. Своей единственной дочери-инвалиду он отказал по завещанию совсем немного. Его брат Эльфхельм, правитель южной Нортумбрии в 993-1006 гг., получил много, так же как сыновья Эльфхельма и семья его сестры. Но главным образом он изливал свою щедрость на основанный им монастырь в Бертоне-на-Тренте, которому были завещано не менее сорока восьми имений вместе со скотом и движимым имуществом (и Бертон был не единственным проявлением благотворительности Вульфрика).

Первым настоятелем Бертона был монах из Винчестера — факт весьма значимый. Винчестер был родиной реформированного монашества, созданного епископом Этельвольдом и королем Эдгаром. Основание монастыря было для Вульфрика не просто актом личного благочестия, направленного на спасение души: таким путем культурное и политическое влияние Уэссекса проникало в регион, до того ему совершенно чуждый. Примечательно, что Вульфрик дал ясно понять в своем завещании, что после своей смерти он вверяет монастырь покровительству короля и архиепископа Кентерберийского, так же как и своего брата.

Карьера и связи Вульфрика, насколько о них можно судить по завещанию и некоторым другим документам, приоткрывают нам сам процесс возрастания авторитета Уэссекса в области Датского права, благодаря которому в X в. постепенно возникает единое английское королевство. Те же документы ясно обнаруживают, насколько богата была английская аристократия в то время, и не одной землей: замечательно то количество золота, которое имел в своем распоряжении Вульфрик. Даны, беспрерывно грабившие Англию во времена Этельреда, были правы в своей оценке Англии как чрезвычайно богатой страны.

Чуть более поздние документы дают историку еще один урок. Вскоре после смерти Вульфрика его семейство изменило королю, поведя нечестную игру. В результате в 1006 г. брат его Эльфхельм был убит, племянники ослеплены, а в 1015 г. погиб вместе со своим братом от руки убийцы и Моркар, муж племянницы Вульфрика. Значительная часть фамильной собственности была конфискована королем. Пострадал и семейный монастырь в Бертоне. Его владения в 1086 г., согласно “Книге Страшного Суда”, составляли не больше половины тех, что восемьюдесятью годами ранее перечислил в своем завещании Вульфрик. История этого семейства и его монастыря иллюстрируют неустойчивость власти земельной аристократии в тот период и подвижность английского общества.

ЭТЕЛЬВАРД ХРОНИСТ

ETHELWEARD THE CHRONICLER, умер ок. 999 г. – крупный представитель англосаксонской знати X в., политик, покровитель церкви и учености и автор латинской хроники

Этельвард был членом уэссекского королевского рода, потомком короля Этельреда I (старшего брата короля Альфреда) и братом королевы Эльфгивы, супруги короля Эдвига.

Его имя регулярно встречается среди подписей под королевскими грамотами в период между 973-998 гг. (поэтому полагают, что вскоре после этого он умер). Он был ольдерменом (правителем) Дорсета, но возможно, его власть простиралась и дальше на юго-запад. В силу своего звания и должности он входил в число советников короля Этельреда II, и ему доверялось решение сложных политических вопросов, как, например, участие в переговорах с датчанами в 991 г.

Этельвард был человеком с большим состоянием, часть которого он вложил в основание монастырей. В 987 г. он вместе со своим сыном Этельмером основал Кернское аббатство (Cerne Abbas) в Дорсете, а после смерти отца Этельмер основал еще и монастырь Эйншем неподалеку от Оксфорда. В этих двух монастырях жил и творил Эльфрик, один из трех выдающихся литературных деятелей (два других были Вульфстан Йоркский и Бюрхтферт Рамзейский), прославивших позднюю англосаксонскую культуру. Этельвард покровительствовал Эльфрику, который перевел по его настоянию шесть книг Ветхого Завета на древнеанглийский язык и посвятил ему свои проповеди и жития святых.

«Хроника» Этельварда – весьма замечательный памятник эпохи. Это единственное

дошедшее до нас произведение на латинском языке, сочиненное мирянином ранее XIV в. Да еще и латынь Этельварда была выше посредственного уровня — он писал на особой, цветистой латыни, которая возродилась в подражание стилю св. Альдхельма (VII в.) в кружке епископа Этельвольда Винчестерского, которому обязан Этельвард своей литературной подготовкой.

Этельвард был человеком высокообразованным. Насколько выделялся он этим среди мирян того времени? Историки не дают определенного ответа на этот вопрос. Конечно, знание латыни было редким в миру, но грамотность могла быть распространена шире, чем обыкновенно полагают ученые. В конце концов, ведь и король Альфред, реалист и практик, считал необходимым для своего народа начальное образование. Вообще трудно себе представить, каким образом могла бы работать административная система англосаксонского государства (а она действительно работала) без широкого распространения грамотности. В этом убеждают частые упоминания книг в завещаниях того времени, хотя, конечно, владеть книгой еще не означает обязательно читать ее.

«Хроника» Этельварда — это латинское переложение анналов, ныне утерянных, которые первоначально были записаны по-древнеанглийски. Она прослеживает историю англичан от ее истоков (поселения в Британии и христианизации) вплоть до царствования Эдгара и особо подчеркивает деяния королей Уэссекса, с которыми состоял в родстве сам автор. Работа была составлена для одной знатной дамы по имени Матильда, настоятельницы Эссенского монастыря в Германии, внучки императора Оттона I и его английской супруги Эдиты, дочери короля Этельстана. Это посвящение

указывает, что представители духовно-аристократической элиты Англии и Германии имели между собой в X в. не менее тесные контакты, чем в VIII-IX вв. Более того, изложение древнеанглийских летописей для латиноязычной Европы подтверждает, что англосаксонская история и культура были популярны на континенте в той же мере, что и во времена первых англосаксонских миссионеров в Германии. Поздняя англосаксонская культура никоим образом не занимала изолированного положения. Этельвард, как и Вульфстан, жил во вселенной и был в некотором смысле космополитом.

ЭЛЬФРИК

AELFRIC, умер около 1012 — настоятель Эйншемского монастыря, один из самых искусных писателей-прозаиков на древнеанглийском языке позднего периода

Эльфрик получил образование под крылом епископа Этельвольда в Винчестере (где принял монашеские обеты) и имел тесные связи с семейством Этельварда Хрониста — оба его покровителя обладали высоким положением в обществе, богатством и литературными интересами. Когда в 987 г. Этельвард и его сын Этельмер основали Кернский монастырь в Дорсете, Эльфрик отправился туда в роли преподавателя. Позже, в 1005 г., Этельмер устроил еще одну обитель, в Эйншеме, и Эльфрик стал ее первым настоятелем. Он провел там остаток жизни и умер около 1012 г.

Хронология его писаний такова. Между 989-992 гг. он сочинил, или по крайней мере завершил, две книги проповедей — «Кафолические гомилии»

(Catholic Homilies). Между 992-999 гг. он перевел шесть книг Ветхого Завета на родной язык (так наз. Hexameron) и сочинил целый ряд житий святых. «Гексамерон» был написал по заказу Этельварда, и ему же были посвящены некоторые из житий. В те же годы Эльфрик написал два учебника латинского языка для своих учеников, «Грамматику» и «Диалоги». В начале XI вв. мы застаем его за сочинением пастырских писем для архиепископа Вульфстана Йоркского и епископа Вульсига Шерборнского. После переезда в Эйншем он сочинил латинское жизнеописание своего наставника Этельвольда, завершенное к 1006 г., а также краткий трактат на библейские темы для некоего Оксфордского землевладельца по имени Сигвард из Эстхолла.

“Диалоги” Эльфрика составлены в виде беседы между учителем и учеником на бытовые темы как практикум по латинской грамматике и словарю. Эта книга обнаруживает интересные детали повседневной жизни англосаксов. Вот, например, разговор с одним из королевских охотников:

“Ты охотился сегодня? –

Не сегодня, ведь сегодня воскресенье, но вчера я охотился. –

И кого ты поймал? –

Двух оленей и кабана. –

Как ты их поймал? –

Я поймал оленя в сети и убил кабана. –

Как тебе удалось убить кабана? –

Псы пригнали его ко мне; я стоял на тропинке и смог быстро пронзить его копьем. –

Ты, должно быть, и в самом деле смел. –

Охотник не может быть робким. –

А что ты делаешь с дичью, которую ты поймал? –

Все, что я ловлю, я отдаю королю, ведь я его охотник. –

А что он дает тебе за это? –

Он хорошо одевает и кормит меня, а иногда он дарит мне коня и кольцо.”

Если оставить в стороне латинские учебники и библейские переводы, труды Эльфрика, как и труды Вульфстана, были нацелены на нравственное руководство клиром и мирянами во времена бедствий. Он наставлял свою аудиторию примерами святости как из отдаленного, так и из недавнего прошлого:

“В Англии короли тоже часто побеждали силой Божией, как нам доводилось слышать — например, король Альфред, который часто сражался с данами, пока не добыл победу и не защитил свой народ, или Этельстан, который сразился с Олавом, и нанес удар его армии, и обратил его в бегство, а потом жил в мире среди своего народа. Эдгар, благородный и решительный король, возвеличивал славу Божию всюду в своем народе; и Бог поверг врагов к его стопам…”

Бесконечная приверженность Эльфрика королю — дальнейшая иллюстрация тесных связей между церковными реформаторами десятого века и королевским домом. Его работы в этом отношении — важный источник для понимания политических идей данного периода.

“Ни один человек не может сам сделать себя королем, но народ имеет право выбрать короля, который ему по душе. Однако после его помазания на царство он приобретает власть над людьми, и они не могут сбросить со своей выи иго этой власти”.

“Когда в человечестве слишком много зла, советники должны исследовать со всем разумением, какая из опор трона сломилась и тотчас восстановить ее. Трон стоит на трех опорах: тех, кто

работает; тех, кто сражается; тех, кто молится… На этих трех опорах стоит трон, и чуть одна сломается, он тотчас падает”.

Эльфрик был человеком широкого кругозора, пребывал в курсе всех последних достижений богословия и обладал глубоким знанием прошлого. Он был прекрасным стилистом, так что его английская проза сочна, гладка и сильна. Его жизнь и труды остаются истинным памятником английского церковного возрождения десятого века.

БЮРХТФЕРТ

BYRHTFERTH, умер ок. 1015 г. — монах из Рамзи и важная фигура в интеллектуальной жизни позднего англосаксонского периода

Монастырь Рамзи был основан в 968 г. Освальдом, епископом Вустерским и архиепископом Йоркским, который получил свое интеллектуальное и религиозное образование во Франции, в прославленном монастыре Флери. Освальд решил сделать Рамзи заведением подобного же толка. Как только новая обитель была основана, Освальд пригласил Аббо, самого ученого насельника Флери, для преподавания. Аббо Флерийский жил в Рамзи в 985-87 гг., и Бюрхтферт несомненно испытал на себе его влияние.

Интеллектуальные интересы Аббо лежали в области истории, логики, математики и астрономии: Бюрхтферт следовал в своих занятиях за своим наставником. Бюрхтферт был более ученым, чем пастырем-богословом или проповедником, как его современники Вульфстан и Эльфрик. Самый важный его научный труд — «Учебник» (Enchyridion), завершенный им в 1011. Это руководство к

изучению того, что в средние века принято было обозначать computus, то есть исчисление церковных праздников. Оно написано частью по-латыни, а частью по-древнеанглийски для уразумения тех, кого автор несколько пренебрежительно именует «сельские неучи». Эта работа не оригинальна, она отражает учение Флери и опирается на Бэду, к которому Бюрхтферт испытвал величайшее уважение. Однако она вполне компетентна, всеобъемлюща и вполне отвечает практическим целям. Было бы интересно узнать, насколько широко был известен «Учебник» в околоцерковных кругах мирян, но к этому у нас нет доступа.

Перечень исторических трудов Бюрхтферта установлен не до конца, но при настоящем состоянии исследований выглядит так. Он сочинил латинское житие св. Эдвига (умер в 717 г.), одного из ранних епископов Вустера — вероятно, по заказу Освальда (следовательно, сочинение было завершено до кончины последнего в 992 г.). В начале девяностых годов он составил летопись событий нортумбрийской истории, а около 1000 г. — латинское жизнеописание Освальда, документ большого исторического значения для понимания не только монастырского возрождения X в., но также и правления Эдгара и Эдварда Мученика. Наконец, теперь полагают, что им на основе местных записей был составлен один из вариантов «Англосаксонской хроники», так наз. Manuscript B. Если все это верно, то Бюрхтферт выглядит как самый известный английский историк со времен Бэды, однако труды его не привлекли к себе такого внимания читателей, отчасти потому, что его латинский стиль пространен и труден. Он был широко образованным человеком и влиятельным наставником. Кроме того, его личность свидетельствует о разнообразии научных интересов,

сформированных в Англии десятого века возрождением религиозной жизни и науки.

СВ. ЭЛЬФХЕХ

AELFHEAH, умер в 1012 г. – архиепископ Кентерберийский (1005-1012 гг.) и первый в ряду пяти представителей этого звания, умерших насильственной смертью

О церковной карьере Эльфхеха известно немного: получив монашескую подготовку в Гластонбери, он пребывает в должности аббата в г. Бате в 968-970 гг.; в 984 г. занимает должность архиепископа в Винчестере, а в 1005 г. — в Кентербери; в 1008 г. вместе с Вульфстаном, архиепископом Йоркским, составляет законы для короля Этельреда II. Напротив, его мученическая кончина освещена хорошо. В сентябре 1011 г. датская армия под предводительством Торкеля Долговязого и, возможно, Свейна Вилобородого захватила и разграбила Кентербери. Архиепископ вместе с несколькими другими видными представителями церкви был схвачен и заключен под стражу. Всю зиму Эльфхех оставался в руках датчан. В апреле 1012 г. те расположились лагерем неподалеку от Лондона (Гринвич), ожидая выплаты колоссальной суммы в 48 тыс. фунтов. Деньги были выплачены сразу после Пасхи, которая в том году приходилась на 13 апреля. Но датчане потребовали, чтобы в качестве выкупа за архиепископа была выдана дополнительная сумма в 30 тыс. фунтов. Эльфхех храбро отверг это требование несмотря на протесты Торкеля, и 19 апреля был зверски убит толпой пьяных викингов.

Тотчас же Эльфхех был прославлен как христианский мученик. Рака с его мощами в соборе св. Павла стала предметом поклонения, и над нею начали совершаться чудеса. При содействии Кнута в 1023 г. мощи были перенесены в Кентербери, к величайшему неудовольствию клира св. Павла. Культ св. Эльфхеха засвидетельствован вплоть до конца средневековья.

ВУЛЬФСТАН

WULFSTAN — архиепископ Йоркский (1002-1023 гг.),
самая выдающаяся личность в интеллектуальной жизни
поздней англосаксонской церкви и крупный государственный деятель при Этельреде II и Кнуте

Будучи, по всей видимости, уроженцем восточного Данелага, он приобщился к монашеской жизни и получил соответствующую подготовку в монастыре Эли, где и был похоронен после смерти. В 996 г. стал лондонским епископом, а в 1002 г. занял должность архиепископа Йоркского.

Вульфстан был плодовитым писателем и (наряду со своим другом Эльфриком) самой влиятельной фигурой в том интеллектуальном возрождении, которое было подготовлено церковной реформой Дунстана, Этельвольда и Освальда. Но если последние занимались преимущественно организацией религиозной жизни монашеских общин, то интересы Вульфстана были шире. Его занимало надлежащее устроение христианского общества в целом, христианской жизни как клириков, так и мирян, а особенно обязанности королей и епископов. К этому предрасполагало и то бурное время, в которое он

жил. Вульфстан трактовал датские набеги на Англию во времена правления Этельреда как наказание Божие за людские грехи. Он страстно отстаивает эту точку зрения в своей самой знаменитой работе Sermo Lupi ad Anglos «Послание Волка к Англам», написанной скорее всего в 1014 г. (Lupus — литературный псевдоним Вульфстана, которым он обыгрывает буквальный смысл своего двучленного германского имени «Волк-камень»):

«Одумайтесь же наконец: вот уже много лет диавол вводит сей народ в величайшее заблуждение, и мало верных осталось среди людей… Если мы желаем восстать, мы должны лучше служить Богу, чем делали это до сих пор. Ибо мы сами заслужили те беды, что тяготят нас, и через собственные заслуги суждено нам получить избавление от Бога, если ныне наступит перемена. Ибо вот, нам хорошо известно, что большая поломка требует и большой починки, а большой пожар не менее большой воды, если погаснет вообще; и великую нужду имеет человек в том, чтобы дальше блюсти закон Божий со тщанием…»

Послание Вульфстана сулило мрачные перспективы. Как и Гильдас, слова которого он воспроизводит в своем пассаже, он полон того духа, который Гиббон с незабываемой меткостью охарактеризовал как «природный пессимизм религиозной риторики»[42].

Вульфстан писал свои работы больше по-английски, чем на латыни, чтобы завоевать возможно более широкую аудиторию. Стиль его прозы весьма своеобразен. С помощью стилистических критериев ученым удалось распознать много его работ. Они делятся на две группы: юридические и проповеднические, но деление это не жесткое, ибо оба жанра часто

[42] R. Fletcher. Who is Who… P. 210.

переплетаются. Юридические сочинения Вульфстана близки по характеру к проповедям, а проповеди затрагивают законы и обычаи христианского народа. Оба направления сливаются в его самом грандиозном труде «Государственные институты, светские и церковные», над которым он работал до конца своей жизни. Как таковое, это сочинение наследует длительные традиции политической и общественной мысли, зачинателем которой выступает апостол Павел; но его непосредственных предшественников следует искать среди работ каролингского периода, и оно имеет аналогии у современников на континенте, особенно епископов Германии и северной Франции.

Вульфстан был человеком широкого кругозора, хорошо знакомым с трудами главных мыслителей эпохи Каролингов, таких как Алкуин и Теодульф Орлеанский (умер в 821 г.). Эта эпоха замечательна тем, что она оставила после себя целый корпус теоретических построений, разработанных деятелями церкви с целью наставить светских правителей, таких как Карл Великий, Людовик Благочестивый и Карл Лысый, в том, что называлось «королевский путь к мудрости» (sapientia). При этом мудрость рассматривалась не как отвлеченное свойство, но как методы правильного управления обществом в гармоническом соответствии с Богом данными законами общественной и личной этики. Для Вульфстана подобная задача была одновременно и насущной, и безнадежной. Короли, которым он служил, оставляли желать лучшего. Этельред был монарх неумелый и несговорчивый, который нуждался в исправлении. Кнут был завоеватель-варвар, которого еще надо было обучить элементарным навыкам христианского правления. Заботы Вульфстана находят яркое выражение в

правовых текстах, составленных им для этих королей. Его перу принадлежат по меньшей мере три указа Этельреда — 1008 г., 1009 г. и 1014 г. В 1018 г. он составил законодательство для Кнута, а в 1020-22 гг. — полный свод его законов, самое всеобъемлющее законодательство, которое когда-либо издавалось за весь англосаксонский период.

Клир также нуждался в управлении. Вульфстан сочинял трактаты об обязанностях епископов. Некоторые из его проповедей — это пастырские письма клирикам его епархии, а два таких пастырских письма он уполномочил написать Эльфрика. Им написан трактат по отбору кандидатов в священники, а так называемый «Закон для нортубрийского священства» — это ряд указаний для клира Йоркской епархии.

Вульфстан был не только теоретиком, который наставлял королей и священство в том, что им следует делать. Он был также энергичным управителем епархии. Он возродил монашескую жизнь в Глостере. Он всегда неусыпно следил за благосостоянием своих храмов: об этом свидетельствуют сводки имений Йоркской епархии и его собственноручные записи в перечне Вустерских документов. Собрание покаянных писем показывает, как он наводил порядок среди заблудших овец своего стада в Лондоне и Йорке. Он расширил библиотеки Йорка и Вустера.

Вульфстан не был оригинальным мыслителем. Он был обращен в прошлое, и его главной заботой было возвещать и проводить в жизнь закон Божий в том виде, в каком он воспринял его. Эти заботы разделяли и другие современные ему английские епископы, но поскольку они не оставили после себя эпистолярного наследия, их мысли и чувства нам недоступны. Готовность верхушки английского клира взять на себя роль глашатаев нравственных и

правовых истин во времена бедствий способствовала укреплению ее корпоративного духа и авторитетности. Это было также важным условием стабильности английских политических и социальных учреждений.

СВЕЙН ВИЛОБОРОДЫЙ

SWEYN FORKBEARD, умер в 1014 г. — король Дании и Англии, отец Кнута Могучего

Свейн занял датский престол в 988 г. после смерти своего отца Харальда Синезубого. Большую часть царствования занимался нападениями на Англию и взиманием датских денег.

Датские короли X в. обладали большой военной мощью и системой налогообложения для постройки флота (о чем свидетельствует, например, грандиозный лагерь в Треллеборге), и постоянно обогащались за счет разорения Англии. Участие Свейна в кампаниях 991-1013 гг. слабо освещено источниками. Весьма вероятно, что он появился в Англии еще до своего первого письменно засвидетельствованного похода и вместе с другими датскими вождями участвовал в знаменитой битве при Мэлдоне. В 994 г. он атаковал (но не сумел взять) Лондон, опустошил юго-восточную Англию, перезимовал в Саутгемптоне и получил дань в размере 16 тыс. фунтов, а в 995 г. возвратился в Скандинавию по Ирландскому морю. Следующие пять лет он оставался на севере из-за каких-то неурядиц со шведами и поляками. С ними, возможно, и была связана его женитьба на сестре польского герцога Болеслава. От этого брака в 996 г. родился Кнут. Вполне вероятно, что Свейн присутствовал в Англии в 1001-02 гг. при выплате датских денег на сумму в 24 тыс. фунтов. В 1003-04

он разграбил Эксетер и Уилтшир и дал бой правителю Восточной Англии, а в 1005 г. возвратился домой. В 1006 г. он скорее всего вновь оказался в Англии вместе с датским войском, которое разграбило Кент и Сассекс, зазимовало на о-ве Уайт, на Рождество вихрем пронеслось из Хэмпшира в Беркшир и нанесло поражение английской армии. Результатом была выплата в 1007 г. 36 тыс. фунтов датских денег. В 1008 г. Свейн вновь исчезает с горизонта, но вскоре возвращается, по всей видимости, в роли предводителя одного из датских отрядов, которые опустошили Англию в 1009-1012 гг., взяв дань в размере 48 тыс. фунтов и произведя расправу над архиепископом Эльхехом. Свейн возвратился в Данию по Ирландскому морю, пережив по пути домой кораблекрушение.

В 1013 г. он появляется у английских берегов с целью завоевания и меняет тактику. Причалив в северном Данелаге (у местечка Гейнсборо на р. Трент), где он мог рассчитывать на поддержку англо-датской знати, он начал опустошительный поход через Оксфорд, Винчестер и Лондон, после чего, как сообщает «Англосаксонская хроника», «весь народ стал смотреть на него как на полноправного властителя». Этельред бежал в Нормандию, а Свейн с триумфом возвратился на стоянку в Гейнсборо, но внезапно умер 3 февраля 1014 г., завещав осуществление своих честолюбивых планов сыну Кнуту.

УХТРЕД

UHTRED – правитель Нортумбрии (1006-1016 г.)

Род, к которому принадлежал Ухтред, издавна стоял у власти в Берниции, северной половине

Нортумбрии, и вел независимую политику по отношению к королевской династии Уэссекса чуть ли не с конца IX в. Около 1006 г. Ухтред отважно отразил нападение скоттов, и король добавил к его владениям Дейру (Йоркшир). С тех пор Ухтред занимал пост Эрла (главного правителя) всей Нортумбрии. Покорившись в 1013 г. Свейну Вилобородому, после его смерти перешел на сторону Эдмунда Железный Бок, вместе с которым в начале 1016 г. совершил военный набег на Мидленд, область центральной Англии. Кнут проник на территорию Йоркшира и попытался вынудить Ухтреда сдаться. Однако в самый момент их встречи Ухтред был убит по наущению Эдрика Стреоны знатным нортубрийцем Турбрандом. Это темное убийство послужило поводом к распре вроде тех, о которых подробно рассказывают древнеисландские родовые саги. Германский институт родовой мести срабатывал в Англии XI в. не хуже, чем в Скандинавии.

Обстоятельства распри таковы. Ухтред был трижды женат — первый раз на дочери епископа Дарэмского, второй — на дочери некоего знатного человека из Йоркшира, в третий раз — на одной из многочисленных дочерей короля Этельреда (таким образом, Ухтред приходился свояком Эдрику Стреоне). После второй женитьбы Ухтред пообещал своему тестю убить его врага Турбранда. Но Турбранд в конце концов подыскал повод напасть первым. Кровь Ухтреда взывала об отмщении. Долг мести совершил Эльдред, сын Ухтреда от первого брака, и Турбранд был убит. Далее инициативу взял в свои руки сын Турбранда Карл. Карл и Эльдред долго преследовали друг друга, пока не вмешались друзья, устроившие их примирение, так что те даже дали торжественное обещание совершить паломничество в Рим и относиться друг к другу по-

братски. Но по неизвестным причинам ссора вспыхнула заново, и около 1038 г. Карл убил Эльдреда. Эльдред не оставил после себя сына, а только пять дочерей. Одна из них вышла замуж за Сиварда, правителя Нортумбрии, и сын их Вальтеов отомстил за деда. Ему удалось устроить резню сыновей и внуков Карла во время пира.

Эта многолетняя распря описана в нескольких абзацах короткого трактата, сочиненного в Дарэме около 1100 г. и посвященного Дарэмскому кафедральному собору. Сама история упоминается, видимо, в связи с тем, что инициатором мести оказался внук Дарэмского епископа, и представлена как нечто весьма обыкновенное для тех лет. Высказывалось мнение, что взлет насилий в этой части Англии обязан скандинавскому влиянию. Однако подобные распри весьма характерны и для других частей раннесредневековой Европы, которых не достигали викинги; в этом скорее следует видеть остатки родового строя. Однако в контексте политической борьбы за власть, которая в связи с новым скандинавским нашествием становилась в Англии все более ожесточенной, эта история получает иной смысл. Не одна честь рода была поставлена на карту — здесь столкнулись местнические интересы знати по поводу региональных сфер влияния (Ухтред был родом из Берниции, Турбранд из Дейры). Идея единого государства и самодержавной власти короля мало волновала в то время местную аристократию, которая готова была воспользоваться иноземным вторжением, чтобы свести счеты друг с другом и с королем. Король все еще представлялся лишь первым среди равных.

ЭДРИК СТРЕОНА

EDRIC STREONA, умер в 1017 г. – глава Мерсии в правление Этельреда, известный своим предательством короля

Своей нелестной репутацией Эдрик обязан монаху из Абингдона, анонимному составителю той рукописи «Англосаксонской хроники», которая известна под именем Manuscript C и повествует о царствовании Этельреда. Записи были сделаны в 1017-1023 гг. (то есть сразу после падения Эдрика) и явно с дидактическим уклоном.

Впервые Эдрик упоминается под 1007 г., когда ему было вверено управление Мерсией (то есть всеми землями между Темзой и Хамбером), что делало его одним из самых могущественных людей в английском королевстве. Почти ничего не известно о предшествующих ступенях его продвижения, но одна деталь привлекает к себе внимание. Высока вероятность, что именно Эдрик участвовал в 1006 г. в расправе над Эльфхельмом, правителем Нортумбрии (и братом Вульфрика) и ослеплении его сыновей. Можно лишь догадываться о цепи интриг и распрей, которая предшествовала этому событию. Существует весьма обоснованное предположение, что в 1006-07 гг. в ближайшем окружении Этельреда произошло нечто вроде дворцового переворота, причем наверху оказались Эдрик и его партия. На целые восемь лет Эдрик становится главным советником короля, вторым по значению человеком в государстве. Этому благоприятствовала его своевременная женитьба на дочери короля Эдите.

Вместе с тем именно эти годы были временем упадка духа и поражений в борьбе с датчанами — в этом винили Эдрика. Например, запись под 1009 г. гласит, что «король мог бы атаковать данов, но ему как всегда помешал ольдермен Эдрик». По всеобщему мнению, это Эдрик предпочитал откуп

сражениям; он провоцировал расправы (в 1015 г. два крупных нортумбрийских аристократа были убиты у него в гостях); наконец, он очернил себя самым отвратительным, в глазах англосаксов, преступлением — в 1015 г. он предал своего господина и перешел на сторону Кнута. Но и это еще не все. В 1016 г. началась жестокая борьба между сыном Этельреда Эдмундом Железный Бок и Кнутом. Когда удача стали склоняться на сторону первого, Эдрик переметнулся от Кнута к Эдмунду. В последнем сражении Эдмунда с Кнутом, битве при Эшингдоне, Эдрик, как говорит летописец, «поступил так, как и прежде: он первым пустился в бегство и этим предал своего господина и весь английский народ». Кнут вернул Эдрику господство над Мерсией, но, по-видимому, не доверял ему. В конце 1017 г. король подослал к нему наемного убийцу — «и правильно сделал», комментирует один из источников.

Однако историку не следует останавливаться на мнении моралиста — другие выдающиеся люди действовали так же. Историку следует попытаться понять, что за движущие силы способствовали такому развитию событий. Следует принять во внимание два фактора. Во-первых, любая «политика» в те времена была завязана на личных счетах внутри правящей элиты. Именно так обстоит дело с кровавой местью Эдрика самой знатной нортумбрийской семье. Мать Эдмунда Железный Бок происходила из Нортумбрии, и нельзя исключить ее связи с этой семьей; первый муж той знатной нортумбрийской женщины, на которой против воли отца женился Эдмунд в 1015 г., погиб в результате кровавой резни, спровоцированной Эдриком. Поэтому в 1015-16 гг. отношения между Эдмундом и Эдриком были, мягко выражаясь, весьма напряженными. Первая, англосаксонская

супруга Кнута по имени Эльгива была родом из Нортумбрии. Это ее отец был убит и ее братья были ослеплены по наущению Эдрика Стреоны в 1006 г., и это ее двоюродная сестра была женой одного из тех, с кем расправился Эдрик в 1015 г. Разве не могла она потребовать смерти Эдрика в 1017 г.?

Второе связано с прозвищем Эдрика: Стреона означает «Стяжатель». Эдрик был жаден до богатства и любил поживиться за чужой счет. Полагают, что его могла подтолкнуть к этому причастность к сбору датских денег. Налоговое бремя, возложенное на страну Этельредом, было очень тяжким. Многим было трудно выплачивать свою долю в деньгах. Те, кто не мог платить, продавали свою землю тем, кто умел найти нужную сумму. Продажей и покупкой земли ведали местные чиновники, подотчетные королевским советникам. Эдрик как первое после короля лицо в государстве мог, вероятно, совершать махинации с землей и деньгами и обращать в свою пользу закон о налогах. К тому же он, по-видимому, сам пользовался льготами в налогообложении, а его западные земли мало страдали от набегов морских пиратов. Как заметил один писатель в конце XI в., «он приобретал имение за имением по своей прихоти». Поэтому неудивительно, если он предпочитал откуп сражениям.

ЭДМУНД ЖЕЛЕЗНЫЙ БОК

EDMUND THE IRONSIDE, 990-1016 гг.,
сын Этельреда Неразумного и его первой жены Эльффлед,
английский король с апреля по ноябрь 1016 г.

Эдмунд впервые появился на политической арене в 1015 г., вскоре после возвращения Этельреда на английский престол в связи со

смертью его противника, короля Дании Свейна Вилобородого, который перед тем (в 1013 г.) узурпировал власть в Англии. Его выдвижение началось с того, что он восстал против Этельреда и подчинил себе область “пяти городов” (Стэмфорд, Лестер, Линкольн, Ноттингэм и Дарби). Поводом к конфликту послужила женитьба Эдмунда на некоей знатной вдове из Нортумбрии вопреки воле отца. В начале 1016 г. он вместе с правителем Нортумбрии Ухтредом опустошил северо-западную Мерсию, сферу влияния Эдрика Стреоны. Мотивы его действий неизвестны. Скорее всего он опасался интриг со стороны своей мачехи Эммы, которая в случае смерти короля попыталась бы обеспечить права наследования собственному сыну Эдуарду в ущерб интересам сыновей Этельреда от первого брака.

Когда Кнут овладел Нортумбрией и организовал убийство Ухтреда, Эдмунд пошел на мир с отцом и вернулся в Лондон, заняв престол по смерти Этельреда в апреле 1016 г. Следующие полгода он доблестно сражался с Кнутом и дал ему не менее шести сражений, но в последней битве при Эшингдоне (Эссекс) войска англосаксов потерпели окончательное поражение. Короткое время спустя Эдмунд и Кнут встретились на острове на реке Северн близ Дерсета в Глостершире и пошли на раздел страны: за Эдмундом был оставлен Уэссекс, а Кнут взял себе все остальные земли, включая Лондон. Подобный раздел едва ли мог быть осуществлен на деле, но Эдмунд вскоре скончался, и Кнут остался безрадельным владыкой Британии. Смерть Эдмунда была на руку Кнуту, но нет оснований обвинять его в нечестной игре. Прозвище Железный Бок был скорее всего дано Эдмунду современниками в знак восхищения его храбростью.

КНУТ (КАНУТ) МОГУЧИЙ (ВЕЛИКИЙ)

CNUT (CANUTE) THE GREAT, 996-1035 гг. — сын датского короля Свейна Вилобородого, правитель объединенного королевства Дании, Англии и Норвегии (1016-1035 гг.)

Семнадцатилетним юношей участвовал вместе со своим отцом в военном походе, закончившемся завоеванием Англии датчанами в 1013 г. После безвременной кончины отца в начале 1014 г. и восстановления в правах английского короля Этельреда уехал обратно в Данию, но в 1015 г. вернулся в Англию с подкреплением, одолел совокупные силы Этельреда и его сына Эдмунда и после скорой смерти обоих остался в ноябре 1016 г. единовластным правителем Англии. В 1017-1018 гг. пребывал в Англии ради укрепления своего господства, но в 1019 г. предпринял поход в Данию, чтобы вступить в права наследства после смерти своего брата Харальда. В свое отсутствие поручил управление Англией ближайшему соратнику Торкелю Длинному. Однако в 1021 г. поссорился с Торкелем и изгнал его. Тот удалился в Данию, угрожая своему прежнему господину. Это заставило Кнута вернуться в Данию в 1022-23 гг., в результате чего было достигнуто соглашение о том, что Торкель будет править Данией как ставленник Кнута. После скорой смерти Торкеля Кнут передал его пост своему зятю Ульфу. Но Ульф предал его, вступив в 1026 г. в коалицию с правителями Норвегии и Швеции, направленную против Кнута. В том же году Кнут в третий раз приехал в Данию и попытался нанести своим противникам решительный удар, но потерпел поражение в битве на Святой реке у побережья южной Швеции. В 1027 г. совершил паломничество в Рим, где ему случилось присутствовать на коронации германского императора Конрада II, а в 1028 г.

вновь оказался в Скандинавии. Разделавшись к тому времени с предателем Ульфом через заказное убийство, Кнут собрал англо-датский флот и двинулся в Норвегию, где обратил норвежского короля в бегство. Теперь Кнут, правитель Дании, Англии и Норвегии, был в апогее славы Ему удавалось удерживать единство этой хрупкой империи вплоть до самой своей смерти в 1035 г.

Такова канва биографии Кнута, учитывающая преимущественно его усилия по созданию англо-скандинавской державы. Однако держава эта была плодом его личного творчества и потому исчезла вместе с ним. В его политике Англия была лишь материальной базой, на которую он опирался при осуществлении своих честолюбивых замыслов в Скандинавии.

Около 1000 г. Англия была богатой страной: густо населенная, хорошо обработанная территория, способная прокормить общество с обширной надстройкой в виде церкви, аристократии и городов. Целая когорта одаренных правителей от Альфреда до Эдгара создала совершенные инструменты управления ею, среди которых важнейшими были «датские деньги», или просто «деньги», которые способствовали концентрации богатства в руках государства. Кнут охотно ухватился за это наследие. Деньги, которые он выкачал из населения Англии, были самым большим по размеру налогом, когда-либо взимавшимся в этой стране. Англосаксонские короли владели большой армией и флотом — Кнут использовал эту военную силу в своих скандинавских походах. Другим источником эксплуатации доставшейся ему страны была раздача земли своим приспешникам. Например, некий Орк, один из личных охранников Кнута, получил от короля земли в Дорсете, которые он позднее подарил монастырю в Абботсбери.

Передача этих земель церкви и сохранение связанных с актом записей — единственная причина, по которой мы узнаем об Орке. Наверняка были и другие, о которых не сохранилось сведений. Некоторые из приближенных Кнута получили очень крупные земельные пожалования, например, Тови Гордый владел поместьями в Норфольке, Эссексе, Хартфордшире, Сарри, Беркшире и Сомерсете. Конечно, при Кнуте англосаксонская аристократия еще не лишилась своих владений в тех масштабах, в каких это случилось в правление Вильгельма Завоевателя. Тем не менее, почти в любом графстве обнаруживаются в то время земельные пожалования датчанам.

Однако в управлении Англией Кнут не полагался лишь на своих датских ставленников. Устойчивость его режима, особенно в делах финансовых и юридических, во многом зависела от сотрудничества со светскими и церковными членами прежнего правительства (как обстояло дело и после 1066 г.). Важным фактором была преданность епископов, таких как Вульфстан Йоркский. На политической арене появлялись и новые люди, готовые служить новому королю и пожинать плоды его покровительства, среди которых первое место занимали Годвин, ставший правителем Уэссекса к концу 1018 г., и священник Стиганд, чьему попечению в 1020 г. был вверен храм при монастыре, основанном Кнутом в Ашингдоне.

Умный политик, Кнут оставался при всем при том захватчиком, который применял к своим врагам самые жестокие меры, о чем однозначно свидетельствуют руки, носы и уши, отрубленные в 1020 г. у английских заложников. Захват Англии сопровождался многочисленными актами насилия, такими как конфискация имущества, изгнания, казни. Кому-то могло даже показаться, что время

обратилось вспять, и вновь нахлынули в Британию те германские варвары, чей героический дух сохранили в стихах и прозе скандинавские предания. В 1965 г. в Винчестере археологи откопали фрагмент каменного барельефа, изображающего сцену из сказания о Сигмунде-волке, записанного позднее в древнеисландской «Саге о Волсунгах». Полагают, что барельеф предназначался для гробницы самого Кнута.

Вполне вероятно, что вместе с новыми набегами викингов в Англию вернулся стиль жизни, которому когда-то не были чужды и их сородичи на континенте, как о том недвусмысленно свидетельствует крупнейшая древнеанглийская эпическая поэма «Беовульф». Единственная рукопись этой поэмы как раз относится ко времени правления Кнута, что дало основания предположить, что она была создана по заказу самого короля. Нет возможности доказать это предположение, однако содержание поэмы, которая повествует о подвигах героя Беовульфа, приплывшего из Швеции на помощь датскому вождю Хродгару, явно свидетельствует об оживлении в памяти англосаксонских поэтов тех сюжетов, что сложились задолго до переселения в устном творчестве, в пору тесных контактов англосаксов со скандинавами на Ютландском полуострове. Во всяком случае, актуальность восхваления датской королевской династии, с которого начинается «Беовульф» («Истинно, исстари / слово мы слышим / о доблести данов, / о конунгах датских, / чья слава в битвах / была добыта!»[43]), ни у кого не могла вызывать сомнения в пору правления Кнута.

Привязанность к германскому языческому прошлому, чьим богам и героям любили отводить

[43] Беовульф / Пер. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.,1975.

место в своих родословных как англосаксонские, так и скандинавские правители, ничуть не вступала в конфликт с преданностью Кнута новой религии. Руническая надпись на одном из камней, найденных в центре Дании, гласит, что дед Кнута, конунг Харальд Синезубый, «сделал датчан христианами». К XI в. Дания действительно была крещена, но не была просвещена в том смысле слова, в каком христианская вера была привита англосаксам.

И тем не менее в Англии Кнут быстро приобрел репутацию истинно христианского монарха, известного своим благочестием. Хотя значительный вклад в эту репутацию внесла Эмма, супруга Кнута и вдова Этельреда, не следует думать, что со стороны короля это был лишь политический маневр, позволявший ему наладить отношения с английской церковью. Конечно, Кнут стремился расположить к себе духовных адептов старой власти, но источники говорят о том, что он всерьез отнесся к своим обязанностям правителя христианской страны. В 1023 г. по его настоянию было осуществлено перенесение мощей св. Альфхеха в Кентербери. Он построил монастырь Гроба Св. Эдмунда. Многие монастыри и кафедральные соборы дома и за рубежом обязаны его благодеяниям. Епископ Фулберт из Шартра, один из самых выдающихся церковных деятелей своего времени, восхвалял благочестие и щедрость Кнута. Паломничество в Рим продемонстрировало на европейском уровне его покаянное рвение. Его монеты имели христианскую символику, а грамоты изобиловали христианской фразеологией. Изданные от его имени законы были в некотором смысле манифестами христианских намерений короля.

И все же спорным остается вопрос о том, насколько эти внешние знаки христианской веры соответствовали внутренним переменам в личности короля. В конце концов, он замыслил и осуществил

убийство шурина. Его поборы с населения рассматривались клириками вроде Вульфстана как несправедливые. Наиболее откровенным свидетельством двоеверия Кнута остаются его женитьбы. Вскоре по прибытии в Англию в 1015 г. он вступил в связь с женщиной по имени Эльфгива из Нортгемптона. Она происходила из знатного рода — отцом ее был правитель Нортумбрии, а дядей некто Вульфрик, основатель Бертонского аббатства — по-видимому, Кнут пытался через нее получить поддержку местной знати. Через два года он женился на вдовствующей королеве Эмме — еще один шаг политического значения, предопределивший дальнейшие судьбы английского государства. Но брак с Эммой не означал для Кнута расставания с Эльфгивой — он открыто жил с двумя женами (институт двойного брака существовал в Скандинавии и позже), а впоследствии его сыновья от этих браков с равным правом занимали английский престол (Гарольд, сын Эльфгивы, с 1035 по 1040 гг.; Хардакнут, сын Эммы, с 1040 по 1042 гг.).

Карьера и личность Кнута слабо освещены источниками, но в целом оставляют впечатление грозного вождя, которому за недолгую жизнь (Кнут умер около сорока лет) удалось свершить большие дела и сохранить дух и обычаи страны, где ему довелось править. Его приверженность христианским ценностям, которые в то время еще так мало значили для его северогерманских и западнославянских сородичей, способствовала утверждению благосостояния Англии в духовном и материальном плане. Кнут сумел оценить и поддержать все государственные начинания своих предшественников, за что по праву получил звание не только Могучего, но и Великого. Путем завоевания Англии Кнут на самом деле навсегда защитил ее от посягательств мелких северных

князьков. И если Альфред стоит у истоков строительства английской государственности, то Кнут завершает его важный этап, окончательно разрешая англо-скандинавский конфликт. С тех пор никто больше не ставил под сомнение единства Англии, и никогда впредь скандинавам не удавалось одолеть ее.

ТОРКЕЛЬ ДОЛГОВЯЗЫЙ (ДЛИННЫЙ)

скандинавский военный вождь в правление Этельреда и Кнута, уроженец Дании и, возможно, член королевской фамилии

Начало карьеры Торкеля окутано туманом. Он появляется на исторической арене как предводитель одного из грабительских отрядов викингов, высадившегося в Кенте летом 1009 г. и к 1012 г. опустошившего значительную часть центральной и южной Англии. Его люди в 1012 г. убили Эльфхеха, архиепископа Кентерберийского, хотя Торкель пытался помешать им. После выплаты данам денег их силы рассеялись, и Торкель со своим флотом в сорок пять кораблей (то есть примерно в 3500 человек) перешел на службу к королю Этельреду, вместе с которым сражался в 1013 г. против датского короля Свейна Вилобородого. После смерти Свейна (1014г.) сначала остался верен Этельреду, но потом переметнулся на сторону Кнута (возможно, к концу 1015 г., вместе с Эдриком Стреоной). По-видимому, Кнут не имел оснований сомневаться в его преданности, ибо в 1017 г. поставил его правителем Восточной Англии, а при отъезде в Данию в 1019 г. доверил ему управление всем королевством.

Затем удача внезапно изменяет Торкелю: к концу 1021 г. он был изгнан Кнутом, и причины ссоры остаются неясными. Местом ссылки стала

Дания, но и там Торкель, по-видимому, представлял потенциальную угрозу, что заставило Кнута прибыть в Данию в 1022 г. Торкель был достаточно силен, чтобы склонить короля к выгодному для себя примирению: Кнут оставил его своим наместником. Полагают, что Торкель умер в 1023 г., ибо более ничего о нем не было слышно.

Э Д У А Р Д И С П О В Е Д Н И К И Е Г О О К Р У Ж Е Н И Е

ЭДУАРД ИСПОВЕДНИК

EDWARD THE CONFESSOR, 1005-1066 гг. — старший сын Эммы Нормандской и Этельреда Неразумного, английский король (1042-1066 гг.)

Его детство было омрачено вторжением в Англию датчан, которое доставило столько хлопот его отцу. Когда Кнут завершил завоевание Англии в 1016 г., одиннадцатилетний Эдуард отправился вместе с матерью в Нормандию, где пробыл последующие двадцать пять лет. В 1017 г. Эмма вернулась в Англию и стала женой Кнута — возможно, Эдуард никогда не простил ей этого. Половину своей взрослой жизни Эдуард провел в изгнании, и это наложило свой отпечаток на его стремления и характер. Нормандские писатели эпохи Вильгельма Завоевателя любили подчеркивать, сколь многим был он обязан в своем развитии и последующем восшествии на престол герцогам Нормандии, но весьма вероятно, что Эдуард побывал при дворах и других правителей северной Франции. После смерти Кнута в 1035 г. Эдуард препринял попытку совершить налет на побережье Англии, видимо с целью захвата власти,

которая кончилась неудачей. В 1040 г. на английский престол взошел Хардакнут, сын Эммы и Кнута, который вернул из изгнания своего сводного брата Эдуарда. Трудно сказать, что означал этот дипломатический шаг, но он облегчил Эдуарду восшествие на английский престол после внезапной смерти Хардакнута в 1042 г.

Хотя сохранилось немало сведений о царствовании Эдуарда, из них нелегко составить ясное представление о его личности, если отвлечься от ореола святости, созданного вокруг него после канонизации в 1161 г. Английские историки любят сравнивать Эдуарда с Карлом II. Вполне возможно, что раннее знакомство с интригами при дворах Франции сделало его столь же умным, слегка циничным и вместе с тем приверженным праздности. Первые десять лет его правления в Англии протекали в весьма нестабильной обстановке и закончились острым политическим конфликтом 1051-52 гг. Последующие тринадцать лет были более спокойными, хотя все острее вставала проблема престолонаследия, пока не разразился следующий политический кризис 1065 г., после которого вскоре окончилась и жизнь Эдуарда — в страданиях и тревоге.

Кнут управлял Англией путем делегирования власти небольшой группе эрлов, каждому из которых была вверена целая группа графств. Отсюда развилась тенденция сосредоточения местной власти в руках все меньшего числа людей, для которых возвратившийся из изгнания Эдуард был король-чужак, и они не были склонны с ним считаться. Эдуарду не оставалось ничего иного, как приспосабливаться к сложившейся ситуации. В течение первых десяти лет правления Эдуарда на политической арене доминировали три крупных эрла: Годвин Уэссекский, Леофрик Мерсийский и Сивард Нортумбрийский. Из них Годвин был самой

внушительной фигурой, и ему удалось установить наиболее тесные связи с королем — в 1045 г. он женил Эдуарда на своей дочери Эдите. Уэссекс оставался сердцем Англии, уэссекский правитель Годвин обладал самыми обширными земельными владениями, а его честолюбивые сыновья сумели в 1043-44 гг. завладеть и новыми землями: Свейн — на границе с Уэльсом, а Гарольд в Восточной Англии. Взлет Годвина и его семейства оказался самым важным событием политической жизни Англии в сороковые годы XI в. Есть свидетельства, что Эдуард с трудом выносил это ограничение своей власти, и ему не терпелось свести счеты с Годвином, что послужило предпосылкой последующего конфликта.

Другой проблемой, которую пришлось решать Эдуарду, была необходимость вознаградить всех тех, кто поддерживал его во время изгнания и решился разделить с ним дальнейшую судьбу. Среди них был епископ Леофрик, которому король в 1046 г. пожаловал кафедру в Эксетере. Здесь интересы короля столкнулись с интересами Годвина, который также желал вознаградить подобными пожалованиями своих собственных сторонников. Так, назначение королем на архиепископскую кафедру Лондона нормандца Роберта Шампартского в 1044 гг. встретило сильную оппозицию, а дальнейшее его передвижение в Кентербери положило начало настоящему политическому конфликту.

Конфликт 1051-42 гг. хорошо документирован современными источниками, хотя его узловые пункты остаются не до конца ясными. В сентябре 1051 г. Годвин поднял восстание против короля, которое было подавлено, чем и воспользовался король для изгнания Годвина с сыновьями, назначив своим советником Роберта Шампарского.

Вероятно, именно под влиянием Роберта Эдуард делает в это время предложение Вильгельму Нормандскому о передаче престола в случае своей смерти. Летом 1052 г. Годвин с сыновьями вернулись и устроили военный путч, прогнав Роберта в Нормандию. Правители Нортумбрии и Мерсии предпочли не вмешиваться. Годвин добился своего, но недолго пользовалсся своей победой и умер в апреле 1053 г. В Уэссексе ему наследовал Гарольд, а другой его сын Тостиг заполучил Нортумбрию по смерти Сиварда в 1055 г. Прочие сыновья сели правителями в других областях — Гюрт в Восточной Англии, а Леовин в Кенте и Эссексе. Конфликт разрешился не в пользу короля, и в 1057-1065 гг. все английские графства, кроме Мерсии, находились в руках семейства Годвина. В перспективе это означало возврат к дроблению государства между членами рода.

Однако Эдуард не сдался и удержал в руках центральную власть в едином королевстве. Во второй период правления Эдуарда в Англии поддерживались безопасность границ, цветущая экономика, устойчивая валюта и внутренний мир, который обеспечивался эффективной администрацией. Сам король занимался в это время строительством грандиозного Вестминстерского аббатства, которое закончил незадолго до смерти.

Не решенным оставался лишь вопрос о престолонаследии. Уже в 1051-52 гг. стало ясно, что королевской чете суждено остаться бездетной, чем отчасти и мог быть спровоцирован конфликт между семейством Годвина и Эдуардом. Ближайшим претендентом по крови был сын Эдмунда Железнобокого, который после смерти отца нашел себе пристанище в Венгрии и потому известен под именем Эдуарда Изгнанника. Однако он скончался в 1057 г. вскоре после приглашения в Англию, а его

сын Эдгар был слишком мал, чтобы заявить о своих правах. Тремя другими наиболее значительными претендентами, которые, однако, не принадлежали к династической линии Этельреда Неразумного, оставались Харальд Норвежский, Свейн Датский и Вильгельм Нормандский. Претензии Харальда основывались на договоре между его предшественником Магнусом (1035-47 гг.) и Хардакнутом, согласно которому один из них должен был наследовать другому, если умрет бездетным (а Хардакнут умер бездетным). Харальд рьяно отстаивал свои права вплоть до нападения на Англию в 1066 г., которое закончилось его гибелью в сражении. Свейн Датский был племянником Кнута Великого и заявлял, что Эдуард обещал ему престол в 1048 г., хотя это никем никогда не было доказано — обещания раздаются так легко.

Возможно, столь же легкомысленным было и обещание, данное Эдуардом Вильгельму Нормандскому, своему родственнику по материнской линии, однако сам Вильгельм воспринял его всерьез. Нормандские источники утверждают, что английский трон был впервые предложен Вильгельму в 1051-52 гг., а в 1064 г. Эдуард якобы отправил одного из своих приближенных в Нормандию, чтобы подкрепить обещание клятвой. Хотя нынешним исследователям вся эта история представляется весьма сомнительной, сам Вильгельм был уверен в своих законных правах, в чем его поддержал в 1066 г. и папа римский. Рим не забыл о своих англосаксонских чадах, и римская церковь желала вновь привить британскую лозу к мощному древу континентальной культуры.

Высказывалось мнение, что наиболее серьезной ошибкой Эдуарда в разрешении династического конфликта был недостаток четких

директив о порядке передачи престола. При этом как-то забывают, что неопределенность относительно престолонаследия и была главным козырем Эдуарда в той нелегкой игре, главной целью которой было поддержание политического равновесия между интересами местной знати и необходимостью отстаивать престиж страны на международной арене. По видимому, боязнь нарушить это неустойчивое равновесие и не позволяла королю примыкать к какой-то одной из тех политических группировок, что складывались вокруг трона. Поэтому он до последнего момента откладывал принятие решения относительно преемника на престоле.

Трудно сказать, в какой именно момент это решение было принято и было ли оно принято вообще. В октябре 1065 г. Нортумбрия восстала против Тостига. Гарольд, правитель Уэссекса, не захотел (или не смог) прийти на помощь брату. Поэтому королю пришлось удовлетворить требования восставших и пожертвовать своим правителем Нортумбрии. Тостиг отправился в изгнание, которое уже в следующем году оказалось роковым для него и трех его братьев. Нортумбрийский бунт подорвал здоровье короля. Насколько можно судить по неясным медицинским показаниям, король перенес ряд ударов, потерял рассудок и скончался 5 января 1066 г. Незадолго до смерти им было составлено завещание, якобы в пользу Гарольда — этого не отрицают даже нормандские источники. Что на самом деле содержалось в этом завещании или что мог невнятно высказать король на смертном одре, навсегда осталось неизвестным. Гарольд ухватился и за то, что было. Он поспешно похоронил Эдуарда в только что отстроенном Весминстерском аббатстве на следующий день после смерти и в тот же день

приступил к церемонии коронования. Однако планам его не удалось сбыться — историческое развитие Англии направилось по тому пути, который уготовили ей своей нормандской женитьбой Этельред и Кнут и который столь медленно, но упорно отстаивал Эдуард.

РОБЕРТ ШАМПАРТ

ROBERT CHAMPART, умер в 1053 г. — нормандский монах,
архиепископ Кентерберийский (1051-52 гг.)
при Эдуарде Исповеднике

Роберт начал свою монашескую подготовку в обители св. Уана в Руане и стал ее настоятелем, а в 1037 г. — настоятелем монастыря в Юмьеже. Юмьеж, основанный в VII в., опустошенный набегами викингов и возрожденный около 940 г., был одним из самых значительных монастырей Нормандии, тесно связанных с герцогской фамилией, центр образования и церковных реформ. Его грандиозный собор, который строился как раз во время настоятельского служения Роберта, является одним из самых великолепных образцов романского стиля в нормандской архитектуре.

В 1041 г. Роберт сопровождает принца Эдуарда при его отъезде на родину. Это само по себе достаточно странно: зачем понадобилось настоятелю знаменитого монастыря поступать на службу к изгнаннику, возвращающемуся домой после долгого отсутствия и с самыми неопределенными перспективами? Мы никогда не узнаем истинных мотивов его поведения, однако же после восшествия Эдуарда на престол Роберт становится его ближайшим советником-фаворитом. Вскоре выяснилось, что его главными соперниками

являются эрл Годвин с родней. В 1044 г. Эдуард назначил Роберта на пост епископа Лондона, вероятно в пику оппозиции, а в конце 1050 г. освободилось место архиепископа в Кентербери. Кентерберийские монахи желали видеть на этом месте Эльрика, родственника Годвина, но король пренебрег их желаниями и в марте 1051 г. отдал кафедру Роберту, чем спрвоцировал острый политический конфликт.

Роберт вскоре отправился в Рим и по пути остановился в Нормандии, чтобы передать герцогу Вильгельму от Эдуарда приглашение наследовать английский престол. По возвращении он открыто поссорился с Годвином. В сентябре Годвин попытался восстать против короля, но заговор провалился, и ему с сыновьями пришлось отправиться в изгнание. Роль Роберта в этих событиях неясна. Он поддерживал политику, против которой выступал Годвин. Падение Годвина было ему на руку. Он пытался, хотя и неудачно, развести Эдуарда с королевой, дочерью своего врага. Вероятно, именно он устроил приезд Вильгельма в Англию зимой 1051-52 гг. для дальнейших переговоров по поводу права наследования престола. Какова бы ни была роль Роберта в запутанных событиях 1051-52 гг., ясно, что это был пик его влияния на короля Эдуарда.

Однако его триумф длился недолго. В сентябре 1052 г. Годвин с сыновьями устроили военный путч и возвратили себе власть в Англии. Роберт бежал и больше не возвращался, архиепископская кафедра в Кентербери была отдана Стиганду. Роберт съездил в Рим, чтобы обсудить дело с папой, но вернулся в Юмьеж и вскоре умер.

Роберт был одним из нескольких нормандцев, которые выдвинулись в Англии во время правления

Эдуарда Исповедника. Два другие — это Вильям, который стал епископом Лондона в 1051 г., и Ричард Фитц-Скроб, который получил земли на Уэльских Топях (Welsh Marshes) и дал имя Ричардову Замку в Херфордшире. Некоторые историки видят в них «пятую колонну», которая подготовила вторжение Вильгельма, но это неверно. Однако в некотором смысле Роберт Юмьежский все же внес свой вклад в подготовку нормандского завоевания. Его активная поддержка «нормандского выбора» короля в вопросе о престолонаследии послужила последующей пропаганде тех притязаний на престол, с которыми выступил позднее Вильгельм. Другой его вклад был менее преднамерен. Поскольку Роберт не уходил в отставку с кентерберийской кафедры, Стиганд оказался в роли незваного гостя. И на этом обстоятельстве тоже составили себе политический капитал пропагандисты Вильгельма после завоевания, скорее всего представляя Стиганда как нарушителя церковного канонического права и настаивая на освобождении Англии английской церкви от ее незаконного главы.

СТИГАНД

STIGAND, умер ок. 1072 г. — последний англосаксонский архиепископ Кентерберийский

Имя Стиганда скорее всего указывает на англо-скандинавское происхождение (он был уроженцем Нориджа). Родился он не позднее 990 г., рукоположен во священника в 1020 г. (по церковному канону, сан не давался ранее тридцатилетнего возраста, хотя на практике канон мог нарушаться) и в том же году поставлен настоятелем только что отстроенного

королевского монастыря в Эшингдоне (Эссекс). Своим продвижением, видимо, был обязан новому режиму Кнута — поразительно совпадение со светской карьерой Годвина. В последующие годы царствования Кнута о его успехах ничего не слышно, хотя подписи под королевскими грамотами подсказывают, что он оставался в центре политических дел. Однако в правление Эдуарда его ожидал блестящий взлет. В 1043 г. он поднимается на епископскую кафедру Эльмхэма, в 1047 — Винчестера, и наконец в 1052 г. назначается архиепископом Кентербери.

Однако в самом его положении были и слабые стороны. Во-первых, в Кентербери он был назначен в нарушение канонического правила, после изгнания Роберта Шампарта, и был воспринят там как незваный гость. Во-вторых, он оставался совместителем, сохранив за собой пост в Винчестере после передвижения в Кентербери. В-третьих, свой долгожданный «паллиум», знак архиепископской власти, он получил от Бенедикта X, завоевавшего прозвище “анти-папы” вследствие неканонического восхождения на римский престол. Всеми этими слабыми сторонами и воспользовался для смещения Стиганда Вильгельм Нормандский, который получил от папы благословение на вторжение в Англию для “очищения английской церкви от ее продажного главы”.

Самого Стиганда едва ли беспокоило это пренебрежение формальностями. В сохранившихся источниках он выглядит как чрезвычайно светский прелат. Кентербери и Винчестер были двумя самыми богатыми епархиями Англии. В 1047 г. при своем отбытии в Винчестер он поставил епископом Эльмхэма своего брата Этельмера. Его обвиняли в том, что при освобождении настоятельского места в богатых монастырях, таких как Эли, он незаконно медлил с назначением нового настоятеля, чтобы

положить доходы от освобождившегося места себе в карман. Он приобретал обширные имения, особенно в Восточной Англии и Глостершире, и далеко не всегда законными путями.

Стиганд обладал непомерной властью и богатством. Архиепископ Кентерберийский был ключевой фигурой как в церковной, так и в государственной жизни. Стиганд был умелым администратором и одним из первых придворных министров при Эдуарде. К 1066 г. он стоял у кормила власти чуть ли не полстолетия. Он был знаком со всеми, кто имел хоть какой-нибудь вес; он знал всю систему управления страной; он был незаменим. Возможно, именно по этой причине Вильгельм медлил с его смещением. В январе 1066 гг. Стиганд короновал Гарольда. После битвы при Гастингсе он некоторое время заигрывал с Эдгаром Княжичем, но вместе с архиепископом Йоркским и другими перешел на сторону Вильгельма. В марте 1067 г. Стиганд очутился в почетном плену в Нормандии. По возвращении в Англию ему было разрешено приступить к обязанностям архиепископа. Но он, конечно, знал, что игра проиграна. Весной 1070 г. папский легат прибыл в Англию и собрал церковный собор в Винчестере, на котором Стиганд был низложен. К тому времени он был глубоким стариком, и оставшиеся дни ему разрешили провести в покое. Говорят, что он умер в 1072 г.

ЭЛЬДРЕД

EALDRED, умер в 1069 г. — архиепископ Йоркский (1060-1069 гг.), наиболее выдающийся английский церковный деятель перед нормандским завоеванием

Судьба Эльдреда дает многое понять в поздней англосаксонской церкви. Он был уроженцем Уэссекса и начал свое церковное служение в монастыре Винчестера. В 1027 г. стал настоятелем Тавистока, в 1046 г. епископом Вустерским, в 1055-58 гг. добавилась кафедра в Рамсбери, в 1056-60 гг. — в Херефорде, в 1060 г. — в Йорке. Короткое время его церковные владения были не менее обширны, чем владения Стиганда, хотя, конечно, не столь выгодны. Но в 1061 г. папа запретил ему занимать пост одновременно в Вустере и Йорке.

В поздней англосаксонской церкви назначения на должность епископа обычно совершались королем. Епископы выполняли важные светские обязанности, например, осуществляли судопроизводство в графствах, то есть несли обществнное служение в государстве. Вероятно, своим возвышением Эльдред обязан покровительству влиятельных придворных, особенно эрлу Годвину, но он наверняка и сам отличился на королевской службе. В 1049 г. он защищал границы своей епархии от притязаний Уэльса; в 1050 г. посетил Рим по королевским делам, в 1054 г. возглавлял посольство в Германию с целью пригласить и препроводить в Англию Эдварда Изгнанника, сына Эдмунда Железный Бок, который был потенциальным наследником бездетного Эдуарда Исповедника; в 1061 г. снова посетил Рим.

Не все из его путешествий были вызваны официальными обязанностями. В 1058 г. он предпринял паломничество в Иерусалим через Германию, Венгрию и Византию. Современный источник сообщает, что «он путешествовал с такой помпой, как никто до него», и принес ко Гробу Господню «драгоценный дар, золотую чашу очень искусной работы». Эльдред был щедрым покровителем искусства. Он спонсировал строительные работы в нескольких монашеских общинах (Глостер, Саутвелл, Беверли, Райпон и Йорк). В Беверли он велел расписать и позолотить потолок и воздвигнуть в соборе кафедру и огромных размеров распятие из бронзы, серебра и золота. По стилю это работа немецких мастеров. В XI в. Германия держала первенство в европейской культуре, и влияние Германии можно распознать и в других увлечениях Эльдреда. Известно, что в 1054 г. он привез из своей поездки в Германию книги. Среди них, вероятно, находилась рукопись важной работы по литургике «Романо-германский Обрядник» (Romano-German Pontifical), прежде неизвестной в Англии (ее уцелевшие части пребывают теперь в Британском Музее). Из Германии Эльдред воспринял побуждение реформировать те монастыри, которые допускали у себя светский образ жизни (таких как Беверли), и ввести в них более строгие правила. Из обители св. Бертина (Фландрия) он выписал монаха Фолькарда, чтобы составить житие и описание чудес местного святого Джона Беверлийского (умер в 718 г.), а также письменно увековечить подвиги своего собственного небесного покровителя Эльдреда.

Богатый и со связями, талантливый и честолюбивый, дипломат, придворный и светский человек, покровитель художников и ученых,

Эльдред стоял ближе всего к типу «духовных князей», который оказалась способной произвести Англия. Идеал достойного служения церкви гармонически сочетался в нем с идеалом светского властителя — сочетание, которому предстояло вскоре быть оспоренным реформами папы Григория VII.

Последние годы жизни Эльдреда были омрачены более политическими, нежели церковными конфликтами. Восстание Нортумбрии против Тостига отозвалось в его епархии, поэтому по смерти Эдуарда Исповедника в январе 1066 г. Эльдред сделал выбор в пользу Гарольда. После поражения и гибели Гарольда в битве при Гастингсе Эльдред столкнулся с трудной политической проблемой. Он чуть было не соблазнился возможностью поддержать англосаксонского претендента на престол Эдгара Князька, сына Эдварда Изгнанника, но в конце концов решил принять сторону нормандского герцога Вильгельма, провидя глобальный характер его победы. Эльдред участвовал в богослужении по поводу коронации Вильгельма в декабре 1066 г. Верность Вильгельму людей такого ранга, как Эльдред, обеспечила устойчивость английского государства в эпоху нормандского завоевания, а для самого Эльдреда сделала возможным содействовать разрешению конфликтов между завоеванными и завоевателями: по преданию, архиепископ проклял нового нормандского правителя Вустера за его жестокое обращение с местным населением.

И тем не менее жизнь Эльдреда оборвалась в момент нового конфликта: в 1069 г. вся Нортумбрия поднялась против завоевателей. Эльдред умер в сентябре. Проживи он чуть дольше, он мог бы

попытаться смягчить ту ярость, с которой король обрушился на непокорный Север.

ЛЕОФРИК

LEOFRIC, умер в 1072 г. — епископ Эксетера (1046-1072 гг.),
известный своей коллекцией книг, которую он завещал
библиотеке Эксетерского собора

Леофрик был уроженцем Корнуолла, но вырос и получил образование в Лотарингии, то есть в западных областях Рейна. В то время христианские общины и монастыри Лотарингии были центрами образования, духовности и всеобщего оживления церковной жизни. Бруно, епископ Тула (1027-48 гг.), представлял тот тип церковных деятелей, под чьим влиянием воспитывался Леофрик. Как и папа Лев IX, Бруно стал зачинателем реформ. Вдобавок к тому, что на континенте Леофрик получил хорошее образование и познакомился с новейшими течениями церковной жизни, он поступил на службу к английскому принцу Эдуарду, впоследствии знаменитому королю Эдуарду Исповеднику. Леофрик входил в свиту Эдуарда при его возвращении на родину в 1041 г. После восшествия Эдуарда на престол в 1042 г., Эльфрик был включен в число так называемых “священников короля”, то есть стал важным министром и светским служителем, за что был награжден саном епископа и епархией, предыстория которой такова.

В начале X в. архиепископ Плегмунд, глава епархии с центром в Кредитоне, управлял всей обширной областью Девона и Корнуолла. Впоследствии Корнуолл был выделен в отдельную епархию (с кафедрой в Сент-Германе), граница

которой проходила по реке Тамарь. Леофрик решил воссоединить их, создать кафедру в крупном городском центре Эксетере и реформировать жизнь кафедральной общины, взяв за образец правило епископа Хродеганга из Меца (умер в 766 г.), которого придерживались общины Лотарингии и Германии. Одобрение папы Льва IX было получено в 1049 г., а короля Эдуарда в 1050 г. За четыре года после своего назначения в Эксетер Леофрику удалось совершить в своей епархии крупную реформу.

Он также навел порядок в финансовом обеспечении епархии, частью расширяя земельные владения, частью устанавливая правила распределения дохода между епископом с его домочадцами и соборным клиром. Подобно своему современнику Эльдреду Йоркскому — хотя и не в таких грандиозных масштабах — Леофрик содействовал украшению своего собора произведениями искусства (облачениями, колоколами, распятиями, серебряной посудой, завесами и т.п.), среди которых встречались даже такие курьезы, как шкуры трех медведей и серебряная трубочка наподобие соломинки, через которую можно было всасывать освященное вино из чаши.

Он оставил своему собору обширную для тех времен библиотеку в шестьдесят томов. Около половины составляли разного рода служебники, но также сборники канонических правил и творения Григория Великого и Бэды Достопочтенного. Были и книги на древнеанглийском языке: сюда входили переводы Боэция, сделанные королем Альфредом, и «большая английская книга на разные сюжеты, написанная стихами». Эта рукопись все еще пребывает там, где оставил ее Леофрик, и известна

под названием Эксетерская Книга — драгоценный памятник поэтического творчества англосаксов. Среди прочего она содержит две поэмы Кюневульфа и такие известные лирические миниатюры, как «Скиталец», «Морестранник» и «Руины».

Леофрик запомнился как добрый пастырь и энергичный человек. Фигура Леофрика служит опровержением созданного нормандской пропагандой мифа о том, что поздняя англосаксонская церковь пребывала в упадке — нет ничего более далекого от истины.

ГОДВИН

GODWIN, умер в 1053 г.— правитель Уэссекса и самая влиятельная (после короля) фигура в Англии с 1018 г. и до самой смерти

Его происхождение и обстоятельства выдвижения неясны. Он был, по-видимому, человеком со связями, ибо упоминается в завещании старшего сына короля Этельреда в 1015 г. Должно быть, он был одним из самых ранних выдвиженцев при короле Кнуте, ибо получил Уэссекс в самом начале его царствования. Уэссекс был самой богатой чатью Англии, в нем находился город короля Винчестер и город архиепископа Кентербери, он имел удобный выход к морю — назначение на пост правителя Уэссекса не могло не быть знаком доверия со стороны короля. Дальнейшему продвижению Годвина послужила его женитьба (1019 г.), в результате которой он стал свояком короля. Его нареченной была Гита, сестра Ульва, наместника Дании, который приходился Кнуту зятем, ибо был женат на его сестре Эстрид.

Ни один другой английский магнат не занимал в правление Кнута столь высокого положения, как Годвин. Годвин не без труда удержал его в правление сыновей Кнута, Гарольда (1035-40 гг.) и Хардакнута (1040-42 гг.). В 1036 г. он оказался замешанным в убийстве Альфреда, родного брата принца Эдуарда (позднее — короля Эдуарда Исповедника), высадившегося на побережье Уэссекса с целью занять престол. Степень виновности Годвина не установлена. Сам он утверждал позже, что действовал по приказу короля Гарольда. Несомненно, что память об этом эпизоде сделала отношения Годвина с Эдуардом весьма прохладными, но не привела к его смещению после того, как Эдуард возвратился на родину и стал английским королем в 1042 г. Более того, Годвин упрочил свои позиции, выдав в 1045 г. свою дочь Эдиту замуж за Эдуарда.

Годвин и Гита имели большую семью — шесть сыновей и не менее трех дочерей (о преданности Годвина режиму Кнута свидетельствуе тот факт, что пятерым были даны скандинавские имена). Годвин имел честолюбивые планы относительно своих сыновей, которые в самом деле были способными и пробивными людьми. Неудивительно, что этот предприимчивый новоиспеченный клан — так сказать, Кеннеди одиннадцатого века[44] — доминировали в английской политической жизни и в правление Эдуарда Исповедника. Старший сын Свейн получил графство в 1043 г., Гарольд в 1044 г., Тостиг в 1055 г., Леофвине и Гюрт в 1057 г. Согласно подсчетам историков, земельные богатства сыновей Годвина накануне нормандского завоевания были немногим меньше богатств королевской семьи. Старший сын Свейн обесславил себя тем, что соблазнил аббатиссу, а потом убил

[44] R. Fletcher. Who is Who… P. 216.

своего двоюродного брата — он был сослан в 1049 г. В 1051 г. Эдуард попытался разбить этот клан, изгнав Годвина под предлогом его неудач в подавлении дуврского бунта против короля и отправив королеву в монастырь. Этот кризис в карьере Годвина был еще более угрожающим, чем смутный период 1035-42 гг. Современник комментирует это так: «Никто в Англии не смог бы поверить, что может случиться такая из ряда вон выходящая вещь, ибо Годвин поднялся так высоко, что держал в повиновении короля и всю Англию, сыновья его были графами и королевскими фаворитами, а дочь замужем за королем». Годвин был побит, но не разбит окончательно. Вместе с сыновьями он собрал войско и флот и в сентябре 1052 г. вернулся в Англию, готовый сражаться за возвращение к власти. Угрозы оказалось достаточно: Эдуард понял, что игра проиграна. Честь семьи Годвина была восстановлена, а сам он скончался в апреле 1053 г., не имея оснований беспокоиться за ее прочное положение.

Годвин был способным и честолюбивым человеком, который на протяжении тридцати пяти лет занимал центральное место в английской политической жизни. Трудно разглядеть более привлекательные черты в его характере, но какие-то должны были быть, ибо он пользовался симпатиями в Уэссексе. Правда, он запомнился и как разоритель церкви, а его закадычными друзьями в этой сфере были люди мирского склада, такие, как Стиганд. Жена его Гита была более благочестивой. Она основала религиозную общину в Хартланде (Девон), а после нормандского завоевания кончила свои дни в монастыре св. Омера во Фландрии.

СИВАРД

SIWARD, умер в 1055 г. — датский приспешник Кнута и победитель шотландского короля Макбета при Эдуарде Исповеднике

В 1032-33 гг. Сивард был правителем Дейры (Йоркшира), к которой в 1042 г. добавилась Берниция (северная половина Нортумбрии). О его пребывании в этой должности известно мало, кроме того, что он вполне сносно управлял своей достаточно беспокойной областью. Он подчинил английскому господству Кумбрию — западный район, за который с начала X в. дрались с переменным успехом вожди бриттов, норвежцев и скоттов. Больше всего Сивард запомнился — благодаря Шекспиру и Холиншеду — своими походами против скоттов. Самый знаменитый из них относится в 1054 г., когда он вторгся в Шотландию, нанес поражение Макбету и поставил на его место Малькольма. В следующем году Сивард умер и был похоронен в основанном им йоркском храме св. Олава. Ему наследовал Тостиг, сын Годвина.

МАКБЕТ

MACBETH, умер в 1057 г. — король Шотландии (1040 – 1054 гг.)

До своего вступления на престол принадлежал к «мормэрам» из Морея. Этот гэльский термин означает «вассал» и предполагает некое подчинение королю. Однако мормэры из Морея держались весьма независимо по отношению к тем правителям, что называли себя королями скоттов и имели резиденцию далеко на юге. В попытке заарканить Макбета понес тяжелые потери и был убит король Дункан I (1034-40 гг.). Макбет

занял престол, а сыновья Дункана отправились в изгнание.

История Шотландии до 1100 гг., к сожалению, очень плохо документирована, и царствование Макбета не составляет исключения. Известно, что в 1050 г. Макбет совершил паломничество в Рим, где он «осыпал бедняков деньгами» — подобная поездка могла быть препринята лишь в условиях стабильной королевской власти; что он щедро одаривал христианскую общину на о-ве св. Серфа в Лох-Левене; что он воевал против англичан и до 1054 г. (по меньшей мере один раз). Вторжение Сиварда в 1054 г. привело в ожесточенной битве, в которой Макбет потерпел поражение, но успел бежать на север. Сивард поставил королем Малькольма, сына Дунстана I, однако его власть распространялась только на южные районы Шотландии. Три года спустя Макбет попал в засаду в двадцати километрах от Абердина, потерпел поражение и был убит.

Женой Макбета была некая леди с неблагозвучным именем Груох. Весьма надежные источники не сообщают о ней ничего, что могло бы испортить ее репутацию, но они вообще почти ничего о ней не рассказывают. Своей дурной славой Леди Макбет обязана исключительно воображению составителей хроник XIV-XV вв.

ТОСТИГ

TOSTIG, умер в 1066 г. — правитель Нортумбрии (1055-1065 гг.), третий сын эрла Годвина и младший брат короля Гарольда

Тостиг родился около 1025 г. Впервые мы слышим о нем в 1049 г. в связи с морскими операциями против викингов Ирландии. В 1051 г. он

вступил в брак с Юдифью, сестрой графа Балдуина V из Фландрии, и стал свояком Вильгельму Нормандскому. Именно во Фландрии пребывал он в изгнании вместе со своим отцом во время смуты 1051-52 гг. Три года спустя, когда семье Годвина была возвращена благосклонность короля Эдуарда, Тостиг добился звания правителя Нортумбрии. Можно рассматривать это просто как еще один шаг в осуществлении честолюбивых планов семейства Годвина; но можно интерпретировать это и как смелую инициативу со стороны короля. Нортумбрия никогда еще не управлялась выходцем из южной Англии. Тостиг был храбр, дальновиден и тверд. За его назначением скрывалось намерение Эдуарда поставить отдаленную и беспокойную провинцию под более жесткий контроль королевской власти.

Однако план не удался. Десять лет Тостиг старался изо всех сил, но потерпел неудачу.и был изгнан после бунта, который спровоцировал цепочку событий, оказавшихся фатальными не только для Тостига, но и для всего английского королевства. Во-первых, ему не удалось защитить Нортумбрию от скоттов. К 1057 г. король Малькольм избавился наконец от своего предшественника и соперника Макбета и объединил всю Шотландию под своим владычеством, после чего обратил свой взор к югу и в 1058-59 гг. начал набеги на Англию. В 1061 г., во время паломничества Тостига в Рим, Малькольм вновь напал на Нортумбрию. По возвращении Тостиг пытался потивостоять ему «хитроумными замыслами больше, чем воинской доблестью и военными кампаниями», как пишет современник и приверженец Тостига. Проще сказать, Тостиг не сумел организовать настоящего отпора. У нас нет оснований сомневаться в личной храбрости Тостига — могли быть веские причины предпочесть дипломатию войне. Но беда в том, что он обманул

ожидания своих подданных, которые помнили еще военные подвиги Ухтреда и Сиварда. Набеги скоттов означали убийства, грабежи, страдания для всего народа. Не сумев ответить силой на силу, Тостиг потерпел крах в исполнении своих первейших обязанностей как Эрл Нортумбрии.

Во-вторых, ему не удалось найти общего языка с людьми, которые имели политический вес на севере. Например, в 1056 г. при его содействии на важный пост епископа Дарэмского был назначен некий Этельвине, выходец с юга, который не пришелся ко двору Дарэмской общине. Не были приняты во внимание даже пожалования, которыми Тостиг с супругой осыпали Дарэмскую общину. Ярким свидетельством их благотворительности и образцом тех произведений искусства, которые были подарены собору в Дарэме, выступает «Четвероевангелие графини Юдифи» (ныне в Нью-Йорке) — великолепно украшенная рукопись, заказанная на юге (скорее всего, в Кентербери) специально для собора между 1051-1065 гг. Однако щедрость супружеской четы не перевесила промахов их ставленника в обращении с местным клиром. Что же касается аристократии, Тостигу не удалось остаться вне тех распрей и той борьбы группировок, которые потрясали нортумбрийское общество и во времена Ухтреда и Турбранда: в 1063-64 гг. он был вовлечен в организацию убийства трех представителей знатных родов.

Наконец, в 1065 г. у восставших были и другие претензии: по их словам, Тостиг «несправедливо наложил слишком тяжелую дань на всю Нортумбрию». Согласно оценкам историков, выплаченные Нортумбрией «датские деньги» были отнюдь не выше, а даже ниже расценок на юге — возможно, Тостиг просто попытался сделать налоги в Нортумбрии такими же, как по всей стране. Во время переговоров Эдуарда с восставшими осенью

1065 г. те обвинили Тостига в том, что он «обновлял законы Кнута». Значило ли это, что Тостиг хотел ввести на севере уэссекские законы, чтобы сравнять налогообложение? Возможно. Но в таком случае он делал именно то, чего хотел от него король.

В октябре 1065 г. разразился бунт, и Эдуард вынужден был пожертвовать своим министром. Тостиг отправился в изгнание и провел зиму во Фландрии. В следующем году он предпринял попытку вернуться и устроить военный переворот против своего брата Гарольда, который наследовал трон после кончины Эдуарда в январе. В мае 1066 г. он появился с флотилией возле о-ва Уайт, опустошил побережье Сассекса, занял Сэндвич, а затем отправился на север, разграбил по дороге Норфолк и высадился в северном Линкольншире, но получил отпор от сил английской обороны и бежал в Шотландию. Весьма вероятно, что к тому времени он уже начал переговоры с Харальдом Суровым, королем Норвегии, с целью поддержать его вторжение в Англию.

Норвежский флот появился в английских водах к концу лета, и Тостиг присоединился к нему. Дальнейшее хорошо известно. После ожесточенного сражения в Фулфорде, которое состоялось 20 сентября, Харальд Норвежский и Тостиг захватили город Йорк, но 25 сентября Гарольд нанес им удар. Захватчики потерпели полное поражение, и оба были убиты.

ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ

HARALD HARDRADA, 1016-1066 гг. — сын Сигурда, король Норвегии с 1047 г. по день своей гибели в битве при Стэмфорд-Бридже в 1066 г.

Харальд происходил из рода Харальда Прекрасноволосого (отца Эйрика Кровавая Секира)

и приходился единоутробным братом Олаву, сыну Харальда, по прозванию Святой. Олав Святой потерпел поражение в знаменитой битве при Стикластадире и был убит восставшими подданными в 1030 г. Харальд, сражавшийся вместе с братом, был ранен, но сумел бежать. Следующие пятнадцать лет он провел на чужбине, на службе то у русских князей, то в варяжской дружине византийского императора. За это время он составил себе состояние, пережил массу самых невероятных приключений, приобрел репутацию отважного и безжалостного вождя и собрал вокруг себя дружину. В ее сопровождении он вернулся в 1045 г. в Скандинавию и предъявил права на норвежский престол. Его племянник Магнус, который правил Норвегией с 1035 г., устрашился и согласился поделить королевство с Харальдом. После смерти Магнуса в 1047 г. Харальд стал единовластным правителем Норвегии, после чего вел длинные и утомительные войны против Свейна Эстритсона, короля Дании, которые подошли к концу в 1064 г. Достигнутый мир позволил ему приступить к исполнению своего давнего замысла — завоеванию Англии.

Еще в 1038 г. Магнус Норвежский и Хардакнут (сын Кнута Могучего), который был в то время королем Дании и претендентом на английский престол, заключили между собой договор, согласно которому в случае, если один из них умрет бездетным, другой получит его престол. Хардакнут умер бездетным в 1042 г., и Магнус, согласно договору, предъявил права на престол Эдуарду Исповеднику, который относился к нему с опаской вплоть до самой его смерти в 1047 г. Харальд Суровый счел себя наследником прав Магнуса, и в 1058 г. поддержал поход в Англию своего сына. Как только был заключен мир с

Данией, Харальд начал готовить вторжение в Англию, которое собирался возглавить лично. Вопрос заключался лишь в том, когда было выгоднее нанести удар.

Удар был нанесен в конце лета 1066 г. Харальд (которого поддержал Тостиг, отправленный годом раннее в ссылку) пересек Северное море и, ограбив побережье Йоркшира, поплыл в верховье рек Хамбер и Уз. Корабли были оставлены в Риккалле, и норвежская армия прошла пешком девять миль, оставшиеся до Йорка. Нортумбрийская армия, которая попыталась перерезать им дорогу, была 20 сентября рассеяна в Фулфорде, к югу от Йорка. Харальд и Тостиг подчинили себе Йорк и затем отошли к востоку, в местечко Стэмфорд-Бридж. Там-то на следующий же день и нанес им удар Гарольд, король английский, который, услыхав о вторжении, с поразительной скоростью примчалсся с юга. Сражение при Стэмфорд-Бридже было весьма ожесточенным, но закончилось блестящей победой англичан. Харальд Суровый и его союзник Тостиг были убиты. Из трехсот или более кораблей, которыми прибыли захватчики, хватило двадцати четырех, чтобы увезти всех, оставшихся в живых, домой в Норвегию.

ГАРОЛЬД II

HAROLD II, 1022-66 гг. — второй сын сын эрла Годвина Уэссекского, последний английский король англосаксонского происхождения (январь-октябрь 1066 г.), погиб в битве при Гастингсе

Гарольд выдвинулся на службе королю Эдуарду Исповеднику благодаря своему происхождению и способностям. В 1044 г. стал правителем Восточной Англии вплоть до политического кризиса 1051 г., который привел к временному устранению семейства Годвина с политической арены. Несколько месяцев провел в Ирландии, а затем воссоединился с отцом и братом Тостигом для триумфального возвращения в 1052 г. и получил обратно Восточную Англию. После смерти отца в апреле 1053 г. наследовал ему как правитель Уэссекса и вторая после короля политическая фигура в государстве. Прославился своими победоносными военными кампаниями в Уэльсе, история которых такова.

С 1039 г. западные границы Англии стал беспокоить кельтский правитель Груффид, который объединил под своим владычеством весь Уэльс. Он был талантливый военачальник и энергичный лидер, так что его походы временами имели серьезные последствия для английского государства: так, в 1056 г. во время одного из набегов был убит только что назначенный на должность епископ Херефорда, ранее один из приближенных Гарольда, так что в начале шестидесятых годов Гарольду пришлось принимать контрмеры. В 1063 г. он снарядил флот и опустошил побережье от Бристоля до Англси, а брат его Тостиг одновременно вступил со своей армией из Честера в северный Уэльс. Груффид был загнан втупик и вскоре погиб от руки своих же приспешников, а Уэльс попал в зависимость от Англии. Эта блестяще проведенная кампания в столь беспокойной стране принесла Гарольду славу полководца.

Трудно сказать, когда именно в голове Гарольда могла созреть мысль о том, что он может

унаследовать английский престол — возможно, уже после смерти королевского племянника Эдуарда Изгнанника в 1057 г., но этого мы никогда не узнаем. Однако достоверно известно, что в 1064 г. Гарольд посетил Нормандию в качестве эмиссара короля Эдуарда. Этот эпизод изображен на знаменитом «Гобелене из Байё» — великолепно вышитом полотне, в центре которого представлена сцена клятвы Гарольда герцогу Вильгельму. Но в чем же он клялся? На этот вопрос едва ли когда-нибудь будет дан удовлетворительный ответ, ибо нормандские источники всегда могут быть заподозрены в тенденциозности, а английские источники, за одним возможным исключением, вообще не упоминают этой миссии. Исключение составляет «Жизнеописание короля Эдуарда» — поразительный и загадочный документ, автор которого (современник Эдуарда) случайно обронил фразу о том, что Гарольд «увы, слишком легко обращался с клятвами». Независимо от того, о какой именно клятве идет речь, здесь подчеркивается некое двоедушие Гарольда, в свете которого притязания Вильгельма на престол могут показаться справедливыми.

Однако не менее вероятным представляется и то, что перед самой кончиной Эдуард действительно завещал трон Гарольду, а Эдуард поспешил получить церковное признание своего нового статуса, короновавшись чуть ли не на следующий день после смерти Эдуарда. При все при том Гарольду, конечно, следовало задуматься над тем, что ему придется драться за обладание английским престолом, ибо у него было целых три соперника: его собственный брат Тостиг, изгнанный Эдуардом осенью 1065 г.; король Норвегии Харальд Суровый; герцог Нормандии Вильгельм.

Первые два объединились летом 1066 г. и высадились в Йоркшире в сентябре. Гарольд, который летом безрезультатно сторожил пролив от нормандского вторжения на юге, тотчас поспешил на север и нанес захватчикам сокрушительный удар в битве при Стэмфорд-Бридже 25 сентября того же года.

Однако два дня спустя ветер в проливе переменился, и 28 сентября армия Вильгельма высадилась наконец в Певенси. Эта новость достигла Гарольда 1 октября, и он тут же отправился на юг, прибыв в Лондон — хоть этому трудно поверить — 5 октября.. Он промедлил всего неделю, дав необходимый отдых войскам и собрав подкрепление, после чего направился в Сассекс и там 14 октября дал битву при Гастингсе — с самым печальным для себя исходом.

За время его десятимесячного пребывания на престоле правительственный аппарат, по-видимому, продолжал функционировать с тем же успехом, что и при Эдуарде. Однако Гарольд занимал престол слишком короткое время, чтобы можно было судить о том, каким правителем он был или мог бы стать. Он был отважным и решительным, но также осторожным и предусмотрительным. Он повидал мир, путешествуя по Франции, Италии, Фландрии и Ирландии. Как и отец, он не был особенно набожным человеком: он возродил монастырь в Уолтхэме (Эссекс), но прослыл также и расхитителем церковной казны. У него было четверо детей от любовницы по имени Эдита Лебяжья Шея и, подобно своему предшественнику Кнуту, он не оставил ее и после вступления в законный брак с другой Эдитой, дочерью Эльфгара, правителя Мерсии, и вдовой своего врага Груффида Уэльского.

Мы можем живо представить себе Гарольда благодаря тому, что его фигура занимает центральное место на гобелене из Байё. Поразительно, но факт, что истинным героем событий, которые разворачиваются перед глазами зрителя на этой картине, прославляющей завоевание Вильгельма, оказывается последний король побежденных англосаксов — герой трагический, изъяном в характере доведенный до клятвопреступления. Это один способ взглянуть на Гарольда с симпатией. Другой, естественно, вырастает из ностальгии по прошлому. Вместе с Гарольдом ушли в небытие весь пафос и блеск англосаксонского периода в истории страны. Усилиями творцов «национального мифа» Гарольд стал символом старой доброй Англии, какой она была до того, как попала под ярмо Нормандии. Однако не стоит слишком романтизировать Гарольда. Он был честолюбивым и не слишком совестливым человеком, которому удалось заполучить престол сомнительными средствами. Он боролся, как мог, со своей несчастливой судьбой, чтобы отбить нападение сразу с двух сторон — и проиграл. Как именно Гарольд встретил смерть, до сих пор остается спорным: даже гобелен из Байё не дает окончательного решения. Согласно одной версии, он был пронзен в глаз стрелой; согласно другой — зарублен мечами нормандских рыцарей. Последнее кажется сейчас исследователям почему-то более вероятным, но мы оставляем право выбора читателю. В игре исторических случайностей орел и решка всегда могут поменяться местами.

Глава 7

ПРЯХИ МИРА

//////////////////////

1. АНГЛОСАКСОНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В БУРЯХ ИСТОРИИ

Тема англосаксонских женщин до сих пор разработана мало и еще ждет своего исследователя. Материалы по ней разнородны — это жития, хроники, поэмы, биографии. Они представляют самые разные женские образы, но редко дают проникнуть в подробности повседневной жизни, которые так важны для описания женских судеб и имеют существенное значение для решения “женского вопроса”. Тем не менее представляется возможным даже на столь слабо обработанном материале сделать некоторые предварительные обобщения, которые показывают типы англосаксонских женщин и их участие в политической и культурной жизни страны, а также немаловажную роль в разрешении всякого рода конфликтов.

Ниже представлены семь наиболее ярких женских фигур англосаксонской Британии, известных на протяжении VII-XI вв. Каждая из них отражает отличительные черты эпохи, которые содействовали становлению определенного типа женщины.

Эпоха переселения англосаксов в Британию (V-VI вв.) слишком слабо документирована, чтобы осветить женскую тему. Однако англосаксонские аллитерационные поэмы, особенно величайший

эпос «Беовульф», дают возможность составить некоторое представление о положении и роли женщины в англосаксонском обществе накануне завоевания (они кратко охарактеризованы ниже, в последнем разделе главы). Характерным кажется устойчивое метафорическое именование женщины в древнеанглийской поэзии как «пряхи мира» — англосаксонские женщины действительно стремились прежде всего к разрешению разных конфликтов в истории семьи, рода и государства, хотя не всегда им это удавалось

Век седьмой знаменит как эпоха крещения и христианского просвещения Англии — именно тогда выдвинулась целая когорта основательниц монастырей и ярых защитниц женского монашества, право на которое им нередко приходилось отстаивать перед своими венценосными супругами, причем в конфликте с мужьями они оказывались победительницами. Особое место занимают среди них нортумбрийская принцесса Хильда и нортумбрийская королева Этельдреда. Однако роль их в монастырском движении не одинакова: Этельдреда прославилась как поборница женского аскетизма, в то время как Хильда выступала сторонницей образования и интеллектуально-художественного развития насельниц и насельников своей обители.

Век восьмой приносит христианизованной Англии «плоды просвещения», которые выражаются прежде всего в расширении миссионерской деятельности новообращенных англосаксов как внутри страны, так и за ее пределами — деятельности, которая сопровождается повышением общего уровня образования и развитием учености (последняя символически представлена фигурой Бэды Досточтимого как отца монастырской науки). Конечно, едва ли кто из женщин смог бы в ту пору

сравняться с уровнем Бэды, однако многозначительным кажется тот факт, что небесной покровительницей Оксфордского университета — старинейшего учебного заведения Англии — выступает женщина по имени Фридесвида. Хотя сведений об ее учености не сохранилось, но именно она и поныне почитается самыми учеными мужами Англии. Напротив, жизненный путь Леобы, родственницы и ученицы «апостола Германии» Бонифация, документированный гораздо лучше, показывает не только ее художественные и интеллектуальные дарования, но и ее роль в распространении образования на континенте. Правда, и Леобе пришлось отстаивать свое право на выбор карьеры перед настоятельницей монастыря — однако заступничество Бонифация сыграло свою роль.

Девятый-десятый века ставят перед английским обществом иные задачи. В связи с набегами викингов уровень образования падает, монастыри подвергаются разорению, и востребованным оказывается совершенно иной тип женщины — воительницы и администратора. Именно такой предстает перед нами Этельфлед, дочь короля Альфреда, которая достойно продолжает дело своего отца и брата по защите страны от северных соседей и объединению ее вокруг королевства Уэссекс. Ее брачный союз с правителем Мерсии становится ступенькой в ее собственной политической и даже военной карьере, отчего она и заслуживает титул «хозяйки Мерсии», а также выступает прототипом отважной Юдифи в одноименной анонимной поэме на библейскую тему.

Век одиннадцатый еще более усложняет и расширяет круг обязанностей женщины: нормандской принцессе Эмме, получившей отменное христианское воспитание и образование

на родине, приходится разрешать конфликты совершенно иного рода, для которых требуются не только благочестие и сила духа, но и известная изворотливость наряду с истинно женским шармом. После бесславной кончины своего первого супруга Этельреда, потерявшего в борьбе с викингами английский престол, тридцатилетняя Эмма принимает предложение двадцатилетнего датского короля Кнута (к тому же только что заимевшего сына от представительницы знатного нортумбрийского рода). Однако этот “брак по расчету”, на первый взгляд не сулящий никаких выгод ее первенцу от Этельреда Эдуарду, оказывается в конечном итоге наиболее благоприятным не только для осуществления честолюбивых замыслов Эммы, но и для судеб самого английского государства. Эмма умела думать на много ходов вперед — или интуитивно совершала всякий раз верный шаг. В конфликте противоборствующих группировок, которые раздирали в то время политическую жизнь страны, союз представителей зарубежных династий способствовал усилению королевской власти и оградил Англию от феодальной раздробленности, в которую могли бы ввергнуть ее войны местной знати. Эдуард Исповедник, сын Эммы и Этельреда, полжизни проведший на континенте, вступает на английский престол в сущности как представитель романской политики и культуры, которые возобладают в Англии после ее завоевания Вильгельмом Нормандским, но не смогут сокрушить ее чисто германской основы.

Леди Годива, в отличие от королевы Эммы, принадлежит более легенде, чем истории (несмотря на реальность своего существования). Она становится предметом романтического рассказа о том, как знатная дама приносит в жертву свою стыдливость

интересам своих подданных. В этом ощущается веяние новой куртуазной литературы, которая навсегда вытеснит из Англии героические англосаксонские предания. В конце англосаксонского периода женские фигуры теряют свою историческую достоверность и так же тонут в тумане легенд, как и представительницы прекрасного пола в его начале — леди Годива в той же мере остается продуктом бессознательного художественного вымысла, как и женские персонажи “Беовульфа”.

Кто-то из великих сказал, что Англия вся “ушла в слово”, то есть до конца воплотилась прежде всего в своей литературе и поэзии, достигающей апогея в творчестве Шекспира. Важно понять, что предпосылки этого закладывались уже в англосаксонской Британии, в том уникальном сочетании родного и чужого, устно-героического и книжно-христианского, немалый вклад в которое внесли англосаксонские женщины — и святые.

Поэтому настоящая глава завершается размышлением по поводу роли поэтической (шире — словотворческой) традиции в судьбах англосаксонских женщин и святых, совместная незаметная деятельность которых преобразила самое сердце Англии силой идеала. Решающей оказалась в этом отношении эпоха крещения и просвещения Англии, поэтому последний раздел содержит своеобразное “резюме” событий седьмого века. Надеемся, что именно эти события прояснят читателю дух англосаксонского поэтического творчества и англосаксонской истории.

2. ЖЕНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

СВ. ХИЛЬДА

ST. HILDA, 614-680 гг. — нортумбрийская принцесса и настоятельница монастыря Витби

Хильда была дочерью Херерика, племянника короля Эдвина Нортумбрийского, и родилась в бриттском королевстве Эльмет, где пребывали в изгнании ее родители, пока престол в Нортумбрии занимал Этельфрид, предшественник Эдвина и представитель другой династии. В 927 г., по возвращении из изгнания, Хильда была крещена в Йорке римским миссионером Паулином вместе со своим дедом Эдвином. В 647 г. она решила принять монашество и отправилась в Восточную Англию к своей сестре Хересвите, супруге короля восточных англов Этельхере, чтобы вместе с ней последовать во франкский монастырь Шелль вблизи Парижа, но в 648 г. была отозвана в Нортумбрию епископом Айданом, который поселил ее вместе со спутницами в небольшой монашеской общине у реки Вэр. Вскоре Хильда была поставлена во главе монастыря Хартпуль, первой женской обители Нортумбрии, а в 657 г. стала настоятельницей монастыря Витби, основанного королем Озви, и находилась на этом посту вплоть до самой смерти в 680 г.

Карьера Хильды прекрасно иллюстрирует ту важную роль, которую играли женщины в раннюю пору распространения христианства в Англии. Бэда подчеркивает в ней духовные дары, но она, несомненно, была также женщиной волевой и с организаторскими способностями — неудивительно, что «ее совета искали короли и знатные люди». Монастырь Витби состоял из двух сообществ — мужчин и женщин — которые жили раздельно, но сходились в храм на ежедневные богослужения. Сама идея двойного монастыря была заимствована из Галлии (еще один знак франкского влияния в ранней англосаксонской церкви), но в Англии подобный монастырь всегда возглавляла женщина. В

VII в. было создано значительное количество таких монастырей (точное число навсегда останется неизвестным), и часто во главе их стояли представительницы королевского рода: достаточно вспомнить Этельдреду, дочь короля восточных англов и супругу Эгфрида Нортумбрийского, которая основала монастырь в Эли; или сестер уэссекского короля Инэ, основавших обитель Вимборна. В самом Витби преемницей Хильды стала Эанфлед, дочь Эдвина и вдова Озви, которую сменила ее дочь Эльфлед.

Монастырь Витби отличался богатым убранством, тесными связями с королевским домом Нортумбрии и аристократическим духом. Археологические свидетельства показывают, что жизнь его обитателей была не лишена удобства и даже изысканности. Характерно, что Бэда не упоминает о том, чтобы насельники и насельницы Витби славились какими-либо аскетическими подвигами. Витби сыграл большую роль в церковной и культурной жизни Англии VII-VIII вв.: в 664 г. в нем решался спор между римской и кельтской миссиями; готовились епископские кадры (не менее шести епископов вышли оттуда в период 680-730 гг.); здесь Кэдмон сочинил первый образец древнеанглийской религиозной поэзии; и здесь вскоре после 700 г. было создано первое из сохранившихся агиографических произведений англосаксов — «Житие Григория Великого». Этими значительными достижениями обитель Витби во многом обязана своей первой настоятельнице Хильде.

СВ. ЭТЕЛЬДРЕДА (ЭТЕЛЬТРЮТ)

ST. ETHELDREDA, AETHELTHRYTH, умерла в 679 г.

—

супруга нортумбрийского короля Эгфрида

и основательница монастыря Эли,
известная под именем св. Одри (St. Audry)

В позднем средневековье именем этой святой была названа популярная ярмарка. Ее печальным реликтом остается в современном английском языке эпитет tawdry «безвкусный, кричащий», который не имеет уже никакого отношения к Этельдреде как представительнице королевского рода и женщине выдающегося характера.

Жизнь Этельдреды рассказана Бэдой в его «Церковной истории». Этельдреда была дочерью Анны, короля восточных англов. Ее первый супруг Тондберт, представитель одного из княжеских родов Нортумбрии, скончался вскоре после свадьбы, и она была вторично выдана за короля Нортумбрии Эгфрида. В течение двенадцати лет ей удавалось сохранять девство к немалому огорчению супруга, который желал иметь наследника. Король обещал ее духовнику епископу Вильфриду огромные богатства в случае, если тому удастся уговорить королеву исполнять свои супружеские обязанности, однако та не поддавалась на уговоры. После долгих просьб с ее стороны Эгфрид наконец разрешил ей оставить житейские попечения и удалиться в монастырь Колдингама, который возглавляла Эбба, тетка короля. Через год он подарил супруге земли в местечке Эли, где она построила монастырь и вплоть до самой смерти (679 г.) пребывала в должности аббатиссы.

По-видимому, неслучайно дата основания Эли (673 г.) совпадает с датой основания двух других монастырей — обители Вильфрида в Хексаме и обители Бенедикта Бископа в Вэрмуте, также созданных за счет королевских земельных пожалований. Более чем вероятно, что эти крупные обители обязаны своим возникновением силе

духовного воздействия Этельдреды на своего супруга.

Целомудрие Этельдреды сочеталось с явной склонностью к аскетическим подвигам. Бэда упоминает, что она никогда не носила льна, но одну шерстяную одежду; редко принимала ванну, разве только накануне больших праздников вроде Пасхи, и вкушала пищу не чаще одного раза в день. Зато она обрела дар прозорливости и смогла предсказать не только эпидемию чумы (во время которой скончалась сама), но даже число умерших.

Мощи ее были обретены через шестнадцать лет нетленными: как пишет Бэда, «и если плоть ее не пострадала от тления после погребения, то это служит явным доказательством, что и при жизни она не осквернила себя плотским соитием с мужем».[45] Подтверждением ее святости послужило также чудесное знамение на ее теле — послеоперационный шрам на шее зажил за то время, пока тело ее пребывало в земле — удостоверенное врачом, который выполнял операцию.

Бэда заключает свой рассказ латинскими стихами — весьма искусно сочиненным гимном во славу девственности, который не только служит достойной эпитафией умершей, но и увековечивает ее подвиг для потомков.

СВ. ФРИДЕСВИДА

ST. FRIDESWIDE, VII-VIII вв. — основательница монастыря в Оксфорде, впоследствии небесная покровительница Оксфордского университета

[45] Цит. по: The Illustrated Bede / Ed. John Marsden. London, 1996. P. 100.

Имя Фридесвиды зафиксировано в двух документах англосаксонского периода. Первый — это перечень «мест упокоения святых», где сказано, что мощи Фридесвиды пребывают в Оксфорде. В дошедшей до нас форме он датируется 1030 г., но по всей вероятности составлен двумя столетиями раньше. Второй — грамота короля Этельреда II, которая подтверждает владения «монастыря, расположенного в городе под названием Оксфорд, где покоится тело блаженной Фридесвиды». Существует также много легенд, относящихся к эпохе после нормандского завоевания, но их историческая ценность невелика. Большинство исследователей согласны в том, что Фридесвида — реальная личность, которая жила между 650 и 750 гг. Основанный ею в Оксфорде монастырь скорее всего был «двойной обителью» (отдельно для мужчин и для женщин), вроде того, что основала в Витби нортумбрийская принцесса Хильда. Имя Фридесвиды подтверждает ту большую роль, которую сыграли в расцвете англосаксонского монашества женщины. И если сведения о ней столь скудны, то это означает лишь то, что подобных ей фигур могло быть гораздо больше, чем мы когда-либо сможем узнать.

СВ. ЛЕОБА

ST. LEOBA, умерла около 780 г. — помощница Бонифация в Германии и настоятельница монастыря во Франконии

Уроженка Уэссекса, Леоба с ранней юности была отдана на воспитание в Вимборнский монастырь в Дорсете, незадолго до того основанный сестрами уэссекского короля Инэ. Когда Леоба подросла, она продолжила образование в кентском

монастыре Минстер-на-Танете. Оттуда она написала в 732 г. письмо Бонифацию, своему родственнику с материнской стороны: представилась, испросила его молитв и послала свои латинские стихи. По-видимому, вскоре она вернулась в Вимборн, ибо несколькими годами позже, около 738 г., Бонифаций обратился к аббатиссе этого монастыря с просьбой отпустить Леобу к нему в Германию. Бонифаций поставил Леобу настоятельницей основанного им женского монастыря Таубербишофсхайм, где она и пребывала до самой кончины.

Карьера Леобы служит еще одним подтверждением той важной роли, которую играли женщины в становлении христианской церкви в Англии и Германии. Леоба была не только весьма компетентна как настоятельница, но и весьма образованна. Ее биограф IX в., который использовал воспоминания четырех ее учениц, рассказывает, что она хорошо знала не только Священное Писание, но и творения святых отцов, постановления вселенских соборов и все церковное право. Когда она состарилась, ученицы читали ей вслух по ночам, и, даже задремав, она тотчас отмечала любые ошибки чтиц. Иногда они ошибались нарочно, чтобы проверить ее, но ошибки никогда не оставались незамеченными. Фигура Леобы начинает длинный ряд ученых леди, которые внесли столь большой вклад в английскую интеллектуальную жизнь.

ЭТЕЛЬФЛЕД

ETHELFLAED, 869-918 гг. — старшая дочь Альфреда Великого, супруга мерсийского правителя Этельреда,
которую прозвали «хозяйка Мерсии»

Этельфлед вышла замуж в 887 г. Будучи значительно моложе мужа, который к тому же не отличался крепким здоровьем, она стояла у кормила власти в последние годы его жизни и продолжала (уже самостоятельно) править страной после его смерти в 911 г., оказавшись, таким образом, фактической правительницей Мерсии, за что и получила титул «Мерсийской Леди» (точнее, «Хозяйки Мерсии»). Мерсийское родство со стороны матери облегчало ей вмешательство в дела правления, чему немало способствовал также ее политический, дипломатический и даже военный талант.

Продолжая политику супруга, она вместе с тем во всем поддерживала своего брата Эдварда Старшего. За семь лет правления она достигла немалых успехов в укреплении государства: закладывала новые крепости, вела военные кампании против кельтов и скандинавов (так, в 916 г. она начала военные действия в Уэльсе, а в 917 захватила важный оплот датчан в Дерби), посылала мерсийские войска на помощь коалиции северных англов и скоттов в борьбе с норманнами и незадолго до смерти добилась союза с частью нортумбрийских викингов, выступавших против тогдашнего датского правителя Йорка. Ее преданность интересам брата, уэссекского короля Эдварда, сыграла значительную роль в борьбе с викингами и в объединении Англии вокруг королевства Уэссекс.

Предполагают, что незаурядная натура дочери Альфреда могла вдохновить поэтов на создание образа отважной и прекрасной Юдифи, героини одноименной древнеанглийской эпической поэмы на библейскую тему.

ЭММА

ЕММА, умерла в 1052 г. — супруга Этельреда II и сменившего его на английском престоле Кнута; дочь Ричарда I, герцога Нормандского

Свадьба Эммы с Этельредом в 1002 г. была направлена на укрепление дипломатических отношений между Англией и Нормандией, обострившихся — несмотря на договор 991 г. — вследствие того, что Нормандия предоставляла свои гавани для стоянки датских викингов, грабивших побережья Англии (само герцогство Нормандия образовалось за девяносто лет до того на базе датских поселений в северной Франции). Брак Эммы с Этельредом был, по-видимому, лишь одной из многочисленных мер, предпринятых английским и нормандским двором с целью разрешения взаимных обид. О последующих одиннадцати годах, проведенных Эммой в Англии, практически ничего не известно кроме того, что она родила Этельреду троих детей. Старший Эдвард — позднее известный под именем Эдуарда Исповедника — родился около 1005 г. Весной 1013 г., когда Свейн Вилобородый подчинил себе почти всю Англию, королевское семейство отправилось в вынужденную ссылку и нашло себе приют при дворе брата Эммы Ричарда II Нормандского. Вполне возможно (хотя наверняка не известно), что Эмма вернулась с Этельредом в Англию в 1014 г. и оставалась с ним вплоть до его смерти в 1016 г. — однако в 1017 г. она была уже в Нормандии.

В том же году Эмма приняла предложение стать супругой Кнута, сына Свейна, завоевавшего престол ее покойного мужа. С обоих сторон тут действовал трезвый расчет: Кнут хотел предотвратить вражду нормандского герцога (который мог начать отстаивать права на

английский трон для своих племянников), Эмма же таким образом могла избежать претензий на престолонаследие со стороны отпрыска прежней супруги Кнута Эльфгивы, представительницы знатного нортумбрийского рода из Нортгемптона. Историки немало обвиняли Эмму в том, что она бросила на произвол судьбы детей Этельреда. Это по меньшей мере несправедливо, ибо у Эммы оставалось не так много возможностей для выбора, а этим путем она по крайней мере обеспечивала безопасность своему потомству. Тем не менее следует согласиться, что больше всего выиграла от этого брака сама Эмма.

Кнут и Эмма поженились в 1017 г. Она родила ему двоих детей — Хардакнута, впоследствии занимавшего английский престол в 1040-42 гг., и Гуннхильд, которая в 1036 г. вышла замуж за Генриха III, германского императора. Ее самая важная общественная роль (после рождения наследников) заключалась в поддержании благочестивого имиджа правящей династии (своего и супруга), к созданию которого стремился Кнут: так, в 1023 г. она приняла участие в перенесении останков св. Эльфхеха из Лондона в Кентербери; она собирала мощи и покровительствовала монастырям Винчестера, Эли и Рамзи. Ее щедростью пользовались церковные общины за рубежом — Бремен в Германии, Пуатье во Франции и, несомненно, ее родная Нормандия. Один из манускриптов того времени (ныне в библиотеке Британского музея) изображает Эмму с супругом, преподносящих монашеской общине Нью Минстера в Винчестере (позднее аббатство Хайд) большой золотой крест: окружающая их братия воздевает руки в знак благодарности, а парящие ангелы направляют взор королевской четы к небу, откуда на нее одобрительно взирают сам Иисус Христос,

Дева Мария и св. Петр. Именно такими хотели остаться в памяти своих подданных Эмма и Кнут.

Но в характере Эммы было не одно только стремление к благочестию. Ее гибкость и находчивость в ситуации 1016-1017 гг. подготавливают почву для тех событий, что развернулись двадцать лет спустя. После внезапной кончины Кнута в ноябре 1035 г. разгорается борьба за престол между приверженцами Харальда, сына первой жены Кнута Эльфгивы, и сторонниками Хардакнута, сына Эммы (в число последних, естественно, входила и сама Эмма). Трудно до конца восстановить развитие этого конфликта в деталях, но ясно, что первый тур Эмма с сыном проиграли. К 1037 г. английский престол занял Харальд, чему немало помогло отсутствие Хардакнута, который пребывал в Дании, утверждая там свои права на отцовский престол (держава Кнута представляла объединенное королевство Дании, Англии и Норвегии). Эмма удалилась во Фландрию, где вскоре к ней присоединился Хардакнут. Там она развернула политическую кампанию против Харальда: именно к периоду 1037-1040 гг. относится знаменитый трактат «Похвала Эмме» (Encomium Emmae), сочиненный по ее заказу неким монахом из фламандского монастыря св. Бертина и направленный на то, чтобы прославить Эмму и поддержать притязания на престол ее сына Хардакнута. После кончины Харальда в 1040 г. Эмма с сыном пересекли Ла Манш, и Хардакнут объявил себя королем, а в следующем году пригласил в Англию своего сводного брата Эдуарда, воспитанника нормандского герцога. В 1042 г. неожиданная смерть Хардакнута сделала Эдуарда обладателем английского престола, который он занимал вплоть до 1066 г.

Эмма упорно боролась за английский престол для Хардакнута, и его внезапная кончина в возрасте двадцати трех лет нанесла ей сильный удар. Но ей предстояло пережить и худшее. В конце 1043 г. новый король Эдуард, ее сын-первенец, появился в резиденции королевы в Винчестере с толпой придворных и заявил Эмме о лишении ее всех владений, земельных и денежных. Это событие до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Современные хронисты утверждали, что Эдуард давно уже копил обиду на мать за ее пренебрежительное отношение к нему — возможно, что и так. Однако участие в этом акте королевских министров указывает скорее на политическую, нежели чисто семейную подоплеку дела — какую именно, трудно сказать. Звезда Эммы закатилась навеки, и она не играла более никакой роли в политике. Ей было разрешено оставаться в Винчестере, где она скончалась в 1052 г. и была похоронена рядом с Кнутом.

Эмма обладала сильной и честолюбивой натурой и была чужда в политике какой-либо щепетильности. Королева-долгожительница, она сорок лет подряд занимала весьма высокое место среди политической и культурной элиты Англии. Современные источники рисуют ее нередко жесткой и безжалостной, однако трудно поверить, чтобы она добивалась успеха одним только этим — личный шарм часто ускользает от беспристрастного взгляда историка. Парадоксальным образом, своим значением в истории Англии она более обязана случаю, нежели осознанному плану. Вхождение нормандской принцессы в английскую королевскую семью навсегда связало судьбы двух государств: после кончины ее сына Эдуарда в 1066 г. герцог Вильгельм Нормандский, внучатый племянник Эммы, тотчас взялся за подготовку вторжения в

Англию, считая себя законным наследником престола.

ЛЕДИ ГОДИВА

LADY GODIVA, GODGIFU, первая половина XI в. — супруга правителя Мерсии, прославилась легендой о своей поездке верхом через Ковентри

Годива была женой Леофрика Мерсийского (1025-1057 гг.), который представлял собой ведущую политическую фигуру в правление Кнута и Эдуарда Исповедника. Годива надолго пережила своего супруга и скончалась около 1080 г. Леофрик и Годива были щедрыми патронами церкви. В 1043 г. они основали монастырь Ковентри, а около 1053-55 г. создали еще одну обитель в местечке Стоу (Линкольншир), где до сих пор высится величественный храм, воздвигнутый на их средства. Они также покровительствовали монастырям Леоминстера, Венлока, Вустера, Эвешема и Честера.

Согласно легенде, впервые письменно зафиксированной в XIII в., Годива проехала на коне через Ковентри обнаженной, прикрытая лишь своими длинными волосами, по капризу своего мужа и в качестве выкупа за освобождение жителей Ковентри от непомерных налогов. Эта причудливая история, возможно, в замаскированном виде отразила память о привилегиях, пожалованных монастырю Ковентри его основателями. Легенда эта вдохновила многих художников и поэтов. Ее сугубо викторианская версия, воплотившаяся в поэме Теннисона «Годива», указывает лишь на то, насколько чужд нынешнему мироощущению век девятнадцатый по сравнению с веком одиннадцатым.

3. КОРОЛЕВЫ, СЛОВОТВОРЦЫ, СВЯТЫЕ (Женщины Британии и поэтическое искусство англосаксов)

Древнеанглийская поэзия дошла до нас в четырех рукописях X-XI вв., за которыми стоит, однако, более древняя (в том числе и устная) традиция словесного творчества. При всем разнообразии тематики (от легендарно-героической до библейской) древнеанглийские поэтические памятники отличаются удивительным единством духа и стиля. Все они написаны древнегерманским аллитерационным стихом и обнаруживают формульную (клишированную) фразеологию, характерную для эпохи неосознанного аторства (дошедшие до нас имена двух поэтов, Кэдмона и Кюневульфа, не нарушают принципиальной безымянности поэтического творчества англосаксов). Все они воплощают эпическую картину мира, в большинстве своем представляя идеализированное отображение прошлого. Немалое место занимают в этой картине женщины.

Роль германской женщины, как она рисуется в древнейших эпических поэмах, двойственна, как двойственна была ее судьба в варварском обществе. Властная «золотоносица» и «златодарительница» (а именно такими эпитетами награждает поэт «Беовульфа» своих героинь), восседающая на пирах рядом с супругом, она становилась заложницей кровной мести в пору распри. Подстрекательница к битве, способная вселить храбрость в упавшего духом воина, она превращалась в пленницу и безутешную плакальщицу после его гибели. Но почти в любой ситуации она сохраняла связь со словотворчеством.

В «Беовульфе» Вальхтеов, супруга датского конунга Хродгара, встречает гостей не только медовой чашей, но и приветствием. Появление Вальхтеов в зале служит поводом к началу медопития и вместе с тем — песнопения. Дары, привезенные в дом жениха ее дочерью Фреавару, подают повод к пламенной речи, которой старый воин призывает юного героя к мести. Слова Вальхтеов, обращенные к победителю чудовищ Беовульфу, напоминают благие заклятия — это почти магическое словодейство, которым королева пытается загасить недобрые предчувствия и предотвратить надвигающиеся беды. Коварная Хюгд, искусная в нанесении героям смертоносных оскорблений-проклятий (в оригинале термин «нид» — разновидность древнегерманского словесного творчества, связанная с магическим воздействием и физическим ущербом), смиряется по приказу (точнее, «наказу») отца и мужа. Отважная героиня поэмы «Вальдере» призывает своего возлюбленного отплатить врагу за обиду. Безымянная героиня «Плача жены» жалуется на свою незавидную долю. В «Финнсбургском эпизоде» (части поэмы «Беовульф») Хильдебург оплакивает павших в битве сына и брата, а в конце «Беовульфа» некая «простоволосая старица» поет погребальную песнь по самому Беовульфу.

Нетрудно заметить, что каждая из указанных ситуаций включает определенные речевые акты, которые и привели в конечном итоге к созданию известных жанров древнегерманской поэтической речи. Женщина как субъект, инициатор и реципиент торжественной речи сыграла немалую роль в становлении самого поэтического искусства. Однако устно-поэтическая традиция с ее сюжетами и стилистическими приемами — лишь одна сторона древнеанглийского поэтического творчества.

Другой, не менее важной стороной, которая привела к взаимодействию с латинской книжной культурой, явилось воссоздание его на письме, связанное с христианизацией страны. Первым записанным древнеанглийским стихотворением явился так называемый «Гимн Кэдмона», впервые восславивший Бога-Творца германским аллитерационным стихом. Любопытно, однако, что право на существование в ряду литературных произведений этот гимн получил благодаря мудрой прозорливости и организаторскому таланту женщины по имени Хильда, настоятельницы монастыря Витби, которая сумела добиться высокой оценки таланта простого пастуха Кэдмона компетентным собранием ученых мужей.

Таким образом, женщина не только стоит у истоков устно-поэтического искусства англосаксов, но и причастна его трансформации в книжную словесность (литературу). Хотя ни одна из сохранившихся древнеанглийских поэм не приписывается женщине, история и легенда донесли до нас факты, свидетельствующие о привязанности женщин древней Британии к словесному творчеству в качестве сочинительниц, хранительниц и покровительниц. Женщины играют существенную роль также в древнеанглийских поэтических парафразах Библии и поэтических житиях, которые прославляют некоторых известных женских персонажей священной истории — Юдифь, освободительницу израильского народа; Елену, мать византийского императора, которая впервые обрела Крест Господень; мученицу Юлиану. Причем интересно, что рассказ о них не только выражен в традициях германского героического стиля, но включает именно те речевые акты, которые были характерны для германских героинь эпохи великого переселения народов. Воинственная Юдифь

призывает израильтян на битву, равноапостольная Елена пламенно обличает иудеев в нежелании открыть место погребения Креста, отважная Юлиана вступает в перебранку с самим Сатаной, лукавая Ева сначала подстрекает Адама к преслушанию Господу, а потом оплакивает свою участь.

Так перипетии женских судеб обогащали поэтические сюжеты, а женское слово — поэтическую риторику. Можно полагать, что интерес знатных женщин к поэтическому творчеству подкреплялся тем, что их собственные биографии и словесное поведение не раз воспроизводили все то, что уже нашло отражение в поэзии. С другой стороны, поэтические образы нередко служили их самоутверждению на исторической сцене. Попытаемся, насколько это возможно, проследить связь представительниц древнеанглийских королевских семей со словесным искусством той эпохи.

Древнейшей известной женщиной Британии числится в исторических анналах королева бриттов Боадицея, жестоко отплатившая римским завоевателям за смерть мужа. Как мстительница она явно превзошла своих германских преемниц на королевском престоле, однако римская риторика была ей мало понятна: она предпочла не объясняться с врагами и приняла яд.

Первая известная представительница германского королевского рода в Британии была, по всей видимости, более красноречива. Франкская принцесса Берта, связавшая свою судьбу с королем Кента Этельбертом, склонила мужа к принятию христианства еще до прибытия из Рима миссии св. Августина: некоторые источники считают возможным датировать крещение короля 595 г. вместо 597 г. В самом деле, папа Григорий Великий сообщает в своем знаменитом письме патриарху

Александрии об обращении в новую веру подданных кентского короля, не поминая его самого. И если папа справедливо называет Этельберта новым Константином, то не менее уместно подчеркнуть апостольские качества Берты как новой Елены.

Матримониальный союз Берты с Этельбертом представлял типичный династический брак: Берта, как и ее континентальные предшественницы, упоминаемые в «Беовульфе», была заложницей политических игр германских вождей. Ее меровингские родственники были заинтересованы в контроле над англосаксонскими побережьями Британии, в то время как для самого Этельберта этот брак, как и обращение в новую веру, был средством возвышения в глазах современников. Впрочем, не приходится сомневаться в глубине религиозного и литературного воспитания самой Берты: ее мать состояла в близком общении с епископом Григорием Турским, первым историографом франков, а сестра была монахиней в Туре[46] (северо-восточная Галлия сыграла впоследствии немалую роль в становлении англосаксонского женского монашества).

Одним из первых писем, адресованных римской церковной иерархией англосаксонским правителям Британии, было послание папы Григория Великого к Берте (впоследствии папа Бонифаций V обратился с подобным письмом к дочери Берты Этельберг, королеве Нортумбрии, ввиду крещения ее мужа). Сам факт этого послания знаменателен: он служит знаком включения англосаксов в круг цивилизованных народов. Как полагают исследователи, сама Берта была в состоянии не только прочитать письмо, но и написать ответ по-латыни. По лестному отзыву

[46] Peter Hunter Blair. The World of Bede. Cambridge, 1990. P. 91.

Венанция Фортуната, первого средневекового поэта франкской Галлии, отец Берты король Хариберт «знал довольно по-латыни», чтобы сочинять богословские трактаты и гимны. Связывая в своем письме твердость в вере с владением грамотой, папа пожелал Берте употребить оба эти качества на то, чтобы воспламенить сердца своих подданных любовью к истинному Богу.

Искусство слова как средство наставления в вере приписывается Бэдой Досточтимым и самому Григорию Великому. Как следует из рассказа Бэды, мысль о крещении англосаксов могла родиться у Григория благодаря смысловому сопряжению близких по звучанию германских и латинских имен: этноним «англы» был истолкованим как «ангелы», топоним Deira — как сокращение фразы «освобожденные от гнева (de ira) Божия", имя конунга Элле — как искаженное "аллилуйя". Для нас важна здесь не индивидуальная способность к этимологической интерпретации, весьма распространенная в ту пору среди ученых людей, а ее сохранение и развитие в англосаксонском устном предании, на котором, по-видимому, основано данное место "Церковной истории" Бэды. Словесное обыгрывание такого рода характерно также для анонимного "Жизнеописания Григория Великого", составленного насельниками Витби в традициях живого рассказа.

Осознание единства слова и смысла, необходимости первого для рождения (а не только передачи) второго, искусное слово как способ вразумления заблудших — все это создавало ту почву, на которой расцветало англосаксонское поэтическое искусство. Вспомним, что и в истории первого поэта Кэдмона рождению веры предшествовало рождение поэтического слова. Вместе с тем Кэдмон, как и Григорий Великий —

это прежде всего (а возможно, и всего лишь) блестящий интерпретатор наличного словесного материала. Известно, что величие Григория состояло не столько в собственных богословских озарениях, сколько в умении донести до западной аудитории все богатство и глубину восточной богословской традиции, которую он положил к ногам своей полуязыческой и потрясенной вторжениями варваров паствы так же, как Кэдмон принес в дар монастырской общине Витби чудесно ниспосланную ему свыше германскую риторику.

Важно было также единство устного и письменного слова, разная функциональная направленность которых еще не была вполне осознана и использована в ту пору. Книги в англосаксонских монастырях чаще употреблялись для чтения вслух, чем про себя. Между устным и письменным словом, как и между словом родным и иноземным, существовало беспрерывное взаимодействие, своеобразная взаимоперетекаемость — они были связаны почти по принципу сообщающихся сосудов.

Неграмотному и не владеющему иностранной речью Кэдмону пересказывали написанную по-латыни Библию, которую он воплощал в устном слове на родном языке согласно канонам устно-поэтического искусства. Его “Гимн” был переведен на латинский и записан в большом числе рукописей, однако на полях тех же рукописей сохранились разнодиалектные варианты его поэмы, бытовавшие в устной традиции и, вероятно, записанные позже.

Еще при жизни короля Этельберта его законы, предназначенные, как и всякие германские законы, для торжественного произнесения вслух, были записаны латинским алфавитом на кентском диалекте. Историки сомневаются, однако, насколько действенной была при их озвучивании

роль иноземного письма: неясное написание некоторых мест свидетельствует о том, что чтецы полагались на свою память столько же, сколько и на знание чужой грамоты. По мнению П. Вормальда, “можно усомниться в ценности подобных текстов для судей, предположительно знакомых с их традиционными элементами и, по всей вероятности, неграмотных”[47]. Церковный дух, которым веет от «Законов Этельберта», свидетельствует более о стремлении установить преемственность с законами Моисея, нежели с современной юридической практикой. Все это, впрочем, нисколько не умаляло значимости иноземной буквы в глазах англосаксов, ибо «дух угасает, а буква сохраняет ему жизнь»[48].

Буква, слово и дело своеобразно взаимодействовали также при распространении христианства в северных областях Англии, где Этельберг — дочь Берты, выданная замуж за нортумбрийского короля Эдвина — повторила роль своей матери.

В 626 г. судьба посылает Эдвину две удачи: верный вассал спасает его от кинжала наемного убийцы, а чуть позже жена дарит ему первенца-инфанту. Король приносит жертвы языческим богам, в то время как епископ Паулин, духовник его жены Этельберг, возносит хвалу христианскому Богу, уверяя короля в Его причастности к счастливым событиям. Однако словесные заверения мало действуют на Эдвина, и он обещает креститься лишь при условии, если Бог дарует ему военную победу над королем, подославшим убийцу. Серьезность своих намерений он подкрепляет разрешением

---

[47] *P. Wormald.* The World of Bede and Ethelbald // The Anglo-Saxons / Ed. J. Campbell. Harmondsworth (Middlesex), 1991. P. 98.

[48] *James Campbell*. The First Christian Kings // The Anglo-Saxons... P. 53.

тотчас окрестить новорожденную Эанфлед, которая стала первой крещеной уроженкой Нортумбрии и первым английским младенцем, крещеным вскоре после рождения. Сам же Эдвин получил желанную победу, но креститься не спешил. Любопытно, однако, что для коронованного англосакса слово все же перевесило дело, послужив последним толчком к принятию новой веры. Как следует из рассказа Бэды, развязка была подготовлена двумя речевыми актами, письменным и устным, причем второй сопровождался некими магическими действиями. Первым было вовремя подоспевшее послание королю от папы римского. Вторым явилась таинственная реплика и знак во время молитвы со стороны епископа Паулина, имевшие свою предысторию.

В юности Эдвин был лишенным престола изгнанником, страдавшим от происков своих соперников. Его приютил в то время король восточных англов Рэдвальд, склонившийся к христианству через дружбу с королем Этельбертом. Однажды ночью к Эдвину явился незнакомец, которому удалось взять с него обещание (естественно, выглядевшее в глазах германца как клятва), что он последует поучениям того, кто освободит его от бед и вернет королевство. При этом незнакомец накрыл голову Эдвина правой ладонью и сказал, что тому придется исполнить обещание, когда ему будет вновь подан этот знак. С этими словами загадочный посетитель исчез. Получив помощь Рэдвальда и удачу в бою, Эдвин в конце концов взошел на нортумбрийский трон, счастливо женился на кентской принцессе, избежал нечаянной смерти и победил врагов. Тут-то Паулин и напомнил ему о клятве, возложив правую руку на голову. Ибо таинственным незнакомцем, по единодушному мнению исследователей, и был

Паулин, о пребывании которого при дворе Эдвина сохранились некоторые, хотя и неясные, сведения.

Происшедшее так подействовало на Эдвина, что он немедленно собрал своих советников и мудрецов для обсуждения новой веры. И здесь невольно поражает в рассказе Бэды тот факт, что решающими оказались не доводы материального благополучия, которые сулило, по мнению языческого жреца Койфи, новое божество, а художественно-поэтическое воздействие притчи о воробье, истолкованной как аллегория человеческой жизни: маленькая птаха лишь мгновение наслаждается уютом, влетев в пиршественный зал, а потом улетает обратно в стужу и неизвестность. В конце притчи появляются учительские нотки: «Так и человеческая жизнь длится недолго, и нам неведомо, что будет за ней и что было прежде. Значит, если новое учение вносит в нее определенность, кажется разумным последовать ему»[49]. Благоговейный страх, детское любопытство и поэтическое переживание природы сочетаются в этой притче с расчетливым требованием истинного знания. Древнеанглийская поэзия, родившаяся в атмосфере языческого пира, распространившаяся по всей стране от дружинного зала до пастушеской хижины и наконец нашедшая себе приют в монастыре, с тех пор всегда жила этими ощущениями бренности и вечности, радости и ужаса, песни и проповеди, которые с такой непосредственностью воплотил в своем непритязательном рассказе Бэда.

Стихотворные строки о Страшном Суде и вечном блаженстве успели слететь с уст самого Бэды в час кончины — древнеанглийское поэтическое слово, готовое как воробушек сорваться с уст и

[49] Цит. по: *Peter Hunter Blair*. The World of Bede… P. 96.

кэрла, и эрла, в конечном итоге притязало на то, чтобы сравняться с буквой закона и вместить заповеди блаженства.

В атмосфере песни и проповеди жили первые английские принцессы, воспитывали детей, строили монастыри. Тотчас после крещения Эдвина епископ Паулин освятил часовню-молельню (oratory), где услаждал своим ораторским искусством местную паству. Паулин развернул также широкую миссионерскую деятельность в королевских имениях, в том числе старинном гнезде нортумбрийской аристократии Йиверинге (Yeavering) с его характерными «холлами» (залами для пиршеств), способными собрать большую аудиторию.

После гибели Эдвина его вдова Этельберг вместе с дочерью Эанфлед и епископом Паулином бежали на корабле в Кент. Эанфлед, впоследствии супруга короля Озви, принимала деятельное участие в воспитании и образовании будущей церковной иерархии: при ее попечительстве юный Вильфрид, в дальнейшем самый энергичный англосаксонский епископ, был отдан в монастырь Линдисфарн на послушание св. Айдану, а потом ею же отправлен к кентскому двору для путешествия в Рим.

Эанфлед, как и ее мать, была замужем в Нортумбрии, за младшим братом короля Освальда, восстановившего христианство после гибели Эдвина в битве. Освальд успел сразить убийцу ее отца неподалеку от Стены Адриана, остатков римских укреплений в Британии, и воздвиг огромное распятие на месте сражения, прозванном Небесное Поле в честь победы, одержанной там именем Христа. Это был один из видимых знаков христианской веры в Нортумбрии, положивший начало культу поклонения Святому Кресту, образ

которого был с поразительной силой воплощен в лирической поэме «Видение Креста», рассказывающей историю крестных мук Спасителя древнеанглийским аллитерационным стихом. Часть этой поэмы, высеченная рунами, сохранилась также на знаменитом каменном распятии из местечка Рутвелл на севере Нортумбрии, которое остается зримым свидетельством тесного переплетения в древней Англии родной и иноземной культур, так же как и письменного и устного слова.

В 651 г. Эанфлед основала монастырь неподалеку от Йорка, а в 685 г., уже будучи вдовой, возглавила вместе с дочерью монастырь Витби (через пять лет после смерти его первой настоятельницы Хильды) — там был погребен ее отец Эдвин. Историки допускают, что она-то, всю жизнь лелеявшая память об отце, и явилась автором бытовавшего рассказа о злоключениях и чудесном обращении Эдвина. Бэде в ту пору было около четырнадцати лет, а тесная связь монастырей Витби и Вэрмут-Ярроу предполагала и общие словесные предания. Доподлинным показаниям живых свидетелей при написании своей «Истории» Бэда доверял не меньше, чем письменным заявлениям иных авторитетов. Возможно, дочери Эдвина Бэда обязан некоторыми трогательными деталями своего повествования: мир во время правления Эдвина был будто бы столь прочен, что женщина с новорожденным дитятей могла без опаски пересечь пешком всю страну от моря до моря.

Паулин, первый римский миссионер в Нортумбрии, вынужден был бежать, когда его покровитель Эдвин был убит королем-язычником. Однако Нортумбрия была открыта с северо-запада кельтскому влиянию, откуда прибыла новая волна христианских миссионеров после возвращения из изгнания короля Освальда. Освальду был не чужд

дар видений (впоследствии один из любимых жанров древнеанглийской литературы): победу в битве на Небесном Поле ему предсказал во сне ирландский святой Колумба, основавший монастырь на острове Иона у северо-западного побережья Британии. Колумба скончался в год прибытия в Кент миссии св. Августина из Рима (597 г.), однако кельтские религиозные и литературные вкусы оказались в дальнейшем не менее важными для Англии, чем непосредственное влияние Рима. И хотя спор церквей на соборе Витби в 664 г. разрешился в пользу римского обычая, кельтские контакты, начало которым положила политика короля Освальда, не прекращались. Так, в древнеанглийских элегиях исследователи замечают следы уэльского и ирландского влияния, продолжавшего традиции раннесредневековой латинской лирики, которую Хелен Уодделл сравнила с «первым подснежником, пробившимся сквозь опавшие листья полузабытой учености»[50].

И действительно, до прибытия в Кентербери в 669 г. Теодора Тарсийского мало кто мог сравниться с кельтскими миссионерами в рвении к учености и учению, которое приводило многих англосаксов в Ирландию. По слова Бэды, учителя из страны иров и скоттов внушали и детям, и старикам усердие к занятиям и монастырскую дисциплину.

В 635 г. Освальд пригласил в Нортумбрию св. Айдана с острова Иона, который основал знаменитый монастырь на острове Линдисфарн у северо-восточного побережья Англии. Характерно, что монастырь этот располагался неподалеку от гнездовья языческой аристократии, королевского имения Бамбург. После гибели Освальда от меча закоренелого язычника Пенды, правителя Мерсии,

[50] Цит. по: *I. Gordon.* Introduction // The Seafarer. Manchester, 1979. P. 19.

и обретения его святых мощей, их самые важные части — голова и руки — были погребены в этих местах: голова Освальда на Линдисфарне (обнаружена при вскрытии раки св. Кутберта в 1827 г.), а руки в Бамбурге. Пенда упорствовал в язычестве до конца жизни (он погиб в битве с Озви в 655 г.), но разрешал проповедовать у себя Евангелие. Сын его принял крещение после женитьбы на дочери Озви Альхфлед, а дочь его была выдана за брата последней.

Кельтские христианские аскеты выражались лаконично. Некто Дрюхтхельм умерщвлял свою плоть, подобно св. Кутберту, в ледяном ручье зимой, а на реплики братии: «Удивительно, брат Дрюхтхельм, как ты выносишь такой холод»», отвечал без прикрас: «Я терпел и не такую стужу», намекая на открытое ему однажды видение ада. Бэда сообщает предание об этом чудесно возвращенном к жизни отшельнике с большими подробностями, что указывает на сложившуюся традицию устного рассказа.

Ирландские учителя, в том числе св. Айдан, наставляли в монашеском правиле Хильду, одну из самых знаменитых английских аббатисс VII в. Хильда (614-680 гг.), причисленная к лику святых, приходилась внучатой племянницей королю Эдвину, с которым вместе и была крещена в отрочестве (627 г.) епископом Паулином. Через двадцать лет она приняла решение стать монахиней и отправилась к родственникам в Восточную Англию, намереваясь последовать за своей сестрой Хересвитой, ранее женой короля Этельхере, во франкский монастырь неподалеку от Парижа (Chelles). Этот монастырь был основан замечательной женщиной англосаксонского происхождения Бальтхильдой, которая в юности была продана в рабство франкскому мажордому, а

впоследствии стала женой короля (Clovis II) и кончила жизнь в основанном ею монастыре, завоевав репутацию святой. Бэда, хорошо информированный о монастырях северной Галлии, называет имена их знатных английских обитательниц. Одна — Эоркенгота, дочь кентского короля, который первым приказал низвергнуть языческих идолов в своем королевстве. Две другие — Сэтрют и Этельберг, обе из Восточной Англии, столь преуспевшие в монашеском житии, что сделались игуменьями несмотря на свое иностранное происхождение. По запросам англосаксонских королей монастыри северной Галлии щедро снабжали книгами женские монастыри Англии.

В 648 г. Хильда вместе со своими спутницами была отозвана епископом Айданом в Нортумбрию, в маленькую общину на реке Вэр, а вскоре назначена настоятельницей Хартпуля, первого женского монастыря Нортумбрии. По словам Бэды, основательницей общины в Хартпуле и первой нортумбрийской женщиной, последовавшей монашескому призванию, была некая Хью (Heiu), постриженная самим Айданом.

В 657 г. король Озви основал монастырь Витби. Хильда была назначена его первой аббатиссой и оставалась в этом служении до своей кончины. Карьера Хильды подтверждает важную роль женского монашества в становлении раннего христианства в Англии. Она явно была женщиной с характером и обладала, наряду с духовной одаренностью, также недюжинными лидерскими качествами, которые заставляли правителей Британии обращаться к ней за советом.

Витби был «двойным домом»: его община включала и мужчин, и женщин, живших раздельно, но совместно посещавших богослужения. Сама идея

двойного монастыря была занесена в Англию из Галлии и Испании. Первое правило такого рода общины написал для своей сестры Исидор Севильский, знаменитый церковный писатель и деятель визиготского королевства.

В VI-VII вв. Испания служила важным звеном в передаче позднеклассического культурного наследия Византии и Северной Африки в ирландские, франкские и англосаксонские монастырские центры. Правило Исидора включало не только пост, бодрствование и молитву, но также чтение и дискуссию. Подчеркивая решающее значение духовной жизни, Исидор оставлял место в монашеском распорядке дня для интеллектуальных занятий, включавших знакомство со светской литературой. Испанский отшельник Фруктуоз (умер в 675 г.), современник Айдана, Кутберта и Вильфрида, никогда не расставался с книгами и возил их повсюду с собой на лошади. Он также способствовал развитию женского монашества в Испании, построив келью для девы Бенедикты, вокруг которой собралась впоследствии женская община составом около восьмидесяти человек. Его «Правила монашеской общины» содержат наставления для жизни сестер и братьев в одном монастыре.

Особенностью двойных монастырей в Англии VII в. было то, что в них всегда начальствовала женщина, обычно королевского рода. Женское монашество было тогда столь распространено в Англии, что даже замужние королевы решались давать обет целомудрия вопреки намерению мужа иметь наследников. Так, епископ Вильфрид был удален в ссылку королем Эгфридом, ибо укреплял его супругу в желании хранить девство. Полномочия Хильды после ее кончины наследовала Эанфлед, вдова Озви, а за ней — ее дочь Эльфлед.

Двойной монастырь в Эли возглавляла невестка Озви Этельтрют, а в Уэссексе таковая обитель была впервые основана сестрами короля Инэ. Образовательные устремления англосаксонских женщин и их связь с ученостью нашли символическое отражение в легендарной фигуре св. Фридесвиды (конец VII — начало VIII в.), которая была осмыслена как небесная покровительница Оксфордского университета.

Витби был богатым монастырем, тесно связанным с нортумбрийской королевской династией и аристократичным по духу. Более чем аскетические добродетели здесь культивировалась любовь к искусству — искусно сделанным украшениям, как о том свидетельствуют археологические находки, и искусному «плетению словес». Здесь было составлено неизвестным монахом «Житие Григория Великого», первое агиографическое сочинение англосаксов.

В следующем поколении Витби послужил своеобразным питомником по подготовке английского епископата: по меньшей мере шесть епископов вышли отсюда в период 680-730 гг. И здесь же получил поддержку и напутствие первый английский поэт Кэдмон, снискавший божественный дар песнопения. «Эксперимент» по адаптации германского стиха к христианским ценностям был обязан своими успешными результатами деятельному сочувствию аббатиссы Хильды. Из этого «эксперимента» выросла львиная доля всей древнеанглийской поэзии — школы Кэдмона и Кюневульфа.

Укрепляясь в благочестии и чистоте, Хильда в то же время уделяла немало сил благотворительности и наставничеству. Вероятно, именно наставническая деятельность привлекла ее внимание к поэтическому дару Кэдмона и

позволила разглядеть в его творчестве ростки новой англосаксонской культуры, родившейся из слияния германо-языческой и латино-христианской традиций. Древнеанглийская поэзия зафиксировала и подтвердила это слияние раньше, чем проза. И в этом смысле она может рассматриваться как квинтэссенция раннего литературного сознания Англии.

Деятельная натура Хильды, ее любовь к словесному искусству и учительские устремления нашли воплощение и продолжение в другом женском образе, принадлежащем последующей эпохе — эпохе распространения деятельности английских миссионеров на континенте (VIII в.).

Святая Леоба (умерла около 780 г.), уроженка Уэссекса, отправилась в Германию в составе миссии Бонифация и закончила свою жизнь в роли настоятельницы монастыря во Франконии. Девочкой она была послушницей обители под началом сестер короля Инэ, затем продолжила свое образование в кентском монастыре. Оттуда она впервые отважилась написать епископу Бонифацию, своему родственнику с материнской стороны. Учтиво представившись и испросив его молитв, она посылает ему свои латинские стихи. Образование и воспитание юной особы, по-видимому, произвели впечатление на прославленного миссионера, ибо через шесть лет он обращается к настоятельнице уэссекского монастыря, куда вернулась Леоба, с письменной просьбой отпустить послушницу с ним в Германию.

Леоба представляет собой еще один образец англосаксонского женского характера. Будучи весьма компетентной аббатиссой, она прославилась также своей ученостью. Ее биограф IX в., имевший доступ к воспоминаниям четырех ее учениц, сообщает, что наряду со Священным Писанием она

также хорошо знала творения святых отцов и постановления вселенских соборов. Личность Леобы столь же необычайна, как и ее образованность. Состарившись, она заставляла своих послушниц регулярно читать ей вслух по ночам. Даже задремав, она никогда не расслаблялась и живо схватывала любую ошибку чтицы. Иногда послушницы ошибались нарочно, чтобы проверить ее, но никогда ошибка не оставалась незамеченной. Подобная реакция на слово вырабатывается поколениями.

Краткая библиография [51]

1. Гвоздецкая Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995.
2. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998.
3. Гуревич А.Я. Походы викингов. М.,1966.
4. Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
5. Гуревич А.Я. Средневековый эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 5-26.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
7. История средних веков / Ред. С.П. Карпов. 2-е изд. М., 2000.
8. Мельникова Е.А.Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
9. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937.

[51] Данный список включает преимущественно издания, доступные в библиотеках России.

10. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 171-232.
11. Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам (К проблеме формирования английского народа). М., 1988.
12. Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб., 2000.
13. Age of Bede / Ed. D.H.Farmer, tr. J.F.Webb. London, 1988.
14. Anglo-Saxon England / Ed. M. Lapidge. London,1990.
15. Anglo-Saxons. Studies in some Aspects of their History and Culture / Ed. P.Clemoes. London, 1959.
16. Bede the Venerable (673-735). His Life, Times and Writings / Ed. Alex. Hamilton Thompson. Oxford, 1935.
17. Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. B.Colgrave, R.A.B.Minors. Oxford, 1969.
18. Bethurum, Dorothy. The Homilies of Wulfstan. Oxford, 1957.
19. Campbell, James. Essay in Anglo-Saxon History. London, 1986.
20. Campbell, James, et al. The Anglo-Saxons / James Campbell, Eric John, Patrick Wormald. London, 1991.
21. Cook, Albert S. & Chauncey B. Tinker. Select Translations from Old English Poetry. Boston, 1902.
22. Cook, Albert S. & Chauncey B. Tinker. Select translations from Old English Prose. Boston, 1908.
23. Crawford S.J. Anglo-Saxon Influence on Western Civilization (600-800). Oxford, 1933.
24. David L. Edwards. Christian England. V. 1-2. London, 1982.
25. Duckett, Eleanor Sh. The Gateway to the Middle Ages. N.Y., 1938.

26. Duckett E.S. Anglo-Saxon Saints and Scholars. New York, 1948.
27. Duckett E.S. Alcuin, friend of Charlemagne. His World and his Work. N.Y., 1951.
28. Duckett E.S. Alfred the Great and his England. London, 1957.
29. Duckett E.S. Carolingian Portraits: A Study in the IXth century. Ann Arbor, 1962.
30. Duckett E.S. Latin Writers of the 5th c. Hamden (Conn.), 1969.
31. English Historical Documents / Ed. D.C.Douglas. Vol. 1 / Ed. D.Whitelock. London, 1979. Vol. 2 / Ed. D.C.Douglas & G.W.Greenway / London, 1981.
32. Fletcher, Richard. Who's Who in Roman Britain & Anglo-Saxon England. London, 1989.
33. Hodges, Richard. The Anglo-Saxon Achievement: Archaelogy and the Beginning of English Society. Ithaca (N.Y.), 1989.
34. Hodgkin R.H. History of the Anglo-Saxons. Vol. 1-2. Oxford, 1935.
35. Hunter Blair, Peter. An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956. Cambridge, 1977.
36. Hunter Blair, Peter. Roman Britain and Early England (55 B.C. – A.D. 871). London, 1969.
37. Hunter Blair, Peter. Northumbria in the Days of Bede. London, 1977.
38. Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to Wallace-Hadrill J.M. / Ed. Patrick Wormald, 1983.
39. Johnson, Stephen. Later Roman Britain. London, 1980.
40. Laing, Lloyd Robert; Laing, Jennifer. Anglo-Saxon England. London, 1980.
41. Ogilvy, Jack David Angus; Baker, Donald C. Reading *Beowulf*: An Introduction to the poem, its background and its style. Norman (Oklakhoma University Press), cop. 1983.

42. Owst G.R. Literature and pulpit in medieval England. A neglected chapter in the history of English Letters. Oxford, 1961.
43. Rollason, David. Saints & Relics in Anglo-Saxon England. Oxford, Cambridge (Mass.), 1989.
44. Sawer, Peter H. From Roman Britain to Norman England. London,1978.
45. Sheldon, Gilbert. The Transition from Roman Britain to Christian England. AD 368-664. London, 1932.
46. Stenton, Frank Merry. Preparatory to Anglo-Saxon England. Oxford: Clarendon Press, 1970.
47. Studies in earlier Old English prose: 16 original contributions (up to 970) / Ed. Paul E. Szarmach. Albany (State Univ NY press), cop. 1986.
48. Thomas, Charles. Britain and Ireland in Early Christian Times AD 400-800. London: Thames and Hudson, cop. 1971.
49. Thomas, Charles. Christianity in Roman Britain to AD 500. London,1981.
50. Turner, Sharon. The History of the Anglo-Saxons: comprising the history of England from the earliest period to the Norman Conquest. The 4th ed. Vol. 1-3. London, 1823.
51. Waddell H. The Wandering Scholars. London, 1927.
52. Waddell H. Beasts and Saints. London: Constable, 1934.
53. Waddell H. Mediaeval Latin Lyrics. London, 1947.
54. Wallace-Hadrill J.M. Bede’s Ecclesiastical History of the English People: A Historical Commentary. Oxford, 1988.
55. Whitelock, Dorothy. History, Law and Literature in the 10-11th. century England. London: Variorum Reprints, 1981.
56. Whitelock, Dorothy. The Beginnings of English Society. Harmondsworth (Middlesex), 1991.

57. Wilson, David. The Anglo-Saxons. Harmondsworth (Middlesex), 1971.
58. Wright, Thomas. A History of English Culture. London, 1874.

Алфавитный указатель имен

Августин, 33
Агильберт, 57
Адриан, 56
Айдан, 41
Акка, 109
Алкуин, 130
Альберт, 115
Альбин, 109
Альдфрид, 79
Альдхельм, 69
Альфред, 158
Амвросий, 15
Артур, 16
Ассер, 167
Бенедикт, 74
Бирин, 39
Бонифаций, 121
Бэда, 90
Бюрхтнот, 218
Бюрхтферт, 229
Вигстан, 148
Виллехад, 129
Виллибальд, 128
Виллиброрд, 118
Вильфрид, 58
Вихтред, 83
Вортигерн, 14
Вульфрик, 223
Вульфстан, 231
Вэрферт, 170
Гарольд II, 265
Гильдас, 23
Годвин, 258
Годива, 281
Григорий, 31
Гримбальд, 171
Гутлак, 68
Гутрум, 165
Даниэль, 110
Джон, 172
Дунстан, 201
Ида, 19
Ингимунд, 173
Инэ, 81
Кеавлин, 18
Кедд, 43
Кеольвульф, 132
Кеольфрид, 76
Кердик, 18
Кнут, 240
Койфи, 38
Колумба, 24
Кутберт (Кентербери), 113
Кутберт (Линдисфарн), 65
Кутберт (Ярроу), 111
Кэдвалла, 80
Кэдмон, 71
Кюневульф, 116
Кюнехельм, 148
Леоба, 276
Леофрик, 256
Луллус, 126

Макбет, 260
Ниниан, 21
Нотхельм, 110
Ода, 188
Озви, 46
Освальд (архиепископ), 208
Освальд (король), 40
Оффа, 137
Патрик, 21
Паулин, 36
Пенда, 45
Плегмунд, 169
Рагнар, 150
Роберт, 250
Рэдвальд, 44
Свейн, 234
Свидун, 149
Сивард, 260
Стиганд, 252
Теодор, 51
Торкель, 245
Тостиг, 261
Ухтред, 235
Фридесвида, 275
Фурса, 42
Хальвдан, 155
Харальд, 263
Хенгист, 17
Хильда, 272
Чад, 43
Эгберт (Иона), 65
Эгберт (Йорк), 111
Эгберт (король), 146
Эгфрид, 78
Эдберт, 133
Эдвард (Мученик), 212
Эдвард (Старший), 174
Эдвиг, 196
Эдвин, 37
Эдгар, 197
Эдмунд (внук Альфреда), 184
Эдмунд (Железный Бок), 239
Эдмунд (святой), 157
Эдред, 185
Эдрик, 237
Эдуард (Исповедник), 246
Эйрик, 186
Элле (Дейра), 19
Элле (Сассекс), 17
Эльдред, 254
Эльфрик, 227
Эльфхех, 230
Эмма, 278
Этельбальд, 134
Этельберт, 34
Этельвард, 225
Этельвольд, 205
Этельвульф, 152
Этельдреда, 274
Этельред (Мерсийский), 172
Этельред (Неразумный), 213
Этельстан (король), 179
Этельстан (Почти король), 190
Этельфлед, 277
Этельфрид, 20

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....3

ГЛАВА 1. ЗАВОЕВАТЕЛИ БРИТАНИИ.....5
1. Этнические конфликты в эпоху англосаксонского завоевания Британии: истоки и результаты.....5
2. Исторические портреты.....14
Вожди светские.....14
Вожди духовные.....21

ГЛАВА 2. КРЕСТИТЕЛИ АНГЛИИ.....26
1. Религиозные конфликты в эпоху крещения Англии.....26
2. Исторические портреты.....31
Римская миссия и ее последователи.....31
Кельтская миссия и ее последователи.....40
Короли-язычники.....44
Разрешение конфликта: король Озви.....46

ГЛАВА 3. ПРОСВЕТИТЕЛИ АНГЛИИ.....48
1. Конфликт культурных традиций в эпоху христианского просвещения Англии.....48
2. Исторические портреты.....51
Деятели церкви.....51
Новая римская миссия.....51
Созидатели.....57
Аскеты.....65
Поэты и книжники.....69
Короли.....78

ГЛАВА 4. ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....85
1. История как конфликт: англосаксы дома и за рубежом.....85
2. Исторические портреты.....90
Церковные деятели.....90
Бэда. Его окружение и наследники.....90
Англосаксонская миссия на континенте.....118
Короли.....132

ГЛАВА 5. ЗАЩИТНИКИ АНГЛИИ.....141
1. Набеги викингов: конфликт порядка и хаоса 141
2. Исторические портреты.....146
Предшественники Альфреда.....146
Альфред и его окружение.....158
Наследники Альфреда.....174

ГЛАВА 6. СТРОИТЕЛИ АНГЛИИ.....192
1. История Англии X-XI вв. как конфликт политических ориентаций.....192
2. Исторические портреты.....196
Эпоха Эдгара Миротворца.....196
Эпоха Этельреда и Кнута.....212
Эдуард Исповедник и его окружение.....246

ГЛАВА 7. ПРЯХИ МИРА.....269
1. Англосаксонские женщины в бурях истории 269
2. Женские портреты.....272
3. Королевы, словотворцы, святые (женщины Британии и поэтическое искусство англосаксов).....282

Краткая библиография 296

Алфавитный указатель имен.....299

Учебное пособие

ГВОЗДЕЦКАЯ Наталья Юрьевна

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И КОНФЛИКТАХ

Лицензия ЛР № 020295 от 22.11.96.
Подписано в печать 29.11.01.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 14,8.

398

Тираж 200 экз.

Издательский центр «Юнона»
153002 Иваново, пр. Ленина, 47